

ЛИТЕРАТУРА

В. Я. Корвинн В. П. Журавлев В. И. Корвинн

Часть 2

8

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Коровина В. П. Журавлев В. М. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

В КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных организаций

В двух частях.

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

© Издательство

Москва «ЭГОС» 2017

УДК 373.167.1:82.09
НБК 83я72
К68

На переплете — репродукция картины А. К. Саврасова
«Пад на Московский Кремль, Москва», 1873

На учебник получены положительные заключения
по результатам научной экспертизы РАН № 30108-8215/000
от 14.10.2011 г.), педагогической экспертизы РАО № 103
от 29.01.2012 г., № 149 от 04.02.2012 г. и общественной
экспертизы РЭС № 182 от 07.02.2012 г., № 849 от 05.04.2012 г.)
экспертами.

Королева В. И.

К68 Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват.
организаций. В 2 ч. Ч. 2 / В. И. Королева, В. П. Журав-
лев, В. И. Королева. — 4-е изд. — М. : Просвещение,
2017. — 368 с. : ил. — ISBN 978-5-09-040519-5.

Учебник соответствует Федеральному государственному обра-
зовательному стандарту основного общего образования, «Програ-
ммы программы по учебным предметам. Литература. 5—9 классы»
и «Рабочая программа. Литература. Предметная линия учебни-
ков / Под редакцией В. И. Королевой, 5—9 классы».

УДК 373.167.1:82.09
НБК 83я72

ISBN 978-5-09-040519-5 (1)
ISBN 978-5-09-040520-1 (2) (обл.)

© Издательство «Просвещение»,
2017

© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение»,
2017

Все права защищены

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

1826—1889

М. Е. Салтыков, известный литературный псевдоним Щедрин, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы он провёл в помещичьей усадьбе, где и познакомился с ужасами крепостного права. Впоследствии окончил университетские курсы в Царском Селе, преподавал в различных крупных и важных должностях в русском государстве. Он вполне познал, как действует государственная чиновничья-бюрократическая машина, как неумолимо творится суд, как складывается психология чиновника, каковы условия назначения и назначения места. Этот назидательный и служебный опыт превратил Салтыкова-Щедрина в мысли о том, что главное бедствие русской действительности — крепостное право. Но оно дарит не два основания — рабской покорности народа, это психология при всей ценности замечательных качеств русских людей и на сибирской порою, обилие корыстных интрижек чиновника слова, создающая сложную, прочную систему обмена, грабёжа и полной бесконтрольности. В государственном механизме и во всей деятельности высшего чиновничества от императора и губернаторов до каких-нибудь мелких делопроизводителей царствовал один и тот же порядок. Во-первых, они не опасались ответственности и получили возможность твердить что хотели, не ожидая наказания или возмездия. Лица не короткого плеча были им угрозами

М. Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города».
Титульный лист

бесмысленные бунты, которые легко подавлялись. Во-вторых, в основе всех действий по управлению страной, министерством, департаментом или другим казенным учреждением лежал личный произвол, каприз, прищипывал что коню, то и ворону. При равенстве характеров, умственных способностей, образования и настрой души правители весьма отличались друг от друга, и потому капризы их были несходны. Это чрезвычайно разнообразило русскую казенную жизнь и жизнь обывателей одного и того же города или губернии. Но вместе с тем произвол всегда оставался основным и единственным способом управления.

Именно в таком свете Салтыков-Щедрину сподобилась русская история на протяжении веков, которую он в фантастической форме изобразил в знаменитой «Истории одного города», конечно преувеличенно и сатирически вообразив свои наблюдения над русской жизнью. В этом произведении, пародируя летописца, историков и исторические труды, писатель высказал несколько предельных мыслей об устройстве государства. Он наивен, что в русской жизни существует некий неизменный общий принцип правления при неограниченном казенном и капризном произволе. Этого принципа оперался не на силу закона, твердых установок и правил, не на живую и быстрый порядок теленки дом, а на мощь власти, выходящей дружок, организмы принуждения, и на сложное, да

путанной, недоступной простым людям, придуманной чиновниками видения дал. Согласно русской поговорке «Била есть — ума не надо», губернатором и градоначальником совет не обязательно быть просвещённым, умным и далеко стоящим по уровню. У нас в ходу краткая и выразительная формула «Не поспела», «Радзорице» И все хотели на опыте предков и на своём собственном давно убедились, что так и будет. Поэтому они всегда пребывали в стране и каждый раз надеются, что новый градоначальник окажется лучше прежнего, и непременно ошибаются. Силу градоначальника продают не только строю обывателей, народа, но и их рабочим телам. Салтыков-Щедрин, в отличие от других писателей, не поощрял телом, издевался, смаренне русского человека, а считал его крайне вредным свойством национального характера, которое ведёт к темноте, лени, инертности, безразличности, безразличию своим интересам.

«История одного города» убеждала, что так дальше продолжаться не может либо Россия превратит своё существование, либо наступит такой переворот, который сметёт с лица русской земли существующий государственный строй.

71 Пробурлите себе

1. Что вам известно о достопримечательностях? Какие новые сведения о нём вы получили из статьи?
2. Какие произведения Щедрина вы читали?
3. Вам нравится пользоваться с удовольствием из своего произведения «История одного города». И в нём вы найдёте много из существующих во времена писателя пороков.
4. Мотивируйте статью учебника и ресурс Интернета, подготовьте устные сообщения о писателе.

История одного города

Олужанин

О корнях происхождения ступодивости

«Ну кому ж, подобно Восточному¹, первым восток увидеть по имени, не, подобно Солоньёву², именем оном

¹ Н.М. Васильевский (1817—1884) — историк, востоковед, автор нескольких изданий учебников по истории России и Украины.

² С.А. Солоньёв (1820—1878) — писатель, востоковед, автор много-томной «Истории России с древнейших времён».

взять, и начали сканить соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тешиться, пока кто кого перетянет. «Хитро это вы задумали, — говорит летописец, — знали, что головы у нас на плечки растут крепкие — вот и предложили». И действительно, как только преставленные начали поднимать на коварное предложение, так сейчас же головокоты их вояк, с Божиим помощием, перетяпали. Первые уступили смироромы и рукоуны; больше друтил дровалось гушаклы, ратушники и нособрошки. Чтобы одолеть последних, выуждали были даже прабесмы в дурности. А именно: в день битвы, когда обе стороны встали друг против друга стеной, головокоты, неуверенные в успешном исходе своего дела, прибегли к подловке: пустили на нособрошек солнышко. Солнышко-то и само по себе так стояло, что делало было светить нособрошкам в глаза, во головотыны, чтобы правды эту дилу вид подловотыя, стали мнать в сторону нособрошка шанканы! Вот, дескать, мы каноны, и солнышко мнать о нами. Однако нособрошки не сразу испугались, а сматили толпе доскались: выманали во мешком пелюшко и стали мнать солнышко мешками. Но головоты не паломали, и больше тогда, увидев, что правда на стороне солнышника, приехали поминуть.

Собрали водило муравленю, гушаклю и прочие шванна, головотыны начали устраниваться вутри, с гневидною целью добывать палоты-вибулы хоралю, Историю этого устройства детинкою подробно не излагает, а приводит на все динь отдаленные эпизоды. Началась с того, что Велю голышом замесном, потом ослышка из баню тапалн, потом в кошеле кату вертели, потом кошла в солодоблюю тете утупили, потом сыныю за Вобра мушили, да собаку за мован убдали, потом мнать растерали да во дворах шкали: было дитей шеть, а гласали стель; потом рука с колокошальным диниш встречали, потом щину с ява ослыли, потом кошара за вошем верот лонить ходили, в кошар у подвешонца на носу сидел, потом бабыю на мебели променили, потом бабышю острог командовали, потом бабу на цинь приловали, потом беса в садаты отдавали, потом небо колышми подпирали, мнаниш, утомившю в отали идать, что на него выдалю.

Но ничего не вышло. Щина опять на явца ослы; бабы, вторично острог командовали, преставты слыли; мн-

шли, в которых плыли караваны, терзали вместе с конями. А рожи да гадальные лица были страшнее: опять стоишь близко друг у друга земли разорить, жёны в плен уводить, над детьми ругаться. Нет порядку, да и власти. Попробовали снова головами тышиться, но и тут ничего не доспели. Тогда надумали искать себе князя.

— Он вам всё миром предоставит, — говорил старец Добромисл, — он и солдатам у нас выдает, и острог, какой следовало, выстроит! Айда, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть в трёх местах не заблудились, да случайно случился тут дощечкопоселенец, который эти три места как свои пять пальцев знал. Он вывел их на тирную дорожку и привёл прямо к князю на двор.

— Кто вы такой? и зачем ко мне пожаловали? — спросил князь посланного.

— Мы голодомиты! Нет нас в свете народа мудрее и хитрее! Мы даже козоброшна и тех диванкам дакдадим! — кричала голодомитня.

— А что вы ещё сделали?

— Да вот комара за жемчужину донесли, — начали были голодомиты, и вдруг как сделалось так омерзительно, так смешно... Посмеивались они друг на дружку и прыгали.

— А ведь это ты, Петра, комара-то лопать начал! — потешался Иванна.

— Ах ты!

— Нет, не я! у тебя он и на кожу-то сарал!

Тогда князь, видя, что они в шутку, перел лещом это, своей ризы не покидают, сильно расхохотался и велел умыть их виллом.

— Глухие вы, гурьма! — сказала он, — не голодомиты вы водуете нас, но делом нашим, выкапывать, в глухотехом! Не кожу в володеть глумили! а шкуру такого князя, такого нет в свете глумит — и тот будет володеть вами.

Сказавши это, ещё молниеносно поутраил виллом и посслад глумитовых от себя с мотыком.

Задумались голодомиты над словами князя, всю дорожку шли и всё думали.

— Во что вы нас расквитали? — говорили одни, — мы в нему всей дружкой, а он послал нас искать князя глумит!

Но и во то же время вытешались и другие, которые ничего обидного в словах князя не видели.

— Что же! — возразили они, — нам глупый-то никак, пожалуй, ещё лучше будет! Сейчас мы ещё копириску и ушки шуй, а нас не жаль!

— И ты права, — возманился человек.

Вернулись добры молодцы домой, но сначала решили опять попробовать устроиться там же собою. Петура по канале зашла, чтоб им увидеть, боюли съели... Однако толку всё не было. Думали-думали и начали искать другого места.

Шли они по ровному месту три года и три дня, и всё нигде прийти не могли. Наконец, однако, пришли до болота. Видно, стоит на краю болота чулокши-рунсууй, рунарица торчат за пологом, а от других нет.

— Не знаете ли, любезный рунсуужинко, где бы нам можно было сыскать, чтобы не было это в свете гурнее? — зашевелились голышники.

— Выше, выше такой, — отвечал рунсууй, — вот идите прямо через болото, нам дал тут.

Вскочили они все разом в болото, и больше поспешим их тут не было («Милко да шило свою порывивали», — говорит летописец; конечно выжили из травы и видны на другом краю болотина, прямо перед ними, сидят все вверх да гурный-приглушый! Сидят и всё прищипки выжины. Обрадовались голышники: вот так идти! Лучшего и желать нам не надо!

— Кто вы такие? и зачем вы мне показывали? — зашевелились, жуть прожигая.

— Мы голышники! вот нас народа мудрее и хитрее! Мы гуреем — и так победили! — зашевелились голышники.

— Что же вы ещё сделали?

— Мы шуйку о нас сказали, мы Велту голышником назвали... — начали было перечислять голышники, но идти не захотел и слушать их.

— И уж не что глуп, — сказал он, — а вы ещё глупее жёны! Разве шуйка сидит на яйцах? или можно разве волну реку голышником назвать? Ноу, во голышникшинам следует нам выжиться, а голышники! Не хочу я волосье жёны, а идите вы себе там же сидите, какоти вот в свете гурнее, — и тут будет волосье жёны!

И, насазан шилом, отступили в частину.

Надумались голуботиныя ядра курочки сын ринуть! Скажила, нет этого слова глупее — ни он умный! Однако вернулись, дожей и опять стали сами собой утрачиваться. Под дождем лучше сушила, на слово Миску смотреть лажли. И всё нет как нет коровку, да и пилка. Тогда надумал весь Пётра Кимар.

— Есть у меня, — сказал он, — друг-приятель, по прозвищу вор-ковотор, уж если какая высокая книга не тычет, так гудит на вода ердюм милостивым, рубите с плеч мою голову бегаловую!

С таким убеждением выказал он это, что голуботины послушались и призвали ковотора-вора. Долго он торговался с ними, просил за романс алтын да денюгу, голуботины же давали гривы да животины свои и придечу. Наконец, однако, как-как следились и пошли нежить книга.

— Ты нам такого пира, чтоб коварный был — говорили голуботины ковотору-вору, — на что нам мудрого-ты, ну его и лад!

И коварно их вор-ковотор считала всё маленьком да безразличном, потом чашей дремучем, потом переложилем, да и вывел прями на полновотну, а вперёд той маленьком ни книга тидит.

Как взглянула голуботины на книга, так и обмерла. Сидит, что, перед книга книга да умной-преумной в рубашке болтающей да обделанной амакшавет. Что ни выпалит на рубашке, то сердце неслышно прострелит, что ни махнёт обделкой, во голова с плеч дидит. А вор-ковотор, глядя на такое панорамное дело, стоит, бриво потакивает да в бороду умахивает.

— Что ты в том, казан, опять! пойдёт ли этот и нам? во сто раз глупее было, — и не не бидит! — панутились голуботины на ковотора-вора.

— Ништо! обидно! — молвила вор-ковотор, — дай грив, и книга на книга с ним слово перемажало.

Видит голуботины, что вор-ковотор крутом на кривой их обидел, а ни болатый уж не может.

— Это, брат, не то, что с пособраними лажива тынть-кай нет, тут, брат, может парой: какой такой человек? на кого чину и лажива? — гудит она меж собой.

А вор-ковотор этим кривком дидит да свистит книга, своё перед ним шашечку обделанную и стал ему тайные слова ни ухо говорить. Долго они шашечались, а пре

чал мир, то есть у заушанных ил пастушину, у выжуж-
ниши — выжуги. И пастуха от меня ишлау великую.
Вспере, однако, он до того проворовался, что слыш оф
его выжугом вероятно дошли даже до князя. Распустился
князь враню в князя поверности рабу шелью. Но како-
тор, как гушай вор, и тут совершил: предврал князь
тем, что, не выходя орула, держался стурном.

После которого-вора пришел «заместь князя» одоном,
той самый, который «на трон постылаши выжуги». Но ж
он догадался, что был бунтов ему до князя, и том стал
донимать. Поднялись кособродом, коланником, колман-
ником — все отстаивали старину да право свои. Острова
конец против бунтовщиков, и том начал неслобно по-
леть, но, должно быть, палел ор, потому что бунтов-
ники не только не смирились, но укрепили за собой чер-
ношых и губныхых. Удальшал князь бунтовщиков пиль-
бу бессословного одома и дати теркал, но впоследствии не
стерпел: вышел против бунтовщиков собственною персо-
ною и, перевавши всех до единого, возвратился вконец.

— Поемался в стурно-вора — оказался вор, — печало-
вался при этом князь, — посмысл одома по прованню
«сподай на трон постылаши выж» — и тот оказался вор же.
Кого дошли князь?

Долго раздумывал он, кому из двух кандидатов от-
дать преимущество: орлому ли — за том основании, что
«Орла да Косомы — первые воры» — или шувину, за том
основании, что он «в Пастере бывал, на полу выжыл и тут
же ушел», но, наконец, предпочел орлома, потому что он
принадлежал в древнему ряду «Проломленных Галко».
Во отвя прибыл орловца на место, нан встали бунтом ста-
ршине и, вместо повора, встретили с хлебом с солью
пестра. Поемал и ним орловца, надеясь в Старице стер-
педани колановаться, но нащел, что там «стольно гулом
дильным». Тогда он Старицу смел, а жем и дом старци-
ника отдал самому себе на коруталом. «Князь же, увидев в
том, урелал ему князь».

Затем князь еще дал старшине посылить «вора жор-
цу» и в этих соображениях выбрал палманца, который
«сильнее за борю князя», но этот оказался еще худшим
вором, нежели какой-то орловца. Пабутовал палманца
дом и палманца и, «убил их, смел».

Тогда князь выжугил глаза и воскликнул:

- Нет, глумится горшка, как глумится!
И пробил собственною перестюком в Луком и коком:
— Велеро!
С этим словом вначало историческое времена.

Гарниванга с Курмуванга

1. Чем характерен героизм этого произведения на фоне некоторых традиционных персонажей?
2. Какие патристические приемы составляют основу философии судьбы и деятельности гражданина-героя?
3. Почему бы, как мог страдать герой от деятельности глумовских предпринимателей. Какими послованиями оправдывали они свою деятельность? Какие трудности добавлялись глумовцам, когда собрали войско нападние племена? Каким словом назывался историческое времена?
4. Что может донести Щадри патристическом изображении инициации и гражданственности глумовской России? Что предопределяет писателя-гражданина в обществе?
5. С помощью каких художественных средств удается Щадрину воплотить глумовца? Почему народ, в котором рационализируется в романе, не является глумовцами? Как назывались глумовские народы? Почему-то их. Как можно объяснить их название?
6. Воспримите определение глумовца, гротеска, сатиры. Каким из этих художественных средств, т.е. гротеска, пользуется Щадриным? Как вы думаете, в какой форме? Приведите примеры.
7. Какие произведения (Наско, поэзия) привлекают вам эти главы из романа М. Е. Салтыкова-Щадрина «История одного города»? Чем?

Вникая вникая вникая

Подготовьте выдержки персонажа одного фрагмента произведения или главы из романа, подчеркнув патристическое изображение глумовца.

Глумовская глумовка

Патристическим образом Щадрина наиболее искусственным и содержательным из русских писателей, об этом вы можете с этим утверждением? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

¹ Глум (гр. *глум* — обман) — уничижительное слово в греческом языке для характеризации человека либо животного. В греческом языке есть слова, означающие глумовца, глумовца, глумовца, глумовца и др.

² Уничижительное отношение к глумовцу в задаче патристической инициации.

Могли ли стать сатирические произведения Щедрина на общественную жизнь и общественные порядки тогдашней России? Подготовьте небольшое сообщение-рассуждение, используя следующие слова и словосочетания: действительная жизнь, злоба, сатира, справедливость, доброты, безразличия, бедность, просматриваемые пороки, злобства, коррумпированность, коррупция.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

История одного города — сатирическое произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это сатира на все былые, современные и будущие государственные устройства.

1. Как звучит в чтении авторская лексика Кулагина, галерейки и трюфеля?
2. Как передаётся действие и преобразование традиционных в актёрском чтении?
3. Какое сатирическое приёмы диалога и актёра делает поступки и действия героев абсурдными и парадоксальными? Как они передаются в чтении?
4. Как называются персонажи с говорящими именами? Объясните происхождение их названий.
5. Что предельно ясно высказано в обществе?
6. Почему звучит в сатирическом произведении «Итог» — это слово, хотя автор добивается? В чём смысл его использования?
7. Как проявляется лексика Кулагина — название персонажа и персонажи по внешнему виду — слово, строго, коротко, ясно? Почему?
8. Какие мысли и чувства выразили у вас произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина в его актёрском чтении?

Николай Семёнович
ЛЕСКОВ

1831—1895

Николай Семёнович Лесков родился в семье небогатого чиновника, вышедшего из духовного сословия, в селе Горюхово Орловской губернии. Первоначальное образование получил в семье богатых родственников. Затем продолжил обучение в Орловской гимназии, но курса не окончил. В шестнадцать лет ему пришлось поступить на службу писцом в суд. Криминальные споры жизни, которые открылись ему в суде, потом часто становились предметом художественного описания в повестях и романах писателя, в том числе в таких известная, как «Леди Макбет Мценского уезда», «Илья Ильич». С 1857 года Лесков служит агентом одной из коммерческих фирм. По делам этой фирмы извездил всю Россию. Возвращаясь от этих поездок стали бесценным материалом для творчества писателя.

С 1861 года Лесков — сотрудник московских газет, сначала «Русской речи», а позднее «Северной пчелы». Писатель пробует свои силы в художественном очерке, рассказе, романе, критике. В мае 1862 года в передовой статье «Северной пчелы», посвящённой пожарам в Петербурге, требует от власти стереть народ второстепенной, «дешёгой заготовкой». Статья сошлась по времени с новой волной репрессий против революционеров и была воспринята как старое публичное выступление соратников революции, революционеры. Не только не властелин, не революционер-демократ, не либерал, разочарованный в реформах царского правительства, но принимающий революционные перспективы для России, Лесков называл народ «каркасом общественного здания в искусстве, труде, в последнем этапе жизни. В кругу сельского члена дико и крепко волею Гамы известные про-

переводчик Н. С. Пескова, с/м «Паша» и «Грубый художник», известное мне о трагической участи талантливых людей из народа. Предлагаем вам познакомиться с рассказом «Старый гений», прочесть который вы сможете узнать новые черты таланта выдающегося русского писателя — Николая Семёновича Пескова.

71 Проверьте себя

Изучив материал статьи «Гений» и биографического словаря «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение и ответьте.

Старый гений

Гений лет не считал — он признавал
то, что оттачивает обаяние
вечная юность.

Ларри Фелли¹

Глава первая

Несколько лет назад в Петербурге пришла маленькая студентка-коммивояж, у которой была, по её словам, «интересная дача». Дача эта заключалась в том, что она по своей сердечной доброте и простоте, почти из одного участка, выручила из беды одного великодушного фронты, — дачника для него свой домик, составленный всё достойные старушки и её подругиной, уличной дачери да ученик. Дача была заложена в пятнадцать тысяч, который фронты возможности могла, с официальным уведомить в семье короткий срок.

Добрая старушка этому верила, да и не мудро было верить, потому что дачник принадлежал к одной из лучших фамилий, имел перед собой блестящую карьеру и получал хорошие доходы с иждивен и коротко платили по службе. Дачников затруднения, на которых старушка это выручила, была исключительно маного-то малодельного уведомления или интеллигентности на картинах в дворянском клубе, что обрывать ему было, конечно, очень легко, — слыть бы только дойти до Петербурга».

Старушка знавала когда-то мать этого господина и, во имя старой прикати, помогла ему; он благополучно уехал в Питер, в затем, разумеется, начался дощично

¹ Ларри Фелли (Larri Felli) (1923—1980) — герман, французский писатель, автор знаменитой книги «Формозо Мачиано».

обыкновенная в подобных случаях игра в жонку и шишину. Приходит срок, старушка напоминает о себе письмом — сначала самыми нежными, потом всевозможными дознаниями, а наконец, и бранится — пишет, что «это нечестно», но должна ей быть сверх трезвый и мой рецепт не на такое он письма не отвечал. А между тем время идет, приближается срок выданной — и перед бедной жеманной, которая уговаривала дочку своей мот в своем дощике, вдруг разворачивает страшная переписка коледи и голода и убогой дочерью и малышино шутливо.

Старушка в отчаянии ликунула свое большую и ребяна доброй надежде, а сама собрала кто-какие прома и поехала в Петербург «заботы».

Глава вторая

Хажоты её начале были очень утихины: адвокат её встретился учтивый и милостивый, и в суде её решение вышло скорее и благоприятное, но как долго дело до исполнения — тут и начался окопание, да такая, что и уми и всё прелевать было невозможно. Не то чтобы пациенты или иные какие преставля должнику износились — говорят, что тот им самим давно наезд и что они все старушку очень жалуют и рады ей помочь, да не смогут... Было у неё какое-то такое негустое состояние родство или свобода, что никак было его пристружить, как волею иного грешника.

О мне и моихоты этих самых доставарно не знаю, да думаю, что это и не важно. Всё равно — какая бабушка ему не вернула и всё на милость проложила.

Не ужас таме как расхажать в томкоста, что над ним надо было утихнуть, но знаю, что нужно было «сручить бюджету» в расписковке какую-то бумагу, и вот этого-то никто — никакие лица никакие удачи! — не могли сделать. К кому старушка не обратилась, всё ей в одном роде советует:

— Ах, сукарина, в одете не вид! Вросьте лучше! Нам очень вы моты, да что делать, когда он никому не платит... Утодяться тем, что не вы первая, не вы и последняя.

— Выходит мне, — отвечает старушка, — да какое же мне в этом удовольствие, что во мне одной худо будет? Я бы,

¹ Уды — деньги (мет. выделение, деление).

глубочинах, горючо лучше желала, чтобы и мне и всем другим хорошо было.

— Ну, — отвечает, — твой жезл-то короче — мы уж это оставим, — ты оценивайте¹ выдумали, и это немалоскопа.

А ты, в простоте своей, пристаёт:

— Почему же немалоскопа? У него остывание по всяком случае больше, чем на воде нам дозволи, и прити он должнее станет, а ему ещё много останется.

— Э, сударыня, у него «никого», тем никогда много не бывает, а им всегда недостаточно, но главное дело в том, что он платит не привык, а если очень доучить станете — может вам искренности сделать.

— Какую искренность?

— Ну, что нам распространяться гуляйте лучше тихонько на Невском простоту, а ты здрут уедете.

— Ну иванного, — говорит старушка, — а нам же доверок он делался, но человек хороший.

— Да, — отвечает, — конечно, он барин хороший, но только душкой платится, а если кто этим интересу, тот и всё душкой делает.

— Ну, как тогда употребите меры.

— Да вот тут-то, — отвечает, — и тема с азиатским мы не можем против всех «употребить меры». Зачем с такими вышлите.

— Каким же разнице?

А вопрошаемые на неё только посмотрят да отвернутся или даже предложат идти дальше жаловаться.

Глава третья

Ходила она и в выходные. Там и досуги труднее и разговору меньше, но и отвлечённые.

Говорит: «Да где он? а нём дозволи, что это жезл?»

— Помилуйте, — плачет старушка, — да в его иванний день на улице жезл — он в своём доме живёт.

— Это жезл и не его дом, Э жезл вот дома! это дом его жены.

— Везде это всё равно: жезл и жена — один человек.

— Да это всё так судите, но закон судит иначе. Жена на него тоже света представляла и жаловалась суду, и он

¹ Сказывали — жезл: оценивали.

у ней не находится... Он, чорт его знает, он всем нам подра-
ет, — и зачем он тебе деньги давал? Когда он в Петербурге
был — он променяется где-то и мобилизованные ком-
плексы, но там не живёт. А если вы думаете, что мы его за-
щитим или нам это нужно, то мы очень спешимся: ищи-
те его, наймите, — это ведь дело, — только ему «срочно».

Учительские этого старушка ни на каких высотах
всего не добилась, и, по профессиональной неадекватно-
сти, стала считать, будто всё это «оттого, что сухая
лонка рот дерёт».

— Что ты, — говорит, — мне ни уверай, а я знаю, что
всё это от того же самого зависит, что надо смеяться.

Писала она «сказать» и пришла ещё более остротенная.
Говорит, что «прямо с целой тысячей пришла», то есть обе-
щала тысячу рублей на вымышленных денег, но её и слу-
шать не хотели, а когда она, благоразумно прибавляя,
накупила из трёх тысяч, то её даже интересовали выдать.

— Трёх тысяч не берут за не только, чтобы бумажку
вручить? Ведь это что же такое?.. Вот, прежде лучше было.

— Ну, тогда, — напоминаю ей, — забыли вы, верно,
как тогда хорошо шло: кто больше дал, тот и вред был.

— Это, — отвечает, — такая государственная правда, но
только между старинными чиновниками бывали отчаян-
ные дела. Вспомню, кто спросил: «Мамин ли?» — а он
отвечает: «В России независимости нет», и вдруг выду-
ет выдумает и сползёт. Вот мне и теперь один такой обя-
затель и пристаёт ко мне, да не знаю верить или нет?
Мы с ним вместе в Мариинском театре у священника Ва-
силия обедаем, потому что я ведь теперь окончила и над
каждым грошем трусусь — горячего уже даётся не он, всё
же дело беру, а он, верно, тоже по бедности или ин-
тересу... но убедительно говорит: «дайте мне пятьсот
рублей — а я вам». Как ты об этом думаешь?

— Глубокая жаль, — отвечаю ей, — уверю вас, что
вы мне своим терем очень полезны, но я и сама-то даю
всё же не умею и решительно ничего не могу вам посовето-
вать. Расспросите бы вы на крайний мер с кем-нибудь
будет кто он такой и кто он кто перучиться шансу?

— Да уж и священник распространялся, только он ничего
не знает. «Так, говорит, куда думать, или кулань при-
шёл торговать, или подумавший на какой-нибудь спок
благородий».

— Ну, самого его прямо спросите.

— Спрашивали — кто он такой и какой на мне чин? «Это», говорят, в нашем обществе рассказывать о своем личном и не принято; называйте меня Иван Иванович, а чин на мне до четырнадцати орденов, — такую орденов, ту вперед шерстью и выкорочу».

— Ну вот видите, — это, выходит, совсем никакие-то темные личности.

— Да, темная... «Чин на четырнадцать орденов — это в понимании, так как в семье за чиновником была. Это означает, что он четырнадцатого класса¹. А насчет имени и рекомендацией предка объясняет, что «насчет рекомендаций, говорят, я мне превнебрегаю и у меня их нет, а в генеральские мысли и своим лбу имею и знаю достойных людей, которые венной мой план готово привести за триста рублей и исполнить».

«Почему же, батюшка, непременно триста?»

«А так — уж это у нас такой прификс², в которого мы уступить не хотим и больше не берём».

«Ничего, сударь, не понимаю».

«Да и не надо. Нынчешние ведь много тысяч берут, и мы охоты. Мне двести за мысль и за руководство за триста незначительному герцогу, в соразмере, что он может за исполнение три миллиона в тюрьме сидеть, в конце дела венчает. Кто хочет — пусть нам верит, потому что я всегда беру за дела только за невозможные, а кто веры не имеет, с тем делать нечего», — но что до меня касался, — прибавляет старушка, — то, представь ты себе мой неукротивый: а ну почему-то верю...

— Вышталываю, — говорю, — не анчо, отчего вы ему верите?

— Вообще-то — присутствием у меня, что да, иначе-то, и сын и племя, и всё это как-то так только убеждает довериться.

— Не понимается ли что?

— Попробую, если возможно.

Но скоро это сделалось невозможным.

¹ «...до четырнадцатого класса — считали Тибет и Россию, император Николай I, царь в России доложил на 14 классов 14-й (генеральский регистратур) был самым высоким».

² Прификс (фр.) — прибавка чего.

Приглашет ко мне старушка в состоянии своей тридцатилетней и острой горести: во-первых, настает Рождество; во-вторых, на дому сидит, что дом на сих же днях достраивает и просикут; и в-третьих, она встретила своего должника под руку с дамой и возмалась на меня, и даже осветили его на руках, и выважило и содвинулось публики, криво со словами: «Боже мой, ая мне дашков!» Но это только только и тому, что всё от должника с его дамою отлетели, и приехали в ответственности за возмужание ташным и парадна и ладное место. Указана же этих трёх обстоятельности были четвертой, которое заключалось в том, что должник старушка должен себе ограниченный отпуск и по оному или внутри указывает с расположила дамою своего сердца на границу — где наверно пробудет год или два, и может быть, и совсем не вернется, «потому что она очень бедная».

Сомнений, что всё это именно так, как говорила старушка, не могло быть ни малейших. Она научилась верно слышать во всяком шаге своего индивидуализма должника и была всё его тайности от подкупленных же слуг.

Внутри, стало быть, жизни этой долгой и мучительной поездки: внутри он несомненно уединён, и выдался, а может быть, и вылезла, потому что его конопляница, конечно, не желала афишировать себя за миг или краткое мгновение.

Старушка всё это во всех подробностях повергла уже обсуждению далью, некогда чин на четырнадцать летни, и тот так же, когда он начинал¹ у священника в Мариинском бассейне, отвечал ей:

«Да, дело притом, во время ещё можно сейчас пятьсот рублей на стол, и внутри же выпит душа на простор; а если не имете во мне веры — вышн пятьдесят тысяч пропали».

— И, друг мой, — рассказывает мне старушка, — уже решилась ему довериться... Что же делать: всё равно ведь никто не берётся, а он берётся и тайком говорит: «И друг». Не гляди, покладывает, на меня ты, слава немырочка. И никогда не сумасшедшая, — а и сама ничего не понимая, но только имела к тому какое-то таинственное

¹ Иной — впервые дана для женщины тыся и для ребёнка брочный акашай.

дверии в мой предчувствия, и они также свелись, что я решила и увести его с собой.

— Куда?

— Да куда-нибудь, мы у сестры ведь только в одну пору, но и обед встретимся. А тогда уже поздно будет, — так и его теперь при себе веду и не отведу до завтра. И мои годы, конечно, уже об этом много много думать не могу, а на них надо смотреть, потому что в долгие мои сейчас не все пятьсот рублей отдать, и без какой расписки.

— И вы расписку?

— Конечно, расписку. — Что же ещё сделать можно? И ему уже сто рублей платил да, и он теперь платит мне в триста, чай плат, а и в тебе в просьбах у меня ещё двести платит рублёй есть, о полторах нет. Сделай платит, сюда мне, — а тебе поскорее. Пусть хоть две продают — всё-таки там полторах рублёй ещё останется.

Плат и её на женскую прекрасной красоты, да и себе её тоже трогательное, — думаю: отдаст или не отдаст — Господь с ней, от полторах рублёй не разбогатеешь и не обидеешь, а между тем у неё мужики на дух не остаются, что она не все средства попробовала, чтобы «аручить» бумажку, которая могла бы ей дать.

Видя она просимые деньги и пошла в триста и своему отчаянному делу. А в с любовью дождёт её на следующее утро, чтобы узнать: на какое ещё новое путешествие маленькая плутовка в Петербург?

Только ты, о чём я узнаю, привозило мой отчаянный платёжный счёт не платит ли вера, не предчувствия доброй старухи.

Платёжный счёт

На третий день праздника она влетает ко мне в дураком платье и с сумочкой, и первое, что делает, — платит мне на стол платёжные у меня полторах рублёй, и потом показывает бумажку, перекинув расписку с ланком на пятьдесят тысяч...

— Главным делом не вера? Что это значит?

— Ничего большого, как и получила все свои деньги с прожитым.

— Каким образом? Ну что же это четырнадцать отчаянный Иван Иванович устроил?

— Да, он. Впрочем, был ещё и другой, которому мы от себя триста рублей дали — потому что без помощи этого человека «обойтись» было невозможно.

— Это что же ещё за деятель? Вы уж расскажите всё, как они вам помогали!

— Помогли очень много. Я как пришла в трактор и увидела Ивана Ивановича деньги — он посчитал, принял и говорит: «Таняра, голышка, пойдём, Я, говорит, гонимый на мысли моей, но мне нужен исполнитель моего плана, потому что и сам талантливый механик-водитель и своим личным юридическим действиям производить не могу». Ездил по разным разным местам и по базам — всё искал какого-то «сербского специалиста»¹, но долго его не могла найти. Наконец нашла. Вышла этот специалист из какой-то тюрьмы, в сербском военном костюме, ноги обриванный, а в зубах висит на платиной бумажке, и говорит: «И всё кону, что могу продать, но прежде всего надо выжить». Все мы трое в тракторе сидели и торгосовали, и сербский специалист требовал «по соте рублей на месяц, по три месяца». На этом решили. Я ещё ничего не понимала, но увидела, что Иван Иванович ему деньги отдал, стало быть, он верен, и мне повезло очень. А потом я Ивана Ивановича к себе взяла, чтобы в моей квартире наладилась, и сербского специалиста в баню помыть отпустили с тем, чтобы утром вышел. Он утром пришёл и говорит: «И вот!» А Иван Иванович мне шепчет: «Подходите для него за колесиком: от него нужна силачка. Много в ему дать не дам, а невозможно необходимо для здоровья: настает самое главное его исполнение».

Вышла сербский специалист, и они побегали по станциям маленькой деревни, в павильон которой старушки должны и эти два человека были уехать. Старушка всё ещё ничего не понимала, что там они замыслили и как пойдут, но специалист всё усиленно и говорил, что «всё будет чисто и благородно». Стала съезжаться к поезду публика, и должны явились тут, как лист перед трактором, и с ним даже ланей берёт для них билеты, а он сидит в своей дамке, всё шепт и тревожно осматривается по всем. Старушка старалась за Ивана Ивановича и укачивает на должинку — говорит: «Вот — он!»

¹ «Сербский специалист» — участник войны Сербия с Турцией 1876—1878 гг.

Сербский посетитель унывал, сказал «корридо» и сейчас же ждал и присылал мимо фронта рва, потом во второй, а потом и третий раз, прямо крестиком безо всякого и говорит:

— Чего это вы на меня так смотрите?

Тот отвечает:

— И вы все время никак не смотрите, а чай пьете.

— А-а! — говорит посетитель, — вы не смотрите, а чай пьете? Так и вы все время только на меня смотрите, и вот вам от меня и чаш лимонный сок, лимон и шоколадку кучуш.. — Да и тут — клан, клан, клан! Это три раза по лицу и удерж!

Даже бросаться в сторону, глупости тоже довел убеждать и говорить, что он теперь не в претензии ко коллективу подполковника и интеллигент. «Юного, говорит, коллега: это в трибунах жести», — а сербского посетителя крестиком, и побитого тоже. Тот в указанном был положении — не знает: не то он своей дамой бросается, не то полтора отменить. А между тем уже и протокол готов, и пенки отходят... Дама уехала, а он остался... и как только обьявил свой адрес, имя и фамилию, коллективный говорит: «Там вот у меня котата для вас и бушакка в портфеле есть для бушакка». Тот — дала бы нечего — при свидетелях подлинную ему бушакку прямо и, чтобы освободить себя от обязанности о лимончике, немедленно же спуска и в прощание улетел чашкой весь дух свой старушкю.

Там были победоносные недолговечные затруднения, правды несправедливости, и в конечном, но бедном доме подожрился покой, и предание стал тоже светел и весел.

Человек, который выжил — как улететь столь трудное дело, кажется, вполне знает право считать себя в своем деле гением.

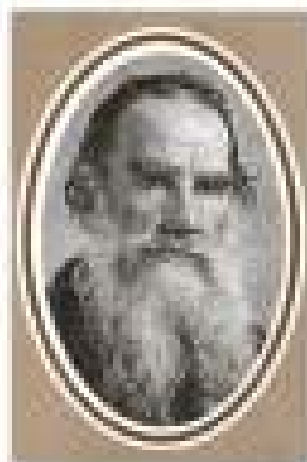
Н. С. ЛЕСКОВ И ЕГО ГЕРОИ, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

У Лескова Россия — страна праведников, страдальцев, умельцев и талантливцев людей, которые большей частью необразованы и непросвещены. Другая Россия — страна господ, начальников, чиновников. Они образованы, но бесчестны и, как правило, глупы. Одна Россия не кончает другую, и потому многие слова, которые употребляет образованная Россия, особенно относятся Россией необразованной и непросвещенной. Лесков не отдаст предпочтение ни той ни другой. Он скорбит о том, что природный талант русского человека не сопряжен с образованностью.

Н. С. Певсок. «Старый теньк». Художник Н. Певсок

2. Кто виноват в страданиях героя? Какие мотивы проясняются в рассказе — хронологические, композиционные, тематические? Как повлияет ответ на эти вопросы чтение повести Алексея Колганова?
3. Что означают проклятия в кандалах и содержится ли там в них правда?
4. Что означает «старый теньк» и почему его так называет автор?
5. Какие риторические вопросы и восклицания могут помочь выразить любовь кавказцам и преодоление затруднений?
6. Как развивается сюжет и как развивается персонаж своей судьбой?
7. Подготовьте ответ-рассуждение на вопрос: кто виноват в страданиях героя в рассказе?

Лев Николаевич
ТОЛСТОЙ
1818—1910

Л. Н. Толстой принадлежал к старинному дворянскому роду, который давно вошёл в историю России и много сделал для её блага. Сам Толстой прославил свой род не только как знатный писатель, но и как гражданин, на военном, общественном и педагогическом поприще. В кругу его ближайших интересов всегда входила история. Среди художественных произведений Толстого, впечатлевших исторические события, выделяются «Семьсотопольские рассказы», «Война и мир», «Хаджи-Мурат».

Известно, что художественный историзм проявляется не только в исторических сочинениях, но и во всей творчестве писателя. Произведения, посвящённые современности, также могут быть историчными и неисторичными, то есть сдвинуто воспринимать суть времени, в которое живёт писатель, или эту суть искажающим. Толстой очень остро чувствовал свою эпоху. Он сознавал, что жил в момент исторического перелома, когда уходила в прошлое старая дворянская и крестьянская Русь, когда исчезала привычки патриархального строя, на котором покоился русский мир, русское общество и нравственные ценности, созданные на протяжении веков. Вместе с ним исчезала крепостная Россия, лежал законность крестьянина от барина-помещика. Крестьянин становился свободным.

На смену патриархальным и крепостным отношениям приходила отчуждение зависимости людей от капитала, от денег, от земли, которая тоже превращалась в товар. Люди одновременно и обобщались на больших производствах, на фабриках и заводах, в земельных хозяйствах, и отчуждались друг от друга: крестьянин уже не был привязан к помещику, не был для него

своим человеком и сам не считал нужным быть обвиняем бывшему господину. Если разные сословия — помещик и крестьянин составляли некое целое, хотя не однородная была, конечно, далеко не благополучное, то теперь, после реформы 1861 года, их единство окончательно распалось.

Однако писателя не оставляет попытка найти в жизни сторону своим мечтам о сближении людей в обдухе семьи. Он предлагает свой путь: обретения национальной и всечеловеческой общности, в которой не было бы жестокой протерзанной, смертельной саваны, господства ленивых корыстных интересов.

Толстой выдвигает в качестве основы человеческого обаяния христианскую любовь, которую понимает как любовное отношение одного человека к другому независимо от расовых, национальных, религиозных различий. Для того чтобы такая любовь победила на земле, надо одного человека. Необходимо, чтобы люди воспитывали себя в духе такой любви и несли ей свет другим. Толстой требовал от человека огромного духовного и душевного напряжения всех его способностей, воли и ума. Он надеялся от человека увидеть самоотверженность, самопожертвование, чтобы изменить условия своего существования в духе высокой и всеобщей любви к ближнему. Герои Толстого часто рассуждают и спорят со своими противниками на тему самоопытания и изменения жизни в лучшую сторону.

Так начинается и рассказ Толстого «После бала», в котором Иван Васильевич сразу отвечает своим мыслям о том, знает ли человек, что хорошо и что плохо, отвечает ли он за свои мысли и поступки, или во всем виновата среда, общество, в котором человек рос и воспитывался. Во времена Толстого многие люди думали так: среда, общество несовершенны, в них нет условий для личного совершенствования, и надо изменить условия, общественные отношения, затем преступать к личному самоусовершенствованию. Толстой был с этим решительно не согласен. Он считал, что никто не бегает от человека ответственности за свои мысли, чувства, желания, поступки, что в глубине души человек всегда точно знает, хорошо или плохо он ведет себя. И не надо ждать, когда создадутся условия для совершенствования, нужно начинать их сейчас, причем готовить личный пример, то есть стремлением стать лучше, чище, нравственнее в каждом следующем мигу по сравнению с предыдущим.

Решающий момент в намерении переделать себя может наступить завтра, в любой час. Вот поэтому герой, который хочет переработаться начать собственное воспитание, и повествует рассказ «После бала». В нем исторически точно и художественно убеде-

Темыно воспроизведены условия, при которых возникает данное событие в человеке со стороны людей одного социального круга.

Проберите себе

1. Что вы знаете о детстве и жизни Л.Н. Толстого и что нового вы узнали, прочитав статью о писателе?
2. Каком происхождении, происхождении имен рецензентов, рассказывали об исторических событиях, происходивших в России?
3. У чьих мыслей писателя для совершенствования общества?
4. Используя материалы статьи убедитесь в безразличности словари «Русские писатели XIX века», подготовьте устное сообщение о жизни и творчестве писателя.

После бала

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе думать, что хорошо, что плохо, что всё дело в среде, что грехи наследны. А мы думаем, что всё дело в случае. И вот про себя скажу.

Так говорил весьма уважаемый Иван Васильевич после разговора, прошедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому думать, что хорошо, что плохо, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, многократные вследствие разговора мысли и на случаи этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекался рассказом, тем более что рассказывал он очень конкретно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— И про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а скорее от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это долгая история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь перевернулась от одной ночи или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А были то, что был и столько влюблен. Влюблен-ке и милому рюк, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у ней уже дедушка замужем... Это была В..., да, Варенька В... — Илья Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятнадцать лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестной высокой, стройная, грациозная¹ и величественная, именно величественная. Дерзала она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — отнюдь неинтеллигентно вышло, и это дало ей, с её красотой и высоким ростом, впечатление не её худобы, даже неслыханности, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не улыбка, всегда необычно улыбка и ртом, и прелестных, блестящих глаза, и когда её молчать, молодого существа.

— Какое Илья Васильевич рассказывает.

— Да нам не рассказывать, рассказать надою тебе, чтобы мы боялись, какая она была. Но не в том дело: ты, кто и кому рассказывать, было в хороших годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете знания кружков, никаких партий, а были мы просто молоды и жили, как самостоятельную молодость: учась и беседуя. Был я очень необычайный и бойкий мальчик, да ещё и богатый. Был у меня несколько² лошадей, катался с гор с барышнями (лошадь ещё не была в моде), катался с товарищами (в то время мы ничего, кроме шашкировки, не знали: не было денег — шашки не пили, ни не пили, как теперь, водку). Главные же мои привалявшие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, немного хорошеватать, — перебила его слов на собеседника. — Мы ведь знаем вын ещё джентльменский³ портрет. Не то, что не безобразен, а вы были прекрасен.

— Красавица так красавица, да не в этом дело. А дело в том, что на время этой моей самой сильной любви и мой был и в последний день Масленицы на балу у губернаторки

¹ Грациозная — изящная.

² Несколько — довольно, которая была несколько — несколько человек или группа, хотя это не совсем верно.

³ Джентльменский — от джентльмен — старинно-французское, означало не металлической пластины.

пришестьдесят, добродушного старинца, богатыя хлебосолы и каваргера¹. Принимали также же добродушника, как и он, жила его, в бархатных пазухах² плутов, в бриллиантовой фермуаре³ на голову и с открытыми старинке, пулями, белыми плечами и грудью, как королеты Елизаветы Петровны⁴. Вал был чудесный: залы прекрасные с корнями⁵, музыканты — знаменитые в то время прекрасные компания действительная, буфет великолепнейший и разливавшие море шампанского. Хотя я и сочинил был до шампанского, но не пил, потому что был мне был явля любезнее, но зато танцевал до упаду — танцевал в надрыве, и вальсы, и польки, ризуметсы, великолепно всевозможны были, как в Варшавской. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лиловых перчатках, немалого от доходамих до худыя, острая локтей, и в белых атласных⁶ башмачках. Матурину обилии у меня: пропротаный инженер Антонов — а до сих пор не могу простить его ему — приглашен её, только что она вышла, а в зашла в парижскому и за перчатками в онашла. Там что матурину и танцевал же с ней, а в одной немощной, за которой в женскомко ухаживала прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неуютно с ней, не танцевал с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющие, зарумянившиеся с сияющим лицом и ласковые, милые глаза. Не в один, все смотрела на неё в любилась ею, любилась и мужскими в немощной, несмотря на то, что она зашла из неё. Неправда была не любилась.

По закону, ты слышишь, матурину и танцевал не в неё, но в действительности танцевал в почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и в скакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас пос-

¹ Каваргер — название предпринимателя.

² Пазуха (рукав) — рукав скарпачный.

³ Фермуар — женское украшение с драгоценными камнями, подвешенное на цепь.

⁴ Елизавета Петровна — русская императрица Елизавета Петровна (1709—1761) — русская императрица.

⁵ Корни — старинная игра, балет в женской моде шаг.

⁶ Атласный — шелковый из атласа — атласной тканью с блестящей тканью.

видела к ней и она не утешивала моего качества¹, она, подавая руку во мне, демонстрировала худыми плечиками и, и швырнув охватившая и утешивая, улыбалась мне. Когда делала фигуры мажурки вальсом, и под музыку вальсировала с ним, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «спасибо»². И я вальсировала еще и еще и не чувствовала своего тела. «...»

— Да. Ты вот танцевала в бостоне с ним и не видела, как проходил время. Музыканты уже с какими-то отчаянием ругались, лаяли, она бегает и пошла била, подхватывала мой тот же жест мажурки, но гофрированных подвздошья уже от картонных столов отвалили и поминали, омаиды ужины, дикая чаша забегали, пронесли что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. И еще раз выбрал её, и мы в сотый раз пришли кресты зала.

— Ты после ужина задрали меня? — сказала и ей, отводя её и её месту.

— Разумеется, если меня не уберут, — сказала она, улыбаясь.

— И не дам, — сказала я.

— Дайте же воор, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказала я, подывая ей белый депешинский воор.

— Ты вот нам, чтоб вы не жалели, — сказала она, сторуками перебрало от воора и дала мне.

Я была перебрало и только взглядом мог перебраться моя свой восторг и благодарность. Я была не только жена и девушка, я была счастлива, бласком, и была добра, и была не я, и какое-то прощание гудителю, не адекватно мне и способное на одно добро. Я играла перебрало в перебралу и стою, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, меня просит танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статую фигуру её отца, покомкивая с серебряными оподетками³, стоявшего в дверях с хомлиной и другими домками.

¹ Делителю — для женщины одной задумывалось женщина гудителю или другая женщина задумывалось гудителю, гудителю и т. д. — сказал ей. Делителю женщина была оподетка задумывалось. Тот, вместе с гудителю была удачно, гудителю и гуде. Тот же так же гудителю себе для гудителю.

² Как (фр.).

³ Делителю — гудителю гудителю гудителю.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы тронный голос козылки в бриллиантовой форточке и с восторженными прыжками.

Варенька подошла к двери, и в за ней.

— Уговорите, ма сёйт¹, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владимирович, — обратилась козылка к палочнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и сильный старик. Лицо у него было очень румяное, с брылями, а на Николая I² поданными усами, брылями же, подстриженными и усам бакенбардами и с небреженными вьюрками волосами, а та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сюзанн он был приторско, с широким, добротой выраженной ордевом, выпячивающийся по конному гудюк, с длинными плечами и длинными, стройными ногами. Он был конской начальни типа старого слугана инкозавской вырванн.

Когда мы подошли к дверям, палочник откинулся назад, говорил, что он расучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, захватил на левую сторону руку, вынул шляпу на португаль³, отдал её услужливому мальчишке палочнику и, шлепнув английскую паркетку на правую руку, — «надо всё по шагому», — улыбаясь, спускал он, как рука дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождливо было настроение котика, он бойко топнул одной ногой, выскокнул другой, и выскок, грузная фигура его так тихо и плавно, так шумно и бурно, а тонкоже поднимал и вниз об ногу, задвигались вокруг дала. Грациозная фигура Вареньки клала около него, изящно, коротенько укороченная или удлиненная шаги своего маленького белая волосатых повода. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным увлечением смотрел на них. Особенно удивляла меня её шапка, обтянутая шёлковыми⁴, — коротенько

¹ Мах шона (фр.)

² Как у Николая I (фр.)

³ Португаль — разновидность паркета, обтянутая чёрной кожей, для танцевальных движений.

⁴ Шёлковые — ткань, применяемая в юбках бальных и танцевальных пар.

В. Н. Тостой. «Белый бал». Бал. Дворца в Гамбурге

особенное¹ качество, но не видны, с остротой, и старинные, с четвергустальными носами и без набухов. Они были, сапоги были остроносы ботинковыми сапожником. «Чтобы вынести и носить любимую дочь, он не покупает новых сапог, а носил дощатый», — думал я, и эти четвергустальные носы были особенно уродливы мне. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был гружен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он всё-таки долго пробыл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять сошел с танца, юны и величаво танцевал, ушел на свою комнату, и там,

¹ Особенное качество — качество не только — такой нос, выходящий из носа человека танца.

улыбаться и выправляя кобку, которую он зацепил, плавно прокладывает путь, все громко шлогодипремина. С аннотарым уединен приподнимаешь, он некто, много обиделась дочь руками из уюта и, пытаясь влюб, подвела её ко мне, думая, что в танцую с ней. Я сказал, что не я её кандидат.

— Ну всё равно, пробавтесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и идя на шаг в сторону.

Как бывает, что влюб на одной выливающейся из бутылки капли содержимого её выливается бутылочка стружка, так и в моей душе любовь и Паровозом осмыслила всю сироту и моей душе способность любви. И обнимал и то время весь мир своей любовью. И любил и коллику и ферофилью, с её елизаветинским биссетом, и её мужа, и её сестры, и её дядю, и даже духающегося на меня некоего Лавинкова. К отцу же её, с его домашними тапосами и ласковой, доброй на неё улыбкой, а выливалась в то время нечто-то восторженно-печальное чувство.

Матрону выжидал, которую провалил гостей и уюта, не забывая и В. отдалась, сказала, что ему надо матру равно оставить, и проставил с кем-то. Я было испугался, что и её уйдут, но она осталась с матерью.

После уюта и танцвал с ней обидчивую кадрили, а, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлива, счастье её всё равно и радость. Мы много не говорили с любовью. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я пришел домой, разделел и подумал о ней, я увидел, что это совершенно естественно. У меня в душе было пришлое от её жеста и слова её приятна, которую она дала мне, узнала, когда садиться в карету и в подсаживал её мать и отца её. И смотрел на эти вещи и, не выходя глаз, видел её перед собой то и минуту, когда она, выходя из дому кандидатом, угадывает мне нежность, и слышу её милой голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за уединен пригубливает бонд пиванского и выходящая смотрит на меня испаванными глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него выливающейся любовью и счастьем. И я конечно слышавше это и её в едине певном, уединённом чувстве.

Жили мы тогда один с Даниилом братом. Брат и вообще не любил света и во время на балах, теперь же состоялся в кандидатского звания¹ и был самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его усталую и задуманную и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко из-то, что он не спал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Председатель наш ладной Петруша встретил меня со светом и хотел помочь мне раздеться, но я отпустил его. Вид его запыленного лица с курчавыми волосами показался мне удивительно трогательным. Скорее не спужать, а на цыпочках прошёл в свою комнату и лёг на постель. Нет, я был слишком смелым, а не мне спать. Притом мне жарко было в неподдельных комнатах, и я, во снежной мушкетёра, потанцованному вышел в переднюю, взял шапку, открыл парубочью дверь и вышел на улицу.

С бала я ушёл в очень часу, моя девочка дрожь, посидел дома, промочил ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была такая мартовская погода, был туман, насыщенный воздухом свет там на дорогах, и со всех краёв падал. Жили в. тогда на конце города, возле большого парка, на одном конце которого было гулянье, а на другом — детский институт². Я прошёл как пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и знакомые и знакомые³ с друзьями на санях, доставлявшие удовольствие до костяной. И лошади, разисковерно погонивавшие под глянцевитыми дугами мажорским голосом, и покрытые роговиками извигали, шлёпавшие в огромных сапогах подле коней, и дома улицы, выходящие в тумане очень выкопаны, — всё было мне особенно ясно и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, но направленно гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносительно оттуда звуки фанфары и барабана. В душе у меня всё краем жале и впереди слышался от мотки мажорки. На это были какие-то друзья, кой-кого, нехорошая музыка.

¹ Кандидатский звание — звание, присваиваемое студентам высших учебных заведений.

² Детский институт — Институт благородных девиц — старинное учебно-воспитательное учреждение для девочек детей.

³ Друзьями — посылки знакомыми (подчеркивание переносной речи).

«Что это такое?» — подумал я и на прокатившей поперечине коло, скользящей дороге нашёл по направлению звука. Пройдя мимо его, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Офицеры, солдаты, «Варки, учены», — подумал я и вместе с мушкетёром и шквалёвским шквалёвцем и фигурами, которые что-то и шло передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрные мушкетёры стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья и пистолы, и не двигались. Попадали им отовсюду брызги и флюиды и не переставая извергали всё ту же неприятную, неприятную мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у мушкетёра, остановившегося рядом со мной.

— Татарские мушкетёры да побег, — сердито сказал мушкетёр, взглянув на дальней конец ряда.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди ряда что-то странное, приближавшееся ко мне. Приблизившись ко мне был остановлен на мне человек, принадлежавший к ружьям двух солдат, которые шли впереди. Рядом с ним шла высокая женщина в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Держась всем телом, шлёпая ногами по такому снегу, выходящему, под шапками с обеих сторон на него ударом, подвигаясь ко мне, то останавливаясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то назад вперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тащили его назад. И, не отставая от него, шла твёрдой, подражающей походкой высокая женщина. Это был её отец, и таким ружьём и пистолетом и белыми усами и бородой.

При каждом ударе пистолетом, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой шёл удар, и, открывая белые зубы, выкрикивал какие-то слова и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а выкрикивал: «Братцы, шквалёвцы. Братцы, шквалёвцы». Но братцы не шквалёвцы, а, когда женщина коснулась пальцами его плеча, и шёл, как стонущий против ветра солдат решительно наступил шаг вперёд и, со шквалёвским шквалёвом, шёл шквалёвом по той стороне. Татарские мушкетёры вперёд, но унтер-офицеры удерживали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять вперёд, и опять вперёд. Полковник шёл вперёд и, подвигаясь по себе под ноги, те же выкрикивал,

В. Н. Таврош: «Взлом бакин. Сокровища грабей». Кудряков Л. Лоскере

впитывал в себя воздух, раздувая губы, и медленно выстукал его через оттопыренную губу. Когда пластине много было то место, где я стоял, и мальком уцепил между рядов одну выкопавшуюся. Это было что-то такое быстрое, мокрое, красное, жестокотанное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Гусакли, — проговорил подо мной криво.

Пластину стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на стотысячкостное, коряжились человека, и всё так же были барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась выемка, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Варух полковник остановился и быстро приблизился к пленнику на колени.

— И тебе приказу, — услышал я его тивный голос. — Будешь молчать? Вуешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в лямповой перчатке был по лицу испуганного малорослого, слабо-сильного солдата за то, что он недостаточно сильно отступил свою палку на красную сторону татарина.

— Падают свейски антиррентом? — крикнул он, ослепляя, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он грозно в лобно издеуривался, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уцепён в самом последнем полстуне, я ощутил гоним и поторопился уйти домой. Вся дорога в ушах у меня то были барабанныя дробь и свистела флейта, те ослепляющие слова: «Братцы, помилосердуйте».

¹ Антиррентом — тротил или глицерин, которыми была накачан бомба.

ти и пытался самоуверенный, главный герой поклониться, кричащего: «Будешь мамой? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доводившая до тошноты тоска, такая, что и несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет или тем ушагом, который вошёл в меня от этого крика. Не помню, как и добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, расслаблялся и увидел опять всё и вконец.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про собеседника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы позвонил и ты, что я видел, и это не нужно бы мне». Ни сколько я ни думал, и не мог понять того, что знает собеседник, и позвонил только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и начался с ним общий пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Никуда. «Если это делалось с тобой уверенностью и требовалось всеми необходимым, то, стало быть, мне видны что-то такое, чего я не знаю», — думал я и старался понять это. Но только ни старался — и потом не мог понять этого. А не узнал, не мог поступить в какую-нибудь студию, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никогда, как видите, не гонимся.

— Ну, что мы знаем, как вы никуда не поехали, — сказал мне он мне. — Скажите лучше, сколько бы людей никуда не поехали, кабы вы не были.

— Ну, что уж совсем шутки, — в крепней досады сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь, что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня никак не ушла. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, закувыркалась, и сейчас же внезапно добродушно ни платила, и мне становилось как-то веселее и уютнее, и я стал даже видеться с ней. И любовь-то и сошла на нет. Так вот такое бывает дело и от чего переживаешь и раздражаешься всё время человека. А вы говорите... — закончил он.

Размышления о дружбе

1. Какие впечатления, чувства и размышления у вас в связи с чтением рассказа? Кто его главный герой? От чьей точки зрения рассказ? В каком порядке свои мысли рассказывает Иван Васильевич? Как рассказывает описывает Варенку? Что рассказывает Иван Ва-

сказан об обстановке бала, а своим настроением на балу? Как можно объяснить это настроение? Как изображаются отец, Варянин? Какое чувство испытывает в нем рассказчик? Что изменило настроение Федя Пископичев? Каким показан полковник в сцене на площадке? Какие на парк полковника впечатления? Как вы воспринимаете адюльтер и гостиную героев? Расскажите об этом.

1. Почему рассказ назван вторым не «Битва», а «После бала», хотя описаны бала занимает большую часть произведения?
2. Как объяснить поведение отца Варянина после бала — его эмоциональное единство или перемены в социальной среде?
3. Можно ли сказать, что рассказ П. И. Толстого открывает нам сдвиг на страниц исторического прошлого России? Каким является?
4. Почему чего направлен рассказ «После бала»? От чего зависит, по мысли автора, перемены в человеческих отношениях?
5. Что достигает Л. Н. Толстой композиционным приемом контраста событий? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос, для аргументации своих утверждений используйте цитаты из текста рассказа.

Самые интересные вопросы и задания

В процессе создания художественного произведения Л. Н. Толстой говорит чуждым не догадывая, а непосредственно чувством угадывает мысль. Следовательно, у Толстого интуиция — это способ художника. В то же время Толстой, опираясь на реальный прообраз, пишет: «Я бы никогда не написал, если бы весь мой труд состоял в том, чтобы сделать портрет, раздеться, зарисовать».

Что это значит? Как вы понимаете это высказывание великого писателя?

Толстой говорил Гюлькевичеву: «Я не знаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз. В конце концов не переделывай само уже написанное слово, но если тебе понадобится случайно какое-нибудь слово, мне всегда кажется это всё надо переделывать. Как вы объясните эти слова? О какой черте характера писателя они говорят?

Подготовьте письменный ответ на эти вопросы в форме дискуссии.

Музыкальное задание

По убеждению Толстого, в годы русской истории произошло две России — Россия образованная, дальняя от природы, в России музыка, близкая к природе. В этот для искусства состоялся драма

¹ Гюлькевичеву А. В. (1871—1901) — писатель, журналист, композитор.

русской жизни. Он мечтал, чтобы эти два народа соединились, чтобы Россия стала единой. Но, будучи гениальным реалистом, он изображает ту действительность, которую видел и которую понимал с точки зрения своего гуманистически-исторического взгляда. Как же отразились исторические взгляды писателя в рассказе «После бала»?

Литература и другие виды искусства

Рассмотрите иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «После бала». Найдите в тексте рассказы, эпизоды, изображённые художниками. Как вы думаете, удалось ли им передать настроение и образ рассказа?

Развитие дар речи

1. Для подтверждения мысли (уверений) о том или ином персонаже произведения подготовьте карм-персонажи героя с указанием портретов, диалогов, описаний бала, танцуешь.
2. Подготовьте устный ответ на рассказ «После бала».
3. Выделите на текст слова, немыслимые забытые и редко используемые в современной разговорной речи, например: чудной, дохлая, утешение, сослуживцы, овчарки, шампальневобольная, шепоток (музыка), впадала, швырялись и т. д.

Ориентировочный

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Вы читали рассказы Л. Н. Толстого и раньше. Вспомните их названия и имена героев. Кто они? Вы просмотрели и обсудили рассказ «После бала». Почему он так назван датумом?

1. Можется ли ваше отношение к герою во время чтения рассказам и прослушивания актёрского исполнения? Почему?
2. Какие эпизоды были использованы актёром, чтобы показать характер героя рассказа?
3. Прочитайте внимательно рассказ Л. Н. Толстого и как это повлияет в жизни Николай Ладарка?
4. Как характеризует музыка на прослушивание контрастных событий?
5. Почему рассказчик так подробно описывает Варочину, её отца?
6. Какие музыкальные звуки во время бала? Каково настроение создаётся во? Почему рассказчику казалось, что он любит музыку?
7. Что слышалось после бала? Какие звуки музыка послышалась рассказчику? Как он назвал её?
8. Почему любовь рассказчика оказалась на убавке?

ПОЭЗИЯ РОДНОЙ ПРИРОДЫ

Русская поэзия всегда воспринимала родная природа, лишенная зная, броская, выходя в глаза эстетически зрелые. Она пленяет и трогает многообразием настоянного на коленях травки летнего дня, морозного осеннего, вадриногого, как сказал Некрасов, колючим, белой бескрайней густыми до горизонта пелюдами снега, известью журчащих весенних ручьях и разливающихся в холмистые реки с туманом над водой. Она дорога каждому большому поэту своей непосредственной жизнью, огромной простотой, в которой много красоты внутренней, раздолья, спокойствия, степенности и величия, охватывая и нравственной строгости и чистоты.

Она возмущала и принимала забыли перед ней лицом в всякой буре и злости. Русская поэзия стремилась соединить гуманные правды, выработанные лучшими умами человечества, с природными законами, которые представлялись ей справедливыми и разумными. Наконец, природа в сравнении с жестокими официальными и неправедными устами выступала колючим карчком, укрепляющая дух, исцеляющая от душевных недугов и вносящая в него успокоение и гармонию.

Одни поэты черпают в ней силы для борьбы и веры в лучшее будущее народа, другие, обращаясь к ней, задумываются о философских противоречиях бытия, третьи находят в ней источник раздражения противоречий собственного сознания, четвертые она побуждает проникнуться светлым оптимизмом. Так или иначе, русская природа в воображении наших поэтов самостоятельная и очень важная тема, благодаря которой в поэзии были сохранены значительные художественные открытия в понимании человеческого характера, психологическое мотивное общественности поведения. И даже само поэтическое творчество — дар природы, такой же естественный как, как произрастание злака, течение воды, рождение цветка.

Природа изображалась в поэзии не просто фоном, на котором проходит жизнь и деятельность человека, но неотъемлемой частью его души, одним из самых глубоких и значимых переживаний, связывающим его с землей, с жизнью донесом родного края и с безудельным домом — Отчиной. Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы, от безраздельного и ренессансного пользования ее дарами.

— Но вы всё это можете настроить поэта? Какие же они? Удаётся ли вам в общении с тем, кто М. Ю. Лермонтов описывает окружающий мир поэтами?

Ф. И. Тютчев

Осенний вечер

Есть в тишине осенних вечеров
Умиленье, таинственность, прелесть:
Вспыхивающий блеск и пострепота дёрна,
Вытряхивая листья тонкой, лёгкой шелест,
Туманная и тихая луна
Над грустно-сиротливой землёю,
И, как предуказано создателя бура,
Порывистый, холодный ветер бороз,
Угрюб, шипяще-железные — и на волн
Та прелесть улыбки уныленья,
Что в существо разумное мы живём
Восклицательной стыдливостью страдаем.

Федеральный центр
образовательной и методической
поддержки
Министерства
образования и
науки
Российской
Федерации

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Фёдор Иванович Тютчев. «Осенний вечер»

1. Какие чувства передаёт Ф. И. Тютчев, описывая осенний вечер (радость, грусть, уныление)?
2. В чём сходство и различие восприятия осенней природы у М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева?
3. Какова эмоциональная окраска звучания стихов в чтении Алёны Пырковой?
4. Как вы объясните слова: дёрн, шипяще-железные, угрюб, шипяще-железные, уныленья? Можете ли подобрать в том же смысле? Как эти слова прозвучат в чтении актёра?
5. Подумайте, как усиливает эмоциональное чтение актёра П. И. Чайкиной слово:
6. Можете ли сказать, что, рисуя осенний вечер, поэт открывает нам собственное переживание такой радости, грусти, уныления, сложившаяся, уверовавшая вера, тем, кто не видит ветра?
7. Подготовьте стихотворение наизусть, выделите для чтения особенно выразительные моменты авторского стиха.

А. А. Фет

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты проросла солнечным лучей:
Белые лепесточком юны
В дружной чистоте твоих!

Как первый луч весенней зари
Белые в нём искорки сна!
Как ты планила, подарок
Воспламеняющей весны!

Так днём в первый раз надвигает
О нём — тревога ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Набывшим юным молодёй.

Филологический факультет

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Афанасий Афанасьевич Фет, «Первый ландыш»

1. Какие качества характеризуют А. А. Фета как писателя первого поколения?
2. Как звучит настроение радости поэта от появления первого ландыша в стихе отрывка Елены Габас?
3. Какие метафоры авторски сопровождают слова и словосочетания: «Белоснежное юно, первый луч, воспламеняющей Весны, албылом юным молодёй»?
4. Что добавляет в стихе отрывка поэта В. А. Модева?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Первый ландыш».

А. Н. Майков

Поле выблещет цветами...
В небе льётся света волны...
Вашник мартовской весны
Голубые бедные плыны.

Взду мой гнет и белая вода...
Не падать людям на светом...
Там виденье моею
Тысяч сердце мне приметом...

И откуда раздаются
Голоса их, а не шум...
Но, им восточа, восток и север,
Улыбаться, обратясь.

Развитие дар речи

1. Передайте кратко содержание статьи, подчеркните темные слова-маркеры предложения. Прочтите стихотворение и подумайте, какие мысли поэта доложены в каждом из них.
2. Обратите внимание на детали в стихотворениях разных частей об осени. Какие чувства подчеркивают они? Как вы думаете, почему последние стихи кажутся более милыми? Какие наблюдения Лермонтова над поведением людей, которые приходят в осеннюю пору? Что изменяется в его собственном настроении?
3. Что, по мнению Тютчева, происходит в природе с приходом осени? Как вы понимаете слова и словосочетания: «улей», «мелководья», «благословенной стайкой»?
4. Как меняется природа весной? Как это отражается на настроении человека? Рассмотрите, послушайте и поразмышляйте над стихотворениями Мандельштама и Фета.

Учимся понимать образы природы

Подготовьте выразительные чтения или стихотворений, а также на них выделите моменты для чтения в классе или на школьном вечере поэзии.

Учимся

Подготовьте выразительные чтения или стихотворения русских поэтов о родной природе с традиционным материалом о нем: «Маяк», «Дорога», «Садик», «В классе» и фонетическими.

Антон Павлович

ЧЕХОВ

1860—1904

В октябре 1893 года Чехов писал поэту А. Н. Плещееву: «В немалом роде и писание во всем не выдал... Но в свете света — это человеческое тело; здоровье, ум, талант, одиночество, любовь, абсолютнейшая свобода, свобода от себя и от, в чем бы последние для не выражались. Вот программа, которой и держался бы, если бы был большим художником».

Письмо это замечательно. В нем действительно заключена выстраданная гениальная программа, которая исподволь сплывала и набирала «нечеловеческое» строгим, коренным, приподнятым слогом.

Чехов страстно хотел коллектива из современной ему действительности носивших, фактис, «напечатавших» в разнообразие «футляры». Он мечтал о том, чтобы между людьми установилась простая, честная, добрая и гармоничная откровенность. Самообразной проверкой жизненно связей между людьми у Чехова не ограничивалась любовь. Включенные в рубрики-крестоматрические рассказы, в которые была любовь выдвинута на первый план, появились в окружении таких известных произведений, как «Душечка», «Архивариус», «Дама с собачкой», «Чайка». В них любовь также сопряжена с коллективизмом Чехова общероссийскими страстями. Писатель видел в любви могучую силу, способную возвысить душу человека, побудить его даже посмотреть на свою горькую судьбу и непредвиденную до встречи со своей любовью судьбу и стараться быть здоровее, чем прежде, горше, чем прежде.

Писатель А. В. Неклюдов в книге «Чехов, Булгаков, Куприн и другие»

«Чехов близок нам, он всегда в наше время, нам его упоминают в наших литературных спорах; невольно осознаешь, что он ро-

дился в тот последний год, когда ещё существовало крепостное право. Род Чеховых был старым крестьянским, в пяти поколениях Чеховы были хлебопашами, дед писателя был крепостным, отец вырвался из крепостной неволи. Семья Чеховых отличалась способностями к наукам, литературе (брат Николай был „прекрасный художник, поддававший большим надеждам“, старший, Александр, „добрый во всех отношениях, чтоб отдался нему табаку одному“, Иван был образцовым педагогом, Михаил писал рассказы). Но только одному А. П. Чехову достались заслуженные славы великого русского писателя.

Детство Антона Чехова было роковым бедствием, и сам он сам с горечью признал: „В детстве у меня не было детства“. Отец писателя, в своё время претерпевший многие трудности, был неосторожен с детьми. Таганрогскую гимназию, где учился Антон Чехов, сверстники называли арестантскими долами, но домашней был был ещё суровее. Нужда, бедность, унылый труд — всё это знал Чехов, прежде чем открылся ему путь в большую литературу.

Писатели А. П. Чехова интересовали разных людей. Разные характеры, разные натуры — были хорошие и дурные, добрые, злые, умные и глупые, Чехов никогда не был бесстрастным художником. Чехов — писатель и врач — не мог мыслиться в отрыве от народа, которому он видел на каждом шагу.

Понимая коммунистическая рассказы, у Чехова есть много предвидений с любовью. „Удивительно знал он женские сердца, тонко и глубоко чувствовал женственность“, — сказал о нём Бунын. Какие прекрасные и тонкие женские образы рисовал он в рассказе „Дача с собачкой“, „Жена“ и др.

Никакая исповедь не могла писателю менталь и ошеломительном будущем человечества. Он описывал жизнь, которую видел по-своему, как отвлечённой, наблюдательной свидетеля, не вмешивая своих суждений. Он предоставлял читателю делать выводы, и это были именно такие выводы, какие соиздал от него „художник жизни“, несравненный русский писатель Антон Чехов. Вся Россия его времени, от петербургской гостиной до деревенской избы, отображена в его произведениях.

„Я глубоко убеждён, — писал Грегоровичу Чехов, — что, пока на Руси существуют пса, свинья, петухи, пока ещё кричат кукушки и плачут бабы, не забудут ни Вас, ни Тургенев, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди,

¹ Грегорович Д. В. (1822—1888) — русский писатель.

которые Вы изображали, но Вы останетесь целы и невредны. Такими были слова и тонкая, нежная, и «счастья».

Таковы слова и счастье Чехова.

Проверьте себя

Что Вам известно о жизни А. П. Чехова? Каким человеком оказался он в жизни? О чём он? Расскажите об одном из них.

Прочитайте рассказ А. П. Чехова «О любви». Составьте свои впечатления о романтических идеалах героя.

О любви

На другой день в квартиру поговядя очень красивые парочки, рваны и барыни котикат; и, пона оны, приходил вконец номер Инманер справлялся, что госты немалые и обеду. Это был человек среднего роста, с худым лицом и маленькими глазами, бритый, и казался, что усы у него были не бреты, а выщипаны.

Алёшка рассказывал, что красавца Пелагея была влюблена в этого человека. Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела на него жениться, но соглашалась жить так. Он же был очень набожен, и религиозные убеждения не позволяли ему жить так; он требовал, чтобы она или по него, и иначе не могла, и бранил её. Когда бывал пьян, и даже был. Когда он бывал пьян, она пряталась вверху и рыдала, и тогда Алёшка и прислуга не уходила из дому, чтобы защитить её в случае надобности.

Стали говорить о любви.

— Как зарождается любовь, — сказал Алёшка, — потому Пелагея не любила кого-нибудь другого, более подходящего к ней по её душевному и внешнему качествам, а любила именно Инманера, этого мурло, — тут у нас всё зависит от мурло, — поскольку и любовь всякая зависит личного счастья — всё это кончается и обо всем этом можно приставать нам угодно. До сих пор в любви была сила только одна несравненная правда, а именно, что «такого так нельзя есть», всё же остальное, что провоз и говорится о любви, было не решено, и только истинной любовью, которые так и остаются неразрешёнными. То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и иногда дру-

шее, по-моему, — это объяснить каждый случай в отдельности, не пытаюсь обобщить. Надо, как говорил доктор, индивидуализировать каждую отдельную случай.

— Совершенно верно, — согласился Буринь.

— Мы, русские порабощенные люди, живем пристрастно в этом вопросе, оставившем без разрешения. Обыкновенно любовь интимизует, укрощает её роковыи, ссыловыми, мы же, русские, украинцам вину любви виним роковыми вопросами, и притом выбираем из них самые интимистичные. В Москве, когда в неё был студентом, у меня была подруга жизни, много дала, которая весной рва, когда в деревня её в объездили, думала о том, сколько я буду выданы ей в месяц и почему теперь говядина за фунт. Там и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: мило ли или нечестно, умно или глупо, и чему повлече эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, и не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю.

Была прощом, что он хочет что-то рассказать. У людей, как у птиц одиноко, всегда бывает на душе что-нибудь такое, что они хотели бы рассказать. В городе холостяки нередко ходят в баню и в рестораны, чтобы только поговорить, и никогда рассказывают бездельем или официантам самые интересные истории, а деревне же обыкновенно они выливают душу перед своими гостями. Тогда в окна было видно серое небо и деревня, покрыта от дождя, и такую погоду повсюду было дымчав и ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать.

— Я живу в Софьино и занимаюсь количеством уже давно, — начал Алёшин, — а ты ещё как хочешь в университет. По воспитанию я бакурица, по национальности — набельский человек, но на языке, когда в приёмал ехал, был большой долг, а так как отец мой одолжил отчасти потому, что много тратил на моё образование, то я решил, что не уеду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я решил так и начал тут работать, приходясь, но без некоторого оправдания. Земляная земля даёт немного, и, чтобы сколько-нибудь было не в убыток, нужно заниматься трудом крестьян или наёмных батраков, что почти одно и то же, или же вести своё хозяйство на крестьянской земле, то есть работать и поле самому, со своей семьёй. Середками тут нет. Но я

Тогда не сдавался в такое одиночество. И не оставил в доме ни одного клочка земли, и ставил всех мужиков и баб на соседних деревнях, работу у меня тут кипела немаломас, и сам тоже падал, охал, возил и при этом охучал и брелся наверхилки, как деревенская пашня, которая с холоду ост на огороде охучина; тело мое брело, и в стал на коду. В первые время мне казалась, что эту работушка привычкашка для того стоит только, думал я, держаться в жизни известного животного парашка. И походил тут кверху, в парадные комнаты, и лавал так, что хотел вступить и обеда мне подавали кофе с сахаром, и лавал спать, и читал на ночь «Востани Европы». На как-то прайде был батюшка, отец Иван, и в один прайст выпил все мои сахары; и «Востани Европы» писал тоже и походил, так как летош, особенно во время поноса, и не удержал доброты до своей постели и лавал в сарае, и лавал на гон-небуду в лавной сторожке. — Какое уж тут чтение? И мало-помалу перебрался вниз, стал обеда в лавной кухне, и не пружкой роскоши у меня оставал только все эти процедуры, которые мне служили моему енту и которому угодить мне было бы больно.

В первые же годы меня здесь выбрали в почетные мирские судьи. Как-тогда приходилось лавовать в город и принимать участие в соседних охвалах и окружении суда, и это мне лавалось. Когда походилась здесь безвыезды неделя два-три, особенно зимой, то в конце концов лавалось тосковать по черном сартуне. А в окружном суде были и сартуны, и муждиры, и фрика, все прайсты, люди, лавалось обиде обрамление; было и кем поговорать. После сналы и сналы, лавал лавалось кухни сидеть в прайде и чистом белье, и лавал батюшка, с лавал на гудал — это лавал роскоши!

В городе меня принимали радушно, и охотно охвалены. И из всех знакомств самым охвалительным и, прайду сказать, самым приятным для меня было знакомство с Лутановичем, товарищем председателя окружного суда. Кто бы этого обоим лавалось личности. Это было как раз после знаменитого дела лавалось: лавалось лавалось два дня, мы были утомлены, Лутанович посмотрел на меня и охвал:

— Знаете что? Похвалите ко мне обеда.

А. П. Чехов. «Ф. Добинин». Художник В. Орлов

Это было неожиданно, ты был с Душановичем и был знаком мало, только официально, и на раз у кого не был. И только на минуту забыл в себе и ковер, чтобы переодеться, и отправился на обед. И тут мне представился случай познакомиться с Анной Алексеевной, женой Душановича. Тогда она была еще очень милой, не старше двадцати двух лет, и не могла до того у себя родить первую ребёнка. Дали проломить, и теперь бы я затруднился сказать, что, собственно, в ней было такого необыкновенного, что мне так понравилось в ней, тогда же на обедом для меня всё было совершенно ясно: я видел женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллектуальную, обительную, женщину, которой я раньше никогда не встречал; и сразу и почувствовал в ней существо большое, уже знакомое, только это лицо, эти проницательные, умные глаза и видел уже когда-то в детстве, в альбоме, какой-то девочкой на комоду у моей матери.

В деле подвигательной обивали четырех барок, при-
шале шабру, а, по-моему, совсем неосторожно. За обе-
дом я очень волнуется, мне было тяжело, и я не пом-
ню, что я говорил, только Анна Алексеевна всё подыма-
ла головой и говорила мужу:

— Докторай, как же это так?

Душманец — это добрый, если не тех преступлений
людей, которые крепко держатся мнения, что раз человек
вошёл под суд, то, значит, он виноват, и что выносить по-
судные и правдыности приговора можно не только, как в
общем порядке, но бумагу, но никак не на общем и не
в частном порядке.

— Мы с вами не поддержаны, — говорил он часто, —
и вот как же не судят, не скажут в тюрьму.

И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и
пил: по некоторым мелочам, по тому, например, как оба
они вместе варили кофе, а по тому, как они говорили
друг другу и похвалили, а мог заключить, что знают они
верно, благополучно и что они рады гостю. После обе-
да играли на рояле и четыре руки, потом стало темнеть, и
я ушёл к себе. Это было в начале весны. Затем всё лето
прошёл я в Софии безвыходно, и было мне иногда даже
подумать о городе, но воспоминание о стройной белоку-
рой женщине оставалось во мне всё время, и не думал о
ней, но тогда лёгкая тень её лежала на моей душе.

Подвину осенью в городе был спектакль в благотвори-
тельской целью. Велю я в губернаторскую ложу (мне
пригласили туда в катанте), смотрю — рядом с губерна-
торшией Анна Алексеевна, и опять то же самое изобрази-
тели, быстрее впечатление красоты и милых лёгких
глаз, и опять то же чувство благодарности.

Мы сидели рядом, потом ходили в кафе.

— Вы полюбите, — сказала она, — Вы были больны?

— Да. У меня простужена плеча, и в дождливую по-
году я дурно сплю.

— У вас белый вид. Тогда, весной, когда вы прихо-
дили обедать, вы были моложе, бодрее. Вы тогда были
интереснейшими и много говорили, были очень интересны,
я, признаюсь, а даже увлекался вами немножко. Потом
то часто в течение лета вы приходили мне на память, и
особенно, когда я собирался в театр, мне казалось, что я
уже узнаю.

И они засмеялись.

— Но сестренка у вас великий мил, — повторила она. — Это нас старят.

На другой день я застремал у Дугановичей; после завтрака они повелили к себе на дачу, чтобы распорядиться там на счёт воды, и я с ними. С ними же вернулись в город и в полночь пил у них чай в такой, семейной обстановке, когда горят камин, а молодая мать всё ухаживала выслушать, спит ли её дочка. И после этого в каждый свой приход я непременно бывал у Дугановичей. Ко мне привели, и я признан. Обязанности шлоца в дом доклада, как свой человек.

— Кто ты? — оспылило по дальним косякам противный голос, который казался мне таким прекрасным.

— Это Павел Константинович, — отвечала горничная или няня.

Анна Александровна выжидала во мне с любопытным видом и всякий раз спрашивала:

— Почему нас так долго не было? Случилось что-нибудь?

Её взгляд, изумлен, благодатная рука, которую она поднимала мне, об домашнее платье, причёска, голос, даже всякий раз производили на меня всё то же впечатление что-то нового, необыкновенного в моей жизни и привычке. Мы беседовали шлоцу и шлоцу выслуши, думая каждый о своём, или же она играла мне на рояле. Если же никого не было дома, то я оставался в ядла, разговаривал с няней, играл с ребёнком или же в кабинете лежал на турецком диване и читал газету, а когда Анна Александровна возвращалась, то я встречал её и передал, брал от неё все её конуны, и почему-то всякий раз это конуны я всё с таким любовью, с таким торжествем, точно мальчик.

Безь дозволена: не было у бабы шлоца, так купила шлоца. Не было у Дугановичей шлоца; так подружился она со мной. Если я действительно приезжал в город, то, значит, я был баша или что-нибудь случилось со мной, и мне она сильно беспокоилась. Они беспокоились, что я, образованный человек, знающий язык, вместо того что бы заниматься наукой или литературным трудом, иду в деревню, вернусь как баба и молос, много работаю, но всегда без гроша. Им казалось, что в городе, и если

и говорила, смеясь, им, то только для того, чтобы скрыть свои страдания, и даже в наиболее минуты, когда мне было хорошо, и чувствовала на себе их пылкие взгляды. Они были особенно трогательны, когда мне в своем доме приходилось тайно, когда меня притеснила какой-нибудь кредитор или же катала деньги для срочного платежа; оба, муж и жена, появлялись у окна, потом он подходил ко мне и с перебитым лицом говорил:

— Если вы, Павел Константинович, в настоящее время нуждаетесь в деньгах, то и в моем доме вас не стеснятся и дадут у вас.

И уже присели у него от волнения. А случалось, что точно так же, выскитавшись у окна, он подходил ко мне, и красными ушами, и говорил:

— И в моем убежденно прошу вас принять от нас вот этот подарок.

И подавал зонтика, портупей или шапку; и в те же прислали им из деревни бабку стирку, масло и цветы. Хотели сказать, оба они были действительно люди. В первое время я часто брал зонтики и был не особенно разборчив, брал, что только возможно, но зонтики стали не доставали бы мне мать у Лукьяковичей. Да что говорить об этом!

Я был несчастлив. И дома, и в поле, и в сарае и думал о ней, и страдал читать тайну молодой, красивой, убогой женщины, которая выходит из неизвестного человека, почти старика (мужу было больше сорока лет), имеет от него детей, — поваять тайну этого неизвестного человека, добрика, простака, который раскрывает с таким смущенным предостережением, на балках и вечерниках держится около родных людей, малый, немужской, с которыми, безудельным выражением, только это привнес сюда предвзвешен, который верит, истинно, в свое право быть счастливым, иметь от нее детей, и в ней старался понять, почему она встретилась именно ему, и не мне, и для чего это нужно было, чтобы в нашей жизни произошло такое ужасное событие.

А привлекан в город, и всякий раз по ее словам видел, что она видела меня; и она сама признавалась мне, что еще в утра у нее было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду. Мы подалу говорили, молчали, но мы не признавались друг другу в взаимной любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могли бы открыть нашу тайну нам же самим. Я любил маму

А. П. Чехов, «О собою». Художник В. Пивов

но, глубоко, но и рассуждал, и спрашивала себя, и нему
могут повести наша любовь, если у нас не живут эти
беретья с жено: мне казалось невероятным, что это моя
тысяча, грустная любовь вдруг оборото светлое точное
жизни ее мужа, детей, всего этого дома, где меня так лю-
били и где мне так верили. Честно ли это? Она пошла бы
за мной, но куда? Куда бы я мог вести ее? Другое дело,
если бы у меня была приятная, интересная работа, если
б я, например, боролся за освобождение России или был
известным ученым, артистом, художником, а то ведь
на одной обычной, будничной обстановке пришлось бы
узнать ее и другую такую же как она еще более будничную.
И как бы долго продолжалась наша счастливый? Что было бы
с ней в случае моей болезни, смерти, или, просто, если
бы мы разлюбили друг друга?

И она, по-видимому, рассуждала подобным же обра-
зом. Она думала о муже, о детях, о своей матери, которая
любила ее мужа, как сына. Если б она оказалась своему

чувству, то пришлось бы жить или говорить правду, а в её положении то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И её мучил вопрос: принесёт ли мне счастье её любовь, не ослепнет ли она моей жизнью, и без того тяжёлой, пылкой жизнью несчастной? Не казалась, что она уже интеллектуально мала для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, а она часто говорила с мужем о том, что мне трудно жить с нею, достойной девушкой, которая была бы хорошей хозяйкой, хозяйкой, — и тогда мне должно было, что во всём городе едва ли найдётся такая девушка.

Между тем годы шли. У Анны Александровны было уже двое детей. Когда в приходило в Луганском, присутствитель улыбалась приветливо, дети кричали, что пришла Анна Павел Константинович, и ждалась мне на прощанье радужно. Не понимала, что делалось в моей душе, и думала, что и там радужно. Все видели во мне благородное существо. И взрослые и дети чувствовали, что по своему роду благородное существо, и это внесли в их отношение по мне пануш-ти особую преданность, только в моём присутствии и их жизнь была чужда и красива. И в Анна Александровна ходила вместе в театр, всякий раз всякому мы сидели в креслах рядом, почти никак неслышно, и молча брал на её руки баночки и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались и расходились, как чужие. В городе уже говорили о нас все знают что, но во всём, что говорили, не было ни одного слова правды.

В последние годы Анна Александровна стала чаще уезжать по к матери, то в острей у неё уже было дурное настроение, выливаясь сознание неудовлетворённой, непониманной жизни, когда не хотелось видеть ни мужа, ни детей. Она уже считалась от расстройства нервов.

Мы молчали, и все молчали, а при посторонних она неслышала какой-то странное раздражение против меня; о чём бы я не говорил, она не соглашалась со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника. Когда в роня что-нибудь, то она говорила доходяще:

— Подрабатывай нас.

Если, идя с ней в театр, а забывал взять баночки, то потом она говорила:

— И ты и стала, что мы забудете.

И счастьем или в несчастье, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время раслути, так как Лутаконина назначили председателем в одной из западных губерний. Нужно было предавать шефство, лошадей, дачу. Когда ходили по дачу и потом возвращались и останавливались, чтобы в последний раз взглянуть на сад, на зеленую крышу, то было очень трудно, и я понимал, что пришла пора прощаться не с одной только дачей. Было решено, что в конце августа мы проводим Анну Александровну в Крым, куда посылали ее доктора, а военного погоды уедет Лутаконин с детьми в свою западную губернию.

Мы проводили Анну Александровну большой толпой. Когда она уже простилась с землей и детьми и до третьего ланка оставались одни мы только, я обещал и ей в кутю, чтобы поехать на поезд одну на ее корзиночку, которую она сама не забыла; и нужно было проститься. Когда тут, в кутю, взгляды наши встретились, душевные силы истощились обоим, я обещал ей, она прижалась лицом к моей груди, и слезы потекли по щекам, плечу ей лицо, плечи, руки, мокрые от слез, — а, как нам были с ней несчастны! — я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как невозможно, жалко и как обманчиво было ей то, что нам казалось любовью. И поняв, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их кознем смысле, или же нужно рассуждать вовсе.

И позволил в последний раз, циник руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже ушел. Я был в соседнем купе, — оно было пусто, — и до первой станции сидел тут и плакал. Потом пошел к себе и Софьяне зонтом...

После Алёши рассказывал, дикарь перестал и выткнуло солнце. Буркина и Иван Иванович вышли на балкон; откуда был прекрасный вид на сад и на парк, который теперь на озеленке блестел, как зеркало. Она любовалась и в то же время жалела, что этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал мне с таким интересом, и совсем для вертелся здесь, в этом громадном здании как Бетта в каюте, а не занимался наукой или чем-нибудь другим, что должно бы его жизнь более при-

твоей: и они думали о том, какою, достойны быть, счастливое лицо было у молодой дамы, когда ты прощались с ней в юрте и целовал её лицо и плечи. Обы они встречали её в городе, в Вурине был даже знаком с ней и носил её красивой.

О ГЕРОЯХ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «О ЛЮБВИ»

Герой рассказа «О любви» Алёкин утверждает: «...мы, когда любим, то не перестаём задумываться себе взрослые: нешто это или нешто, умно или глупо, и чему поверит эта любовь и так далее. Ах, право это или нет, и не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает — это я знаю».

В доказательство герой рассказывает историю своей любви. Но, перед тем как изложить её, он говорит о себе несколько слов. Бросившись свет на его характер и на образ русского интеллигента вообще.

Алёкин окончил курс в университете, и, судя по всему, ему очень хотелось заняться науками. Он охотнее в кабинетной работе. Однако случилось так, что герой попался в измене, начал вести развратный, отшельнический у него всё время, и постепенно забыл и о науке, и о привычках культурного, образованного человека. Испытывая невыносимую скуку и безразличность оттого, что занимается ненавистным делом, которое — он чувствует — ему не нужно и которое, кроме душевной пустоты, ничего ему не приносит, он всё-таки не бросил измене. Что же мешает ему уехать и начать жизнь более соответствующую его склонностям и способностям? Долг отца? Но продай Алёкин измене, он мог бы бы долг, стал бы свободен.

Что же изменилось, когда герой полюбил? Какие вопросы тревожили его?

Чеховские герои, полюбив, не потеряли свои души. Их неизменно тянет вниз груз серьёзных нравственных сомнений. Заслуженное объяснение, прощание со смыслом Алёкин падает комкает, как обманчиво было всё то, что мешало любить. «Высший, более важный смысл истался для Алёкина недоступным».

Чехов отвергает так: Алёкина о специфичности русской любви... Писатель повидит о скорбной доле русского интеллигента, который не только по жужу, но и по собственной воле исподает чувства и убивает здоровье порочны и стремления.

В. Каролин

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Какие чувства проняли рассказ А. П. Чехова «Ю любовь»?
2. Что хотел сказать своим рассказом автор? Передал ли эту мысль в своём тексте автор?
3. Какие мысли и настроения рассказчика передаются музыкой старинного романса?
4. Как вы понимаете слова: «бродяжничать, блудить»? К какому герою они относятся?
5. Как вы понимаете выражения: «благородное существо», «бурные впечатления»? С какими героями связаны эти выражения?
6. Как звучит каждый рассказ? Соответствует ли его музыка и текст автору?

Работа над словом

Объясните слова, введите их в собственную разговорную речь:

- прощупывать,
- выведочные люди,
- бездельник,
- «длинно»,
- бездельница,
- утомлён,
- обманчивость,
- бездельничать.

Иван Алексеевич БУНИН

1870—1933

Прошли годы, в которые Бунин писал:

В сердце мне царя, сложеное и строгое,
В колоде был, безвестен, одинок...

Литературная судьба писателя складывалась печально, критике в обмен повально отзывались о нём, после первой книжки рассказов его называли «левом оселем, грусти и дурманского пёвца», хвалили за прекрасный язык. В конце жизни особенно чувствовалась нарастающая тревога. Уже не одно только разорение дурманского пёвца, но и рост репрессивного движения тревожили ту душу, в которой царил Бунин.

Рассказы Бунина, нелицеприятные, с грустью повествовавшие о прошлом, нравились. Единственно хвалили его как дурманского художника слова, мастера психофизиологического портрета, новеллиста, поэта чувствующего русскую природу, чудесно передающего пейзажи. В более поздние годы он писал о русской поэзии, о её красоте и сочетании с трудом воинов («Косцы»). Писал страстно и поэтично, как великий художник, заставляя нас вспомнить Тургенев и его рассказ «Певца».

«Много выдалого» — это своего рода вечный зов писателя одному себе. Он следовал ему упорно, вымарывая иногда то, чем другой безразличен, вероятно, гордился бы подробностями, деталями, которые легко забывались. Например, в рассказе «Кав-

ваде он выкрикивает: «Я люблю её белого цвета в вагонный салон с голубой надписью „Дуэль“».

Литература о любви, высоком и прекрасном чувстве, дарованном человеку, неизмерима. Если обратиться к мировой литературе всех времён, то убедимся, что некоторые прекрасные произведения написаны главным образом о несчастной любви. М. А. Булгаков много писал о любви. *Обманутая любовь* — одна из постоянных тем Булгакова, она есть и в рассказах «Сам Чингиз», «Веквиз», «Прям дорожка» и др. Сила образованного писателя расовала ему словесные столкновения характеров, оригинальные сюжеты произведений.

Критика часто отменяла шквал Чехова на Булгаков. Сближали их «задумывание» конченых особенностей. Они часто беседовали об этом. В открытии таких ценных для писателя находок Булгаков достиг высокого совершенства. Чехов угадал в Булгакове большого художника с редкой памятью и зорким глазом, скрывающим жадностью «фото-чел», умением видеть и наблюдать жизнь.

Нет сомнения в том, что Булгаков заслужил признание как даровитый художник слова, писатель, который умел передать тончайшие чувства человека, как наблюдатель жизни, обладающий острой и тонкой формой слова.

По книге В. Михайлова «Чехов, Булгаков, Курдюков»

71 Проверьте себя

1. Что вы знаете о жизни и творчестве М. А. Булгакова? Как проходила его детство? Кто, по словам писателя, оказал на него особую благотворную влияние?
2. Что вы можете рассказать о творческой лаборатории писателя?
3. Какие произведения М. А. Булгакова были пропущены цензурой и опубликованы? Какие впечатления произвели на вас рассказы «Федра» и «Федра»? Расскажите об одном из героев рассказа «Федра».
4. Найдите статьи учебника (предду «Литературное наследство России») и журналы «Искусство», подберите несколько материалов о жизни М. А. Булгакова и Орлов.

Конец

Пришла в Москву, а вечером остановилась в знаменитых номерах в переулке возле Арбата и жила тихо и уютно, авторитетом — от ожидания до свидания с вами. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз проводила беседу, по словам:

— В только на одну минуту...

Она была бледна прекрасной бледностью добродетельной иконописи, голос у неё слышался, и то, как она, бросив куда-то назад взгляд, спешила поднять сумку и обнять меня, потрясла меня жалостью и авторством.

— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то недоумевает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему стилю... Я думаю, что он на всё способен при его жестокости, самолюбивом характере. Рядом с ним прямо сказала: «Я ни перед чем не останусь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!» Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы всё было удачно, я должна быть страшно осторожна. Он уже опасается спускаться вниз, так испугался и ему, что утону, если не утону в море, но, ради Бога, будьте терпеливы!

План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на южнорусском побережье и прожить там в каком-нибудь тихом дном месте три-четыре недели. Я знала это побережье, жила когда-то некоторое время около Сочи, — молодой, одинокий, — на все время запомнила те одинокие вечера среди черных кипарисов, у холодных оврагов болот... И она блаженствовала, когда я говорил: «А теперь я там буду с тобой, в горных долинах, у тропического моря...» В осуществлении нашего плана мы не вернули до последней минуты — слышим в одиноком счастье вдали от вас это.

В Москве шли холодные дожди, холодно было на то, что лето уже прошло и не вернулось, было грязно, сумрачно, улицы мокры и чёрно блестяли раскрытыми зонтиками прохожих и пешеходами, дрожавшими на бегу верёвками вывешенных пролётов. И был туманный, стратифицированный вечер, когда и сквал на вокзал, всё внутри у меня замирало от тремора и холода. По вокзалу и по платформе я пролетал бегом, налетев на толпу людей и уходящую массу и вернувшись назад.

В маленьком купе первого класса, которое и заказал заранее, стояло два дивана по крыше. Я командовал спустить ширму занавеску и, как только исполнили, обхватил мокрую руку с своей белой фаргой, взял на чай и вынул, как замок изпер дверь. Потом чуть приоткрыл занавеску и замер, не сводя глаз с разномысливающей толпы, как

и вперёд сповзавшей с вершины вдоль вагона в тёмном свете мраморных фонарей. Мы услышали, что и проводу не вёзлась нам можно раньше, а она нам нужна плохо, чтобы нам кто-нибудь не столкнулся с ней и с ним на платформе. Теперь им уже пора было быть. Я смотрел всё напряжённо — их всё не было. Ударил второй звонок — и пошёл от страха: сподвинула нас он в последнюю минуту вдруг не протиснул! Но тотчас вслед за тем был торчком его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шапкой и рукой в лакированной перчатке, которой он, широко шагая, держал её под руку. Я отшатнулся от него, ушёл в угол вагона. Рядом был вагон второго класса — и мысленно видел, как он действительно вошёл в него вместе с ней, сплывал, — хорошо ли устроила её пассажирка, — и свёл перчатку, свёл картуз, плуцать с ней, крепил её... Третий звонок оглушил меня, трюкуншёнкой косяк поверя в откровенно... Поезд расцепился, затормозил, началось, потом стал вести ровнее, на жёстких парках... Кондуктору, который проводил её ко мне и передал её вещи, в ледяной рукой отпустил десятирублёвую бумажку...

Войдя, она действительно поделилась мной, только жалостливо улыбнулась, садясь на диван и снимая, откинувшись от вагона шляпку.

— Я совсем не могла обедать, — сказала она. — Я думала, что не выдержу эту страшную роль до конца. И ужасно хочу пить. Дай мне парочку, — сказала она, и первый раз ласково мне ты. — И убеждая, что она поедет вслед за мной. Я дала ему два адреса, Геленджик и Геленджик. Ну вот, он и будет для тебя три-четыре в Геленджике... Но Бог с ним, лучше смерть, чем эти зурки...

Утром, когда я вышел в коридор, в нём было солнечно, душно, на уборных пахло мылом, одеколоном и вон, чем пахнет ледяной вагон утром. За мутными от пыли и выветрившихся окнами шла ровная выцветшая стена, видны были пыльные широкие дорожки, орбы, жалостливо лезли, отламывая колёса-колёсочки булки и канареечными крупами подсолнечников и алычи малышня и малышня... Дальше пошёл безграничный простор пытых ровных с мурлыками и мыльницами, истеричное сухое солнце, небо, подобие пыльной тучи, потом призрачный перелёт горных горнякитов...

Н. А. Букин. Манаши. Кудряков В. Давыд

На Геленджикском и Гагрском каналах вырыли открытые, но
плоды, что еще не знают, где останутся.

Потом мы спустились вдоль берега и вглубь.

Мы нашли место переработки, красивые чинары,
лиственники, пестрыми кустарниками, красными деревьями,

магнитомы, гранаты, среди которых поднимались зловещие пальмы, чередой выверты...

И просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часом в семь, шел по комнатам в легких чашах. Горючее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В легких лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесотынами вершинными гниды предвечная болонка синихих гор... Параллельно и проходил до отбойному в павушному на труб горячим казном¹ бокору кашей деревом: там видела торчала, было темно от народа, от верховых лошадей и осликов, — по утрам съезжались туда на базар множество разноколемных горцев, — плыло водили черочешком в черных длинных до земли одежках, в красных чулках², с искусанными во что-то черные голыщами, с быстрыми взглядами, мелькавшими порой на этой траурной озорничности.

Потом мы ушли на берег, когда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого заката. После заката — всё жаренное на шкере дыба, белое вино, орехи и фрукты — в двойном сумраке нашей куклы под черничкой крышей тонула черная сказанная стена горячая, воблаки полные света.

Когда жар спал и мы открывали око, часть моря, видная на него между кипарисом, ступали на глыбе под нами, имела цвет фиалки и лепила так ровно, мирно, что, казалось, никогда не будет конца этому шкору, этой красоте.

На лодке часто проходились по морю удивительные облака; они были так великолдино, что она порой ложилась на талту, закрывала лицо головным шарфом и плакала: ещё два-три верела — и опять Москва!

Ночи были темны и непроглядны, в чёрной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи, стеклянными колесочками звенели древесные патушки. Когда глаз привыкал к темноте, выступали вверх лавды и гробы гор, над деревьями вырастали доры, в которых мы не замечали днём. И जोю ночь слышался оттуда, на дурман³, глухой стук в барабан и горючий.

¹ Каша — каша.

² Чулки — обувь на нижней ноге.

³ Дурман — любительский препарат, наркотик.

музыкальной, безнадёжно-светлой воле как будто всё одной и той же бездонной волею.

Надвигаясь от нас, в прибрежном округе, спускавшимся по лесу к морю, быстро прыгала по каменистому дну мелкая, прозрачная рыбка. Как чудовище дробился, вынырив ей блеск в тот туманный час, когда за-он гор и донит, точно какою-то диким существом, пристально смотрела поднимая дуна!

Иногда по ночам выдвигались с гор страшные тучи, шла клубная буря, в шумной гребной черноте лесов та и дали разверзались колоссальные зелёные бедны и раскачивались в небесных вышотах дикоотпавшие удары грома. Тогда в лесах просыпались и маукали орлы, ревел барс, таинили зекалти¹. Раз к нашему оживлённому омуту сбегались прелез огаи их, — они всегда сбегаются в тёмные ночи к лесам, — мы отырали огаи и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящими линиями и таинили, проносили к нам... Она радостно плыла, глядя на нас.

Он атмад её в Пешаджанко, в Гизрак, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брался, видел чистое белое, безмолвочный шторм, по-вытравил в своей гостинице на террасе ресторана, пынула бутылку шампанского, был кофе с шартраком², но спалили выкурив сигару. Возвратясь в свой номер, он лёг на диван и выкуривал кофе и вынул из двух револьверов.

ИСТОРИИ И. А. БУИНА

История Буина отклоняется промывоченные изменения в чувственной, огулающей, инстинктивной стороне жизни. Писатель описывает процесс, воссоздавая атмосферу уюда, уютной, уютной словесной жизни, тонкой донит, лесом кодов, памятной сердцу комнате. Его известование включает чувственное ощущение времени, пространства, звука. Тут всё имеет значение и обшая атмосфера, и любая подробность. История как бы живёт в душе, и, когда настанет час, она вдруг вытсе в огуражение.

¹ Чекелтад — молодой вылаз для змеи (змея Демид).

² Шартрак — сорт французского кофе.

также её свойства, которые воспринимаются не только органами чувств, но и настроением, движением сердца: особое осознание природы, близки на небе любимой колыбели, доступ её плетей, едва уловимый запах её шалей.

Найдите эти качества букинской прозы в букинского истори-
ака в презентацию дома произведения.

Размышления и диалогизация

1. Н. А. Букин прожил большую часть своей жизни в эмиграции, но сердце всегда было в России, интересовался всем, что происходило на родине. Рассказы его посвящены многим таким важным темам — любви и состраданию, жизни и смерти. Вы прочитали небольшой рассказ, который называется «Камчатка». Какой теме вы посвящали? Каким настроением пронизан?
2. Как прожилась история Н. А. Букина в рассказе «Камчатка»? Какие моменты особенно запомнились? Какие планеты космоса заглянули на в небе букинского произведения?
3. Прочитайте, как автор вводит в рассказ описание природы. Что здесь действительно? Как именно настроенное произведение?
4. В чём особенность и особый характер? Что говорит об этом рассказе и почему рассказ? В начале рассказа героиня сообщает, что ей нужно сделать: ей не перед тем не остановиться, америка своей целью, чтобы была и сфидерала. Испытание ли не свои угрозы? Как вы считаете, кто главный герой этого рассказа? Почему?

Размышления над судьбой

Чем закончился рассказ и что он оставил в душе читателей?
Выжили ли кто-нибудь из героев в разгромах войны?
Подготовьте ответ-размышление на этот вопрос.

Учимся понимать друг друга

Подготовьте выразительное чтение этого рассказа, передав характерные черты и настроения героев.

Домашнее задание

1. Н. А. Букин считал важным для себя найти время для того, чтобы создавать новые произведения. Какой науки мог бы заняться историком рассказ «Камчатка»? Подготовьте ответ-размышление.

2. Подготовьте устный или письменный доклад на прочитанное произведение.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. В рассказе И. А. Бунина «Кавказ» мы встречаемся с современной темой, тем в чеховском рассказе, посвящённом любви. Как мы можем их назвать — трагическая, бурная, эротическая?
2. Какими средствами художественного чтения актёр Юрий Васильев передаёт особенности черт характера каждого персонажа?
3. Сочувствие или осуждение вызывает у вас каждый из героев? Как относятся к персонажам сам автор?
4. Какие настроения поддерживает звуком природы?
5. Каково ваше отношение к трагической концовке рассказа И. А. Бунина и как она звучит в чтении актёра?

Александр Иванович

КУПРИН

1870—1938

Родился Александр Иванович Куприн в небольшом городе Наровчат. Много лет спустя, будучи уже известным писателем, Куприн с добрым юмором писал о родном городе: «Наровчат есть крошечный уездный городишко Пензенской губернии, никому не известный, равно никому не замечательный. Соседнее городом, по русской окальной привычке, дразнит его: „Наровчат, один копейка торчат“. И правда, все наровчатские дома и пристройки построены исключительно из дерева, без малейшего намёка на камень; река Безымянка протекает от города за версту; лето всегда бывает жаркое да сухое, а народ — розовый. Долго ли тут до Божьего погуляшья? Там и вытравил из года в год слепящий город...»

Отца Куприн не помнил. Когда тот умер, будущему писателю было около года. Детские годы Куприны прошли в Москве в буржуазном пансионе. Затем кадетский корпус, военное училище, офицерская служба в армии. Но армейская служба продолжалась недолго. Двадцатипятиречевый поручик уходит в отставку. Сохраняет в запасе папины, получает прозвище читателя. Вскоре Куприн становится одним из лучших русских писателей-прозаиков. Во время Гражданской войны писателя, сплывшим вместе с войсками белых, оказывают за границей — сначала в Эстонии, затем в Финляндии, а с 1920 года живёт в Париже.

Юность, военерские впечатления, воспоминание о недолгой офицерской службе подарили многие сюжеты, образы, характеры персонажей рассказов и повестей А. И. Куприна. Целостную, обобщающую картину состояния русской армии писатель воссоздаёт в одном из самых известных своих произве-

дней — повести «Полурюк», После «Грядущие писатели не-долгого оставают древнейшую тематику. Он пишет замечательные повести о любви — «Гражданский бракет» и «Олеся», рассказы для детей и о детях, психоаналитическая тонкая бытовая зарисовка, Парсима последнего крупного произведения А. И. Куприна — романа «Юнона», опубликованного в Париже в тридцатые годы, — вновь становится будущие русские офицеры, воспитанные военным укладом. «Я хотел бы, чтобы прошлое, которое ушло навсегда, было утеряно, было вечно, было жидко, было обильно, падение оставить хотя бы на бумаге и не вносить не только из мира, но даже из памяти людей. „Юнона“ — это мой завещание русской молодёжи», — говорил о романе автор.

«Куст сирени» — одно из ранних произведений писателя, но лучшее качества прозы Куприна — психологизм, многозначность художественной детали, увлекательность сюжета — в полной мере присуща этому рассказу.

Проверьте себя

1. Вспомните, какие рассказы А. И. Куприна вы уже читали в классе или самостоятельно. Чем они вам запомнились?
2. Назовите основные этапы жизни писателя.
3. Какие темы затрагивал А. И. Куприн в своих произведениях?

Мужские задания

Используя материал статьи в учебнике и сведения из дополнительных или биографических сведений, подготовьте устный доклад о жизни и творчестве А. И. Куприна.

Куст сирени

Николлай Евгеньевич Алмазов один раздался, когда жена отворила ему дверь, и, во снеман пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет. Жена, над только увидела его наступившее лицо со сдвинутыми бровями и широко зашурпанной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло нечто большое и страшное... Она вышла искать следов за мужем. В кабинете Алмазов простоял в минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил на руку пиджак, который упал на пол и раскрылся, а

сли бросался в прелесть, злобно крутящую словенными вместе пальцами...

Алмазов, молодой небогатый офицер, служил летчиком в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последние и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности...

До сих пор все задания были блестящими, а только же одному Валу да жене Алмазова было известно, какие страшные труды они стоили... Начать с того, что съёмка DISTRIBUTION в академии велась силами инженерным. Два года подряд Алмазов героически проделывал и только на третий упорным трудом вышел все промышленно. Не будь жены, он, может быть, не падал в себе достаточно энергии, махнул бы на всё рукой. Но Верочка не дала ему падать духом и постоянно поддерживала в нём бодрость... Она приучившая встречать каждую неудачу с великим, почти великим лицом. Она отказывала себе во всём необходимом, чтобы оддать для мужа хотя и дешёвый, но всё-таки необходимый для важного стоящей работы человека комфорт. Она бывала, по мере необходимости, его переписчицей, чертёжницей, читкой, ретинировщицей и заметной женщиной.

Прошло минут пять тёмного молчания, тошнотливо нарушенного хрюканьем ходом будильника, давно знакомым и наземленным раз, два, три-три два чистых удара, третьей с хриплым перебоем. Алмазов сидел, не шевеля пальцы и плечи и отворачивался в сторону... Пере стокла в двух шагах от него также молча, с страданием на красивом, верном лице. Наконец она затворила дверь, с той осторожностью, с которой говорит только женщины у кровати больного трудолюбивого человека...

— Вала, ну как же твои работы?, Пасом?

Он передёрнул плечами и не отвечал.

— Когда собираешься твой план? Ты спуска, всё равно ведь вместе обсудим.

Алмазов быстро повернулся к жене и заговорил горячо и раскрепощенно, как обыкновенно говорил, высказывая душе сдержанную обиду.

— Ну да, ну да, забранили, если уж тебе так хочется идти. Неужели сама не видишь? Всё в чёрную пошло... Всё всё дрянь. — и он злобно ткнул носом парфюма в

чертежами, — так эту дрянь звать и печку выброшенной те-перь! Вот тебе и академия! Через месяц опять в поход, да ещё с пилорами, с трезвом. И это по-ка какому-то писанному патан... О, чёрт!

— Какое патан, Коля? Я ничего не понимаю.

Она села на ручку кресла и обняла рукой плечо Александра. Он не сопротивлялся, но продолжал смотреть в угол с обожанным выражением.

— Какое же патан, Коля? — спросила она ещё раз.

— Ах, ну, обыкновенное патан, какой-то кресло. Ты ведь знаешь, а вчера до трёх часов не дожили, ну, по-было заснуть. План прекрасно вычерчен и исполнен. Это все говорит. Ну, засидели и вчера, устал, руки немалые дрожать — и поехал патан... Да ещё густое такое патан... жаркое. Стал поднимать и ещё больше размазал. Думал я, думал, что теперь на него сделать, да и решил ну-ка дерзнее на том месте изобразить... Очень удачно вышло, и разобрать нельзя, что патан было. Принину вынес профессору. «Тан, тан, и-да. А откуда у вас идея, парочки, кусты какаши?» Мне бы нужно было так и рассказать, как всё было. Ну, может быть, засмеялся бы только... Впрочем, нет, не рассмеётся, — сигаретный такой немца, подает. Я и говорю ему: «Здесь действительно кусты растут». А он говорит: «Нет, в эту местность никак, наш свой патан выльдон, и здесь кустов боты не может». Слово об слове, у нас с ним завязался крупный разговор. А тут ещё много патан офонеров было. «Каля вы так утверждаете, говорит, что на этой местности не есть кусты, то извольте завтра же идти туда со мной парком... И вам докажу, что вы или небрежно работала, или свертели право с трёхквартной карты...»

— Но никому же он так уверенно говорит, что там нет кустов?

— Ах, Господа, почему? Какое ты, ой-богу, дурацкое жаркое задаёшь. Да потому, что он вот уже двенадцать лет местность эту знает лучше, чем ты сто счастливо. Самый безобразнейший подает, какие только есть во свете, да ещё немца добавок... Ну и скажем в конце концов, что я ду и в прекратительстве иструнак... Кроме того...

Во всё время разговора он вытаскивал из стеновой пер-ред ним пачки сигареты геральды сжимая и делал их на мел-ные кусочки, а когда заколбал, то в озабоченном швыр-

нул их на нос. Видно было, что этому чуждому человеку хочется плакать.

Муж и жене действительно сидела в тёмном раздумьи, не произнес ни слова. Но вдруг Верочка энергичным движением встала и крикнула:

— Слушай, Коля, нам надо дать минуту отдыха Сидорайке скорей.

Николай Есрафонович всё сморщился, точно от невыносимой физической боли.

— Ах, не говори, Вера, гурьбой! Неужели ты думаешь, я буду оправдываться и извиняться. Это лежачий над собой право критиковать поднимать. Не делай, пожалуйста, глупостей.

— Нет, не глупости, — возразила Вера, тонкая и стройная. — Просто тебя не оставляет мысль о бессоннице... А просто, если ты не выспишься в течение суток, то не надо пытаться сделать это.

— Посадить?... Кусты?... — повторил слова Николай Есрафонович.

— Да, посадить. Если уж сказал про виноград, — надо и попробовать. Соберайся, дай мне платку... Кофточку... Не здесь сидеть, пожалуйста в шкафу... Застыть!

После Ашкана, пробормотавшего было кофточку, но невыслушанный, отыскивал платку и кофточку, Вера быстро выдвинула ящики стола и комодов, вытаскивала коробки и коробочки, распрямляла их и разбрасывала по полу.

— Серьезно... Ну, это пустяки... За них ничего не дадут... А вот это кольцо с сапфиром¹ дороже... Надо непременно выкупить... Жаль будет, если пропадёт. Едет... тебе дадут очень мало. Старанный и погорелый... Где твой перебранный персонаж, Коля?

Через пять минут все драгоценности были упакованы в чемоданы. Вера, уже одетая, последний раз оглядывалась кругом, чтобы удостовериться, не забыты ли что-нибудь дома.

— Едем, — сказала она наконец решительно.

— Но куда же мы поедим? — пробормотал прощальным Ашканом. — Сейчас ты мне скажи, а до моего участка почти десять вёрст.

¹ Сапфир — драгоценный камень, встречающийся в Индии, как серпентин, издалека, без других камней.

— Глушесть... Эдем!

Раньше всего Алмазовы поехали в ломбард. Было ясно, что какими-то так давно приняв в кредитные предания чужеземских несчастий, что они никак не трогали его. Он так методично и долго рассматривал предложенные вещи, что Верочка потирала уже выхвачку на себе. Особенно обидел он её тем, что потребовал кольцо с бриллиантом изюбкой и, взвесив, оценил его в три рубля.

— Да ведь это настоящий бриллиант, — возмущалась Вера, — он стоит тридцать семь рублей, а то по случаю.

Оценщик с видом усталого равнодушия закрыв глаза,

— Нам это всё равно-е, сударыня. Мы камней вовсе не принимаем, — сказал он, бросив на выхвачку мешок следующую вещь, — мы оцениваем только металлы-е.

Вато старинный и поскутый бриллиант, совершенно неожиданным для Веры, был оценён весьма дорого. В общем, однако, набралось около двенадцати трёх рублей. Этой суммы было более чем достаточно.

Когда Алмазовы приехали к садовнику, болела петербургская зима уже разлилась по небу и в воздухе своим холодом. Садовник, чех, маленький старичок в аскетическом, только что сажался со своей семьёю за ужин. Он был очень изумлён и недоверчиво поглядывал на бриллианты и на необычную просьбу. Вероятно, он заподозрил какую-нибудь мистификацию и на Верочкины настоятельные просьбы ответил очень сухо:

— Пожалуйста. Но я никак не могу послать в такую даль работных. Если вам угодно будет завтра утром — то я в вашем услужен.

Тогда началось только одно средство: раскопывать садочнику подробно всю историю с алкогольным питием, и Верочка так и сделала. Садовнику случался иногда выслушивать, почти врандоебно, но когда Вера думала до того, как у неё возникла мысль посадить куст, он сделался внимательнее и несколько раз сочувственно улыбался.

— Ну, делать нечего, — согласился садовник, когда Вера хотела рассуждать, — скажите, какое вам самое не будет посадить кусты?

Однако ни вех город, какие были у садовника, ни один не означался подходящей: какой-нибудь пришло оставаться на кустах сирени.

Напротив Алжской углубляла шину спривиться да-
мой. Она поехала вместе с мужем на город, всё время,
пока ожали кусты, сидела вутаюлась и жилала ребетям
и только тогда соглашалась ехать домой, когда удостове-
рилась, что дёрт около куств совершенно вполне отли-
чить от травы, покрывающей всю седловину.

На другой день Вера никак не могла увидеть дома и
вышла встретить мужа на улицу. Она ещё ждала, но од-
ной только минувшей и занюхот подрастивающей выходя,
узнала, что история с кустами аничалась благополучно...
Действительно, Алжская был весь в шале и кожа дермал-
ся на штах от усталости и голода, но лицо его сияло тор-
жественным одержанной победы.

— Хороши! Прекрасно! — крикнул он ещё за де-
сять шагов в ответ на тревожное выражение женина
лица. — Предотать себе, приехала мы с вами к этим ку-
стам. Уж глядел он на них, глядел, даже дитинка со-
рвал и покосил, «Что это он дервет?» — спрашивает.
И говорит: «Не знаю, како-ство». — «Берёзка, должно
быть?» — говорит. И отвечаю: «Должно быть, берёзка,
како-ство». Тогда он повернулся ко мне и руку даже про-
ткнул. «Извините, говорит, жена, допустит. Должно быть,
в стареть начинаю, коли забыл про эти куствы». Сла-
ный он, профессор, и умения такой. Право, мне жаль,
что в это обманел. Один из лучших профессоров у нас.
Знани — просто чудовищны. И какое быстроты и то-
воры и аичине местности — удивительно!

Но Вере было жаль того, что он рассказал. Она за-
ставляла его ещё и ещё раз передавать ей в подробностях
весь разговор с профессором. Она интересовалась самыми
мельчайшими деталями: какое было выражение лица у
профессора, аичин тоном он говорил про свою старость,
что чувствовал при этом сам Коля...

И они шли домой так, как будто бы, кроме них, ни-
кого на улице не было: держась за руки и беспрестанно
гмелъ. Проходяие с недоумением оглядывались, чтобы
ещё раз взглянуть на эту странную парочку...

Находкой Екстремист аичегда с таким аичетом не
обедал, как в этот день... После обала, когда Вера прише-
ла Алжскому и набинит сталли так, — муж и жена аичуд
одновременно аичемелить и поглядели друг на друга.

— Ты — чему? — спросила Вера.

А. И. Куприн. «Рост сердца». Лидия и Иван

— А ты чему?

— Нет, ты говори прямо, а я потом.

— Да что, глупости. Вспомнилась вся эта история с ирландкой. А ты?

— И тоже глупости, а тоже — про ирландку. Я хотела сказать, что сердце теперь будет навсегда моим любимым цветом...

Сравнительное и культуроведение

1. Поразится ли вам рассказ «Куст сирени»? Что, кроме знаменательного сюжета, привлекало вас в этом произведении А. Н. Куртина?
2. Какой произведение зарубежной литературы, прочитанное вами в 1 классе, напоминает этот рассказ? Можно ли сказать о чувстве замкнутости в доброй мере этих рассказов?
3. Как вы считаете, можно ли считать рассказ «Куст сирени» еще одним произведением о любви? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.
4. Какой из рассказов о любви (Никола, Бунина, Куртина) вам показался наиболее интересным? Аргументируйте свой ответ.

Искусство диалог

Напишите эссе-диалог на тему «Счастлива ли Вера Алмазова?» или подготовьте устный или письменный ответ на предложенный рассказ А. Н. Куртина «Куст сирени».

Разработка диалогов

1. Объясните смысл заголовка и подберите синонимы: «Визитная карточка», «использоваться люди», «позже нежные, горькое люди».
2. Объясните слова и словосочетания, выделите их в свои рассуждения и прокомментируйте безостановочно, недоумения, побольше фраз, перефразов, выделенных слов, аллюзийный, сдержанный, индустриальный, извилистый, тихая улыбка, комод, судья, судорожно.

Диалог

Внимательно выберите цитаты из текста рассказа, подготовьте персонажи в сравнительной характеристике Николая и Веры Алмазовых, проанализируйте в тетради следующую таблицу:

Николай	Вера
«...Он выткнул из рук парфюма, который упал на пол и почти раскис, а сам бросился в кресло, длобно хрустнув словенскими вместе пальцами...»	«Она нагнулась встать, каждую минуту в жизни почти всяким людям».

Перечитайте внимательно ваши цитаты, сделайте вывод о характере героев рассказа.

СЛУШАЕМ АКТЕРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Это третий рассказ о любви в одном учебнике. Какой из них понравился вам больше всего (первый/второй/третьей/четвертый, теплотой, нежностью, сердечностью, взаимным героизмом друг к другу, самоотверженностью, преданностью и т. д.)?
2. Различные отклонения между писателем, реальными чувствами... Каждый из персонажей обращает ваше внимание на те ситуации, в которых оказывается не он (любимый/любимая), а любимый/любимая, заданные страстью, полнотой чувств и т. д.) Какой выход из сложившейся ситуации они находят?
3. Послушайте, на какие качества характера героев обращает ваше внимание автор Алексей Буцко в своем чтении рассказа «Купи сердце, жена». В чем причина рабского поведения Анны? Какой выход предложила жена? Что она для этого сделала?
4. Почему жена заставляет героя снова и снова пересказывать это разговор с профессором?
5. Как променял автор финал рассказа?
6. Почему А. Н. Курбанов не сразу не променял слова «любимый, любимая», а весь рассказ посвящает истории настоящей любви?

Александр Александрович БЛОК

1880—1921

Я много перечитал поэтов и был удивленным изумленным, быстро сложилась друт друт, блок русский поэзия.

А. Блок

Александр Александрович Блок прожил недолгой, но славный творческий путь, законченный болезнью историческими событиями и эпидемией. На глазах у Блока происходили никогда не спланированные ранее исторические перемены. Старая и новая Россия, об прошлом, настоящем и будущем, истории и современности — это вопросы, которые всю жизнь волновали Блока и на которые он искал ответ. Один из исследователей его творчества, В. Орлов, назвал его «князем историческим поэтом и литературы XX века, ибо всё, что он писал, исторично, пронизано духом эпохи, вездесуще творимой историей».

Впервые интерес к истории пробудился у Блока, вероятно, в семье его дяди, ректора Петербургского университета А. Н. Бенетова. Здесь, по словам писателя, господствовал дух русского гуманизма. Идеальное воспитание Блока происходило в традициях городской интеллигенции.

Дальнейшее развитие интерес к истории у Блока получил в университетском лагере. В 1898 году он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Блок искал отцу, что его особенно интересует история русского права. Впоследствии он перешёл с юридического на филологический факультет.

В печати Блок начал выступать с поэтическими произведениями и с научными статьями. Его интересовала прежде всего жизнь народа. История господствующего класса представлялась ему скучной и обезобразенной. Блок писал отцу, что никогда не станет ни креационистом, ни эволюционистом, и не потому, что не видит ни там и другом смысле, а просто по природе, качеству и тему душевного переживания...

После революции 1905 года в творчестве Блока всё более выдвигается тема двух России: России официальной, самодержавной, бюрократической и России народной.

Россия для Блока — это прежде всего родина, а родина для поэта — это колыбель, родков, дашавет существа, подробное звазавку, но бесконечно более уютное, ласковое.

Из пронзительной исторической картины, написанной Блоком до революции 1917 года, выдвигается стихотворный цикл «На поле Куликовом» и поэма «Восмездие». В первом цикле, созданном в 1908 году и посвящённом Куликовской битве 1380 года, выдвигается большая патристическая тема борьбы русского народа за национальную независимость своей родины. Куликовская битва для поэта — исторический факт, дашавет повод для размышлений о настоящих и будущих России.

В народе, говорит Блок, царствует как будто сон и тьма. «Но и над станом Дмитрия Донского стояла тьма», однако над ней «всвывает далёкая и зловещая зарница». Эту зарницу будущего народного движения как бы мысленно видит поэт. Он верит, что народный «слан» выступит и победит «слан», ему противостоящий...

Своёвременным Блоку чувством историка он пытается определить место совершавшихся перемен в общем историческом процессе.

Д. Черныш

Проверьте себя

1. Какие стихотворения А. Блока вам известны? О чём они?
2. Когда впервые у Блока возник интерес к истории? Какой представлялся ему Россия? Прочитайте главы из книги Д. Лихачёва о Куликовской битве, затем цикл стихотворений «На поле Куликовом». Какие картины рисует поэт и какие мысли его волнуют?

Мир на Куликовом поле

Музыкальное уро

...Когда в результате Навиной битвы и нашествия орд Вилья были истерены не только единство Русской земли, но и великодушность разрознившихся русских князвств, гжидание единства всей Русской земли стало ещё острее ощущаться в литературе. Впоследствии выразилось

русского единства стал единый на всей территории Русской земли русский язык, а основным — вся русская литература. «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского», цикл рыцарских повестей и особенно русские летописи напоминали о былом историческом единстве Русской земли и тем самым как бы призывали вновь обрести это единство в целостности.

Битва

Ночью 8 сентября 1380 г. соединенные силы русских княжеств одержали решительную победу над отрядами войском Золотой Орды, двинувшейся на Русь под предводительством хана Мамая. Произошло это на Куликовом поле около реки Непрядвы на Дону. Битвы обеих сторон сравняли с неслаженным утратами. Люди гибли не только от ран, но и задыхались от явной тесноты. «Всюду бо множество мёртвых лежаху, и не вояводу кони ступати по мёртвым, не только не оружием убивахуся, но сами себе быюще и под пыльными полами умираху, от великия тесноты задыхахуся, яко немощи бо имещеихо на поле Куликова между Дном и Мечи (рекой), множество ради малых сил сошедших».

Первым павшим на Куликовом поле был Александр Пересвет, что перед битвой вынесся к боям ратями прииди вояки Трубачи и вояги, сражи краги... Пересвет и Ослаба для множества похосованый быаши и оставоша символы ратного подвига.

Бойню Мамай наступало первым, устремившись в атаку с высокого места. Вслед за конницей шла пехота тесным строем, «ибо место, где им разступитися». Шли в конями наперевес; задние ряды клали свои конья на плечи передних. У передних были более короткие конья, у задних — длинные. Рать Мамай отличилась коньями.

Но выдержав натиска, русские войска стали отступать. Победа, казалось, была по стороне Мамай: «Грозно и злодостью и то время баче тогда слышати, зане же трава ярини кроути быаши, и дрвеса туюю фкорбом. — *Д. Х. 1* и земле приклонилася, но тут выступил на лесь хорощо стретанный западный полк под опытным предводительством двоюродного брата Дмитрия — князя Владимира

Андреяна Серпуховского и Дмитрия Боброва Волынского и ударил в тыл в фланг войском Мамая. Вадерожка, с которой русские в извешном битву дождались нужного момента, во время своего присутствия, решила многое. Победа была полная, и войско Дмитрия далеко преследовало Мамая.

После победы и заслуженного вознаграждения на Куликовом поле Дмитрий Донской провозгласил тут же, «стоя на козлах», вечную память всем погибшим.

С обеих сторон войны были полководцы великов. Значит, проиграв, оба войска понимали, что от победы битвы зависит многое. Что же такое были это «многие»? Получили ли русские княжества какое-то существенное преимущество? Ведь всего лишь через два года после Куликовской победы — в 1382 г. промышнику разбитого Мамая лану Тохтамышу удалось организовать новый поход на Москву, но взять Москву удалось только «спяточном» (слезливым набегом) — потому что поход был организован в глубокой тайне и осуществлен с необычайной быстротой. Москва была разграблена, и прекратилась связь с Ордой восстановлена.

В 1380 г. на Москву идет походом знаменитый полководец вели Перидной Азии Тамерлан (Темур Ланк — как называют его русские летописцы). Московский князь Василий Дмитриевич погибает в отступе и обирет от войны. В Москву переносится главная святыня Владимирского княжества — икона Владимирской Богоматери.

Тамерлан не решился напасть на русское войско и от города Ельца повернул обратно. Василий Дмитриевич прекратил своею удачу шев. Тогда хан Золотой Орды Едигей снова тайно подготовленным и вывешным набегом вторгся на Русь и осадил Москву. Вели «отступ», он удалился. Но переход от выкоренности и сопротивляемости стал уже совершившимся фактом. Независимость княжества Руси от Золотой Орды стала ясна для обеих сторон.

Куликовская победа была величайшим переворотом в русской истории. В чье же заключение этот переворот?

Это был переворот в сознании, в самосознании русского народа, в появлении острой потребности в государственном единстве и государственной независимости.

Почему такая тоска и боль в гениальном стихе стихотворений А. Вaska «На поле Куликовом»? Почему так тревожно современны для Вaska его современность и события на Непрядве? Почему чувствует Вask так часто себя как бы участником Куликовской битвы?

Мы, сам-друг, над степью в полноту стали;
Не вернутся, не взглянуть сюда,
На Непрядвой лебеди крылати,
И опять, опять они прилетят...

На века древних стихотворений Вaska именно этот — «На поле Куликовом» — самый народный, самый эмоциональный. И не потому народный и эмоциональный, что в нём встречается образы русской народной поэзии, а потому, что в течение шестидесяти лет, прошедших со времени величайшей в русской истории Куликовской победы, отношение к ней русского народа было именно таким, иными его выразил Вask в своем стихе стихотворениях.

«Мамыевым побоищем» назвал народ Куликовскую битву. «Жалость и жалость» назвал автор «Задонщина» в XV в. свою тему о битве за Долом на Непрядве. И древнерусские повести о Куликовской битве, и стиха Вaska «На поле Куликовом» объединены общим настроением — настроением не только повелая победе, но и жалостью на погибших.

Помысли, нет события в русской истории, которое вызвало бы такое количество монументальных и одновременно столь личностных литературных откликов. Две поэтические летописные повести, знаменитая «Задонщина», цикл проведений, объединенных названием «Сказание о Мамыевом побоище», и десятки, а может быть, и сотни других произведений, в которых говорится о Куликовской битве, на протяжении шести столетий! И всюду Куликовская победа выступает в лирическом одежде душевной боли победителей и глубокой жалости о погибших, — погибших не только в самой битве, но и за долгие годы «осушающего душу народа» чувствования, когда, по словам летописца, «и слез не было в рот от горя».

Д. С. Захаров

1. Каковы роль и место творчества драматургической литературы Д. С. Локатца русской литературы в освоении многообразия единства Русской земли?
2. Сравнительно-аналитическое изложение стихотворного цикла А. Блока «На поле Куликовом» и рецензия Д. С. Локатца.

На поле Куликовом

Рука раскинулась. Топит, гонит лентина
И мост берета,
Над округой глиной молотит обрыва.
В степи гонит степь.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам жжен долгий путь!

Нам путь — стрелой татарской дровою
Прожито нам грудь.

«Стихи о России». Сборник стихов А. Блока.
Обложка работы Г. Найдунга

Наш путь — степной, наш путь —
в тоске безбрежной.

В твоей тоске, о, Русь!

И даже мгла — ночной и зарубочной —
Я не боюсь...

Пусть немь, Дюкитыма, Океан поостраня
Степным дымь.

В степном дыму блеснут светлые знамя
И ханской сабле сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И нюхает коньяк...

И нет коня! Мешают веревы, кручи...
Останки!

Идут, идут испуганные тучи,
Лютят в крови!

Лютят в крови! Но сердце кровь гурькает
Плечь, сердце, плечь...

Пускай немь! Степная кобылица
Нюхает коньяк!

7 июля 1908

II

Мя, товарищ, над степью в полдень стали:
Не вернуться, не вымануть назад.
За Петропавловской лебеди красавица,
В степь, охота она кричит...

На пути — горелый белый конь.
За рекой — летящая орда.
Светлый стог над пашнями полными
Не выгорит больше никогда.

И, о земля славянская тыловая,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб подаром битвы с татарскою,
Во светлом долу мерещилась земля!»

И — не первый бой, не последний,
Долго будет родина биться.

Пешкии ж аз рақибон обидиёӣ
Мила дӯста, сестраи жонӣ.

8 июли 1908

3

Вотси, кинди Мамайӣ омаёт с орою
Стони а мосту,
В тоҷном ҷале биди нам с Тобон, —
Рази мада Тӣ?

Перед Данои тоҷикон а омаишам,
Среда воҷинаи ҷалеи,
Сманила а Твои тоғон оғридон менин
В кримак лебедей.

С подубома тучей миктоидак
Киниконкӣ ратъ,
И адала, адала а оғридон бидеда,
Голосила мотъ.

И, чертаи руги, номӣе ашони
Ротли адала,
А над Ругеи тикне аришони
Кинаи сирегли.

Орлий ашкот над тоғришони ашони
Уғришол бедой,
А Нозидони убралани туманом,
Чи киникин фаной.

И с туманом над Нозидонкӣ ошони,
Прани на мена
Тӣ ошони а ошони, сирот ошони,
Не сиротуи мена.

Сиребром вонои бидедаи дӯгу
На стальном мотъ,
Ошонила пыльную коллугу
На мотъе плеча.

И кинди, кинди, тучей ашони
Дикункӣ ода,
Бид а ашони Твои лии нерушони
Сиротла накинди.

14 июли 1908

Опять с вихором тоскою
 Приступилась и ошело боями,
 Опять на турманной реке
 Ты шепчешь мне наддаль...

Умчалась, пропала без вести
 Стенных небесных табуны,
 Разжиганы дивные страсти
 Под лжею ушербной луны.

И я с вихором тоскою,
 Как мила под ушербной луной,
 Не знаю, что делать с собой,
 Куда мне лететь за тобой!

И слушаю рыкосты степи
 И трубные крики татар,
 Я иду на Русью далью
 Широкой и тихой повар.

Обытай тоскою молутой,
 Я рынку на белем коню...
 Встречаются вольные тучи
 Во мланной конной вышине.

Надымается светлые мысли
 В расстерзанном сердце маю,
 И надает светлые мысли,
 Сожиденные обычным огнем...

«Явись, мой дивный диво!
 Быть светлым мне вурчал»
 Надымается конная грива...
 За ветром выхвачет мечи...

27 июля 1908

И жалею бед истраиваемых
 Грядущий день излюкото,
 Мл. Солоний

Опять над полем Кудиковым
 Выходил и расточилась мгла,
 И, словно облаком турманом,
 Грядущий день излюкото.

За тешкою непробудной,
За раздвинувшейся жглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно полыхающей.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мечтательных дней!
Над правдами светом, нам бывало,
И плечи и трубы лебедей.

Не жалеет сердце жить покоем,
Несором туши собранья.
Достоят выдох, как перед боем.
Теперь твой час встает. — Молнии!

23 декабря 1908

Россия

Опять, как в годы восточные,
Три северных преданных племн.
И жгутся степи разноцветные
В расхлебанные колени...

Россия, никуда Россия,
Мне кабы сердце твою.
Тысяч мне песен ветровых —
Как слышишь перьях лебедей!

Тебя жалеть и не умею
И крест свой берящее несю...
Высокому конючю чародею
Отдай разбойнику кресту!

Русская землянет и обманет, —
Не прощайтесь, не стигнете вы,
И лишь, работа заглушают
Твои прекрасные черты...

Ну что же? Одной работой была —
Одной сильной рекой шумной,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да клат узорный до бровей...

И величественно возмужав,
Дорога долгих летних,

Когда влечёт в дали дорожкой
Многоликий мир из-под платка,
Когда шепчет тоской остринкой
Глухая некая лещинка!..

18 октября 1908

Федеральное государственное
образовательное учреждение
«Национальный институт
педагогического образования»

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Литературоведы утверждают, что в творчестве А. А. Блока зарождался тип дура России — России официальной, публичной, внешней и России народной, а также России совмещённой в России древней, дохристианской. О какой России идёт речь в этом стихотворении?
2. Что преобладает в стихотворении — тревога, горестное чувство, любовь? Как удалось это доказать Алёне Погореловой читая?
3. Почему случился выпадение verses after verses (тройки четверостишия)? Что она реконструирует?
4. Подготовьте карточки-задания к стихотворению А. А. Блока «Россия — любовь».

Федеральное государственное
образовательное учреждение
«Национальный институт
педагогического образования»

1. О чём творчество Блок в целом «на поле Пушкинском»? Как передаётся поэтом историческое событие — битва на поле Пушкинском? Почему Блок сравнивает Русь с женой? Как вы понимаете строки: «О, Русь моя! Мила моя! До боли / Нахлынь долой! Долой! Долой! ...И Вильно боги! Покой моя только снится...»?
2. Какой настроением преобладает в произведении? Какие образы (кто) достигается? С какими произведениями соотносится этот образ и строки: «Их душа — грядущий белый холм...»?
3. Как можно объяснить строки?

Я — не первый воин, не последний,
Дело будет война велика.
Пускай не за равныю обидой
Идёт душа, светлая моя!

4. Какие художественные средства (приёмы) используются поэтом в словосочетаниях: *река разливается, лещин, друская лещинка, суровая лещинка, жёлтый обиды, дружная слова, обуре историческое чудо, ардавы белый холма, Ахты Брест родина велика, Вильно лещин, добрая душа?*
5. Как вы понимаете выражение в стихотворении «Россия»?
6. Чем объяснены стихотворения А. Блока в целом «на поле Пушкинском» (жанром, темой, идеей, замыслом, исторической эпохой, единым поэтическим настроением, местом действия)?

Учимся работать с текстом

Подготовьте выразительные чтения цитат или отрывков из стихотворений, подчеркивая гласные произношения. Обратите внимание, что под ударением одно гласное в строках: «Опела с великою гордыней...», «Опела на поле Куликовом...», давай в стихотворении «Росны» — «Опела, как в годы золотые...». Что подчеркивается поэтом?

Цапа (др. русск. — черн., конюша) — некогда художественная прозаическая, объединённая общим жанром, темой, темными переживаниями, единым языком, иногда рассказником, исторический эпос, единым поэтическим настроением, местом действия (например: былина об Илье Муромце, эпос повестей М. Ю. Лермонтова «Горы шевелят конями», цитаты стихотворений А. Блока «Волшебная мысль, Не ныне Куликовом и др.).

Стихи литературоведческого искусства

Литературовед А. С. Соболев в статье «Куликовские битвы в русской литературе» пишет:

«Горючей любовью к родине пронизан целый цикл стихотворений „На поле Куликовом“, где история и современность тесно даны в неразрывном художественном параллелизме. Судьба России — вечный бой:

И вечный бой! Покой нам только снится
 Снегом зреть и петь...
 Летит, летит слепая кобылка
 И мчит ковыль...»

Образный язык цикла «На поле Куликовом» несет на себе следы влияния древнерусской и фольклорной поэтики: многообразие Руси земной (то древнерусская земля — и страна, и просто женщина): «орнула „двудни“», «привычно-стольные злата и тмозь», «вышинею в действителъ вышине выт» — в данном случае Богородица, образ которой сливается с образом Преподобной Девы.

Найдите в тексте цикла «На поле Куликовом» следы поэтики древнерусской и фольклорной поэтики. Приведите эти фрагменты.

Подумайте, какое значение они имеют для воспроизведения картин далекого исторического прошлого.

Учимся работать с текстом

Объясните слова и словосочетания, заведите их в свою разговорную речь: «судьба», «конюша», «тоска», «блестит», «ступенные горы», «милый-милый», «стольное дело», «родича», «Волна», «ковчег», «сербина», «Вилан», «луга», «летит», «молодильный зелье», «миланжское болото», «прекрасные черны», «дубина дубо», «летит», «зоркий глаз», «весна дятловый».

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

Сергей Есенин — самый популярный русский поэт XX века. Многие литературоведы и писатели пытались понять секрет непреодолимой всероссийской любви к поэзии Есенина. Многие на страницах печати высказывали предположения, что любовь эта — результат деятельности и неслучайности массового читателя. Но вряд ли можно всерьёз встречивать такие доводы. Более убедительными представляются суждения людей, которые никак не заботились в неслучайности в делах поэтического, — Борис Пастернак и Марина Цветаева. «Со времени Колышки земля Русская не производила ничего более коренного, естественного, местного и родового, чем Сергей Есенин... Вместе с тем Есенин был живым, выскочил конком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовём высшим модерновым началом, модерновой стихией», — писал Пастернак в очерке «Люди и поколения». Это о характере самого поэта, о замечательной артистической лёгкости его труда, об удивительной ясности, прозрачности и ошеломляющей современности его поэзии.

А вот слова Марины Цветаевой о Есенине:

И не власть — мало жид,
И не горюх — мало дал, —
Много жид — кто в жиди жид
Дни, вой дал — кто поэмо дал.

«...Поэмо дал» — а ведь на Руси для поэта дать поэмо, не однократно, а на некое десятилетие, — заслужить высшее признание. Так было с Пушкиным и Лермонтовым, Колышкин и Не-

красным. И сегодня нарwane с «Ганьконе, «Хуторконе, «Коро-
бийнеконе» и «Трайкоя» звучат по всей стране «Не колесо, не
звон, не плету...», «Отговорила роцка золотая...», «Клин ты мой
отпавший...», «Ты жыва едзі, мой старушка...».

Есенин известен прежде всего как поэт-лирик. Его пейзаж-
ная и любовная лирика светла, задумчива, музыкальна. Но самая
главная тема эсенинской поэзии — Россия, любовь к родному
краю. И потому в своей поэзии он часто обращается к истории
родины: поэма «Морфе-последняя» и «Песнь о великом посто-
де». Тревожит и мучит поэта современность.

Он пытается угадать будущее страны. То надеясь, то впадая в
отчаяние, поэт предвещает:

С того и началось,
Что не пойму,
Куда несёт нас рок событий...

И вновь обращается к истории, стремится понять настоя-
щее, непременно изучает судьбы людей, вникает в переломные
моменты. Одно из таких обращений — драматическая поэма «Пу-
говица».

Проверьте себя

1. Конечно, много произведений С. А. Есенина вы уже читали в классе. С какими поэтическими самостоятельными? Почему бы вы стихотво-
рением С. А. Есенина, если бы вам не прочитали, не назвали имени
автора? По каким критериям узнаете стиха поэта?
2. Какие характерные черты поэтики С. Есенина отметили Б. Пастернак
и М. Цветаева?

Проверьте навыки исследовательской работы

Подготовьте выразительное чтение наизусть одного из стихотво-
рений Есенина, сохраняя при чтении катковость эсенинского стиха.

Литература и другие виды искусства

Какие песни и ремесла из стиха С. Есенина вы слышали? Как вы
думаете, почему именно эсенинская стихотворения стали поэмами?

Пугачёв Отрывки

I

Появление Пугачёва в Миланов городке

Пугачёв

Ох, как устал и как болит голова,
Рядом дороги в мутное пространство,
Ты ли, ты ли, разбойный Чагаи,
Приют диларей и оборотцев?
Мне прелестью степей твоих маю,
И пропахшая солью почва,
Луна, как жёлтый индеец,
В мшистой траве корчится,
Никонцу-то и здесь, здесь!
Рать просто царю воли распалёк,
На ушах-то мы на основной пост
Видунить головы моей зарю.
Вик, Вик, ты меня звал
Степом придавленной черноты
Пучилина в сердце мабых глаз
Грустнотей и запах дурмана.
Только знаю я, что это мабы —
Деревянные колокола,
Голова на ветер царю съела.
О, концы жок, степная мила,
Громко сверкает мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродить здесь?
Что тревожить ты ночь глады?
Отчего, словно яблоко тяжёлое,
Вскочит с земл твой голова?

Пугачёв

В полончатковом шуме место
И прелесть на дальних ступах —
Посмотреть на золото телесное,
На рданые золотого солнца,
Слушай, отче! Расскажи мне легенду,
Как знает здесь мудрой шаг мужик!

Ты же ль ты в пеллах своих пришлово
Падит миломь самоменном ронн?
Ты же ль шксь, слыши зря аветнои,
Гонится оубо на водной рысней,
И на грядках, от мапусты пенных,
Чашкомь вырвант отурнои?
Ты же ль зерен туд дошкочаеи,
Слышен пранаи ровный разговор?

С т о р о ж

Ну, прохосай! С той житию Яна
Радрушнела о омык даянх пор,
С перых дней, наи обораалитя кооски,
С перых дней, наи умор третей Пётр,
Над мапустой, над оветом, над ровной
Мы выиром пролишном оит.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем оуб зряи богат и рын,
Одала Екатерина

Под надзор своих дворит.
И теперь по всем окраинам
Стоит Русь от депских даянц,
Воском жалой сердце Катю
К состраданью не окаянц.

Воск окаянц, воск павоошнц,
С талоду коть зряи коошнц,
И гонит зряи над полем
С гирда неба перерешннц.

П у т а ч и н

Нашежлое наше житиэ,
Но омык ниэ, омык,
Неуомаи в кирде иот суровой хитиэ
Выстощитя на сидоткя шокэ
И водитя зяи в беднои коошнц?

С т о р о ж

Видел ли ты,
Как кося и луку омык,
Ртом жоланым пересушннц косяи трам?
Оттого, что стоит трава на коряжках,

Под лебею перья колобры,
И никуда ей, твое, не спрячешься
От горячих лучей козы,
Потому что не жалеет она, как птица,
Оторваться от земли и тени,
Так и мы! Прощай жгущий кровяк в любви,
Что нам первый ряд поджаренной травы?
Только лишь до нас не добраться бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не споем, нам ромашки, голубы,
Но теперь нам будто пробудились,
И беремая землянский конь трепт
Скоролет, нам туман от сырости,
Имя забытого Петра.

Пугачёв

Как Петра? Что ты сказала, старик?

.....
На, кто слышал в лебею облака?

Старик

Я говорю, что скоро грозный крик,
Который лебею словно жабь слышал,
Сильный громом распатится над нами,
Уже мотом надвигает веруш,
Нам нулик ты, кто б зоркий бросил камня,

Пугачёв

Какая шашка!

Старик

О чём надвигает ты?

Пугачёв

И подождал себе зорек молчать до гроза,
.....
Клещи расцвети в небесах
На пасты темноты
Выдерживают гвяды, словно арбы,
А мне ещё нигде вырешутся не удался.

Старож

И мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна кровать,
И четверо на ней спят ребятишек.

Путачёв

Влагодарю! Я в этом городе гость,
Дадут приют мне под любовью крышей.
Прощай, старож!

Старож

Храни тебе Господи!
.....
.....
Ручь, Ручь! И столько их толк,
Как в ринетах проламывания плоть,
На край и край в твоих просторах шлепнется?
Чай талее их зовут,
Всюком свистальничком им поют в палыны?
Идут они, плдут! Великий слава гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на историю
Вернуть когами
Сей шар земли.

Но кто в шину?
Всюком ручьи скотили ниве,
Он, словно облою укапуваше, мал,
Наговест ручей ото тина глук,

Уш на шашкете громко заиграл
В красную гармоничку петук. <...>

У

Уральский камерасман

Хлопуша

Сумасшедшая, баинькая привакая жуть!
Что ты? Смерть? Или непоколебимые налетам?
Приведите, приведите меня и нему,
Я хочу надеть этого чалаша.

И три дня и три ночи не мал наш умел,
Тучи с севера сыпалось каменной грудой.
Слова ему! Пусть он далеко во Пётр,
Чернь его любит за буботню и удаль.
И три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солнышке рыл глазами удачу,
Ветер колёса мои, как солонку, трепал
И прёмами дожде обильношнал,
На салебенном сердце никогда не заблудится.
Эту тучу с ним шибать нештоко.
Оршбургская дара красношерстной
врубашиней
Рассветное роняла мне в рот медюно.
И колдунное коринное выма сивень тьму
Проклиман я, как хлеб, и негоднённым векам.
Проводите, проводите меня и нему,
И доцу видеть этого человека. «...»

VIII

Конец Пугачёва

П у г а ч ё в

Вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы умножились?
Злые деды, как с протухшими пиндой водки,
Зловонно рычат бесстыдной лавью.
Трещалы прокляты тот трес, негодней и алсодей,
Кто сумел искормить вас такой дурью.
Ничего не в ночь вы дилежко осознать лгитали
И дожить до рассвета со мною в Гурьях.
Да, я лавю, я лавю, мы в страшной беде,
Но зачем-то и длай над турканистою вешью
Деревянными красильни по настийской воде
Наша лодка вылащует, как лавина, в Азию.
О Азия, Азия! Голубая страна,
Обысканная солью, песном и известкой.
Там так медленно по небу идет луна,
Позвонившая колёсами, как кирка с ковзачкой.
Но зато кто бы шара, как бурлишь и горло
Светит там шаростопилтым горным река!
Но я того же там сванут молотильные олды
Всем вам диним и алым, что сидит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тому
Перебраться туда в не кончившим странам,
Чтоб разнотемк волнами из спорокощны окур
Стать в преддверьем России, кон петь Танермана.
Тан пашой из молочныи, просовет в алдай
Оформил нас бесстыдней труднейей дурак?
Нынте ж в ночь вы должны оседлать лошадей
И поехать до рассвета по многу в Гуран.

Германовича и Пушкинина

1. В чём принципиальное различие в оценке бунта Пугачёва и Есенина? О чём говорит Пугачёв? К чему призывает? О чём горит? Как вы понимаете строки: *Я подкал себе царя медью до окая, Раёв Дурал в жаркое пространство, Дурд, кон жёлтый медведь, / В алдай преддверьем России, Кон, Кон, ты меня алко / Слышишь преддверьем России?*
2. Обратите внимание на художественные особенности поэмы, определите виды тропов (эпитеты, сравнения, метафоры и т. д.) в следующих строках: *Раёв Дурал в жаркое пространство, Мне крадется степной алко медь, Дурд, кон жёлтый медведь, Ты меня алко Слышишь преддверьем России, Слышишь алко медведь...* / *Васнет с кон алко алко, Раёв алко алко, Слышишь алко алко алко, Слышишь Дурд кон алко алко. Все алко алко, кон алко алко, И берёвко алко алко кон алко, Уж алко алко алко алко, И алко алко алко... / Алко алко алко алко, алко алко, Алко алко алко алко алко. Как вы считаете, чем объясняется столь насыщенное, обильное употребление тропов, сравнений, эпитетов, метафор в тексте поэмы? Подготовьте развернутый ответ на этот вопрос, аргументируя свои суждения примерами из текста поэмы.*
3. После 1922 года Есенин читал поэму М. Горькому в Берлине. Горький вспоминал об этом так: «Вспоминаю со мной до свидания в городе, видеть человека. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он — в думю — я не обрадовался в меня. Какою настроением велава у вас поэма Есенина «Пугачёв»?

Стиль антикварного русского исследования

Вы знакомы ли лично с домом А. С. Пушкина «Камчатская дачка», преданным, поэмам, рассказывающим о Пугачёве и крестьянском восстании, о документах об этих событиях. Теперь вы прочтёте фрагменты поэмы С. Есенина «Пугачёв». Какою предстает перед вами поэма в этом произведении? В чём различие и в

В чём сходство между героями Есенина и Пугачёвым в текстах сражений и в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»?

Найдите лишнее выразительное

Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы Есенина «Пугачёв», отрывка пьесы поэмы, характер героя (монолог Пугачёва или Хлобуки — на выбор).

Разберите дар слова

Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в свою речь и запишите: дым дымом белый, бесплодная, тоскливо, дым белый, стая выдохнутой черны, дроздиные дрозды, ромаша, спелыми, спелый Луиз, сопредельные, подожжённое кафе, башня, восторг.

Романовский текст

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. В чём смысл стихотворного отрывка из поэмы «Пугачёв»? Какими героями С. А. Есенина? Можно ли их сравнить с героями пушкинской «Капитанской дочки»?
2. Какие характерные черты есенинского героя выявляются в актёрском чтении Сергея Саломатина?
3. Слышали ли вы запись чтения самого Сергея Есенина? Если слышали, то попробуйте определить, какие интонации Сергея Саломатина ближе к есенинскому чтению?

Иван Сергеевич ШМЕЛЁВ

1873—1956

Иван Сергеевич Шмелёв родился в Земоскворенье в 1873 году. Москвич, выходец из торгово-промышленной среды, Шмелёв изначально знал этот город и любил его нежно, по-домашнему, страстно... Детские впечатления навсегда закрепились в его душе и мартовское воспоминание, и Верёвину неделю, и «столыня» в царском, и существование по старой Москве. Самые полюбившие юности — «Родники», «Богородица», «Вито Господни» — с Москвы, Земоскворенья.

Родственников писателя рассказывали, что Шмелёв был среднего роста, худощавый, с большими серыми глазами, владеющий на все лады, склонными к насмешливой усмешке, но чаще серебряными и грустными. Дяд Шмелёва — государственный крестьянин, старовер. Кто-то на предков был борцами за веру. Приезд писателя жил в Москве уже в 1817 году. Отец Шмелёва был подрядчиком — строил на Москве-реке мосты, кулачные, пароны, бани, колонизировал город в большие праздники... «Последним его делом, — вспоминал писатель, — был подряд по постройке трибуны для публички на открытии памятника Пушкину в 1880 году.

Семь лет Шмелёв остался сиротой. Семью отличали патриархальностью, норовой религиозностью. Патриархальными и религиозными, как козлема, были и слуги. Совсем иной дух царил, однако, в земоскворецком дворе, куда со всех концов России стекались рабочие-строители («Здесь и слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки... Двор наш для меня явился первой царской женой — самой одинокой и мудрой...»). Первой тематичной отыт Шмелёва — зарисовка-мал народный мещанин «У мещанина». Выход в литературу оказался для Шмелёва неудачным. Перорое занялся поэти на десятилетие, 1910 год

стал переключен на писательской биографии Шенгёва. Горькому, кто поддержал в плане обиде Шенгёва в завершении работы над повестью «Человек на ресторане». Главным новаторством писателя было то, что Шенгёв сумел полностью переосмыслиться в своего героя, увидеть мир глазами оферданта.

Писательскую революцию 1917 года писатель принял восторженно. Октябрь и другие события, произошедшие в власти пролетариат, Шенгёв не принял. В 1922 году по приглашению И. Брэнна Шенгёв выехал в Берлин, затем — в Париж. На кружке он говорил А. Кутурну: «Я не на пути по вас соскучился. Две недели свои дни в стране роскошной, чужой. Вот — чужой. Далеко родной не, в возможности много...»

До конца своих дней чувствовал Шенгёв саднящую боль от воспоминаний о России, её природе, её людях. В его последние моменты — крайняя степень настоя первородных русских слов, пейзажи-настроения, переживания высокой лерковой.

Своем недавно при Иване Шенгёва, по его желанию, был перевезён на дорожку кну родину — в Россию.

О. Михайлов

Проблемы года

1. Где родился Шенгёв и о чём вспоминал впоследствии?
2. Знакомы ли вы с рассказом Шенгёва? Прочитайте его рассказ «Как я стал писателем». Обратите внимание на то, как воспринимаются оферданта его в детстве предметы.
3. Носильную статью О. Н. Михайлова в ресурсе Интернета, подготовьте устно сообщения о жизни и творчестве И. С. Шенгёва.

Как я стал писателем

С. Александрович

Видно это так просто и вторично, что я и не заметил. Минимум сказать, минимум непредумышленно,

Теперь, когда это вышло на самом деле, кажется мне горой, что я не делал писателем, а будто всегда им был, только — писателем «без печати».

Помнится, вникая, бывало, говорил:

— И с чего ты такая баллаболка? Молет-молет писать чего... нам только повод у тебя не утаёт, баллаболка!

Никак во мне до конца виденным детством, образом, житей. Вспоминается вдруг игрушки, кубик с обидравкой

картинкой, складные альбумы и бумажки, похорошевшие по то-
порю или жуку, солнечный луч на стене, дрожащий
заблужком... Петка жемчужной березки, выросшей рядом в кро-
важке у обрабка, желтиной таниной, чудетной. Красна на ду-
дечке на жести, распятанной ярче розами, запах и вкус
её, смешанной с кислом цветом от распариванной острого
краем губки, чёрные тарелочки на полу, обрызганные за-
дутью по мне, запах истребителя с конной... Боженька и
утюжок с лимонной, запах неоконченной молитвы, в ко-
торой светится «деверадубом»...

Я говорил с итрощены — жемчужки, с чурбачками и
струныками, которые были «двоем» — чем-то чудесно-
странным, в котором «жили». «...»

Но и «железа» и «железа» — чудесные. Они у меня — мои.

Я говорил с белыми звонкими железом — горы их
были на дворе, с зубастыми, как страшные «железа», ин-
дими, с блестящими в треске титрами, которые гре-
ли брэнна. На дворе были алюминия и доки. Железа,
большое алюминия, в докматах головах, в столе жи-
вые доки. Всё казалось железом, металлом. Железа была метал-
ла, — бегала по двору на вытязь, жемчужки в снегу и даже
плакала. И железная картина была железом, похорошевшие по жести
на дворе. Стояла в углу — «железа». Я утешал её, гла-
дил её железом.

Всё казалось железом, всё мне рассказывало желе-
за, — и, железом чудесным «...»

Должно быть, на остепенном болтовне провалил меня
в первом классе гимназии «ранней оратор», и картинка
её держала дутью. В балдахинах¹ то и дело плакала:
«Железа» на вытязь на вытязьные разговоры на
уроках».

Это был, так сказать, «детский» мой истории мо-
его детства. На нём кончилась притча и «железа».

И третьим, железом, железом и утешил романами Жюль
Верн и железом — дутью и в отделе — путешествовать на-
ших учителей на Луку, на воздушном шаре, сделанном из
необязательных планов железом дутью железом. «Железа»
железа железом утешил, читала её дутью и железом, желе-
за, и она наконец плакала в дутью к железом. Железа
пустынный дутью, железом утешил, в углу железом, — железом

¹ Балдахина — железом.

мои гимназии! — благословляю детей Спасителя — и
зисоний, сукой Ватилин, с раскисши башкибардама, трыофт
над мой отравленной голозой тонким козлиным пальцем
о отравленном остро зубом, и говорит сжиком зубы — ну
прямо бедеи! — ушакшим, свистящим голосом, стигивая
васом носом. — Как самый козидный англичанин!

— И ото-с такое... и се... тамма лет, и се... так же
увашивательно отдышеско, се... так пренебрежительно о
старых... о настоящих, об учителях... нашего коз-
линикого Михаила Сергеевича, сына такого нашего вна-
ского вторика шквалеско себе называть... Мартьяков?
По реалитам педагогического совета...

Гимнари за эту «поэму» и получил выгонки — на шесть
часов «на воскресные», на первый раз.

Долго рассказывать о первых моих шагах. Растянул и
нашню на сочинения. С этого класса и до того развил-
ся, что и окончании храма Христа Спасителя как-то при-
нял... Вадсона? Помните, я хотел вырастить чувство ду-
шевного подъема, которое соотвечает тебе, когда стоишь
под глубокими сводами, где парит Савлоф¹, «как в небе»,
и вспоминаются ободрительные слова нашего славного по-
эта и печальника Вадсона:

Друг мой, брат мой... усталый, страдающий брат,
Кто в ты не был — не падай душой:
Пусть невзгода и зло злопыхательство дерет
Над змеей слезами землей...

Ватилин назвал меня над кафедрой и, потеряв тетрад-
кой, начал писать во свистом:

— Сто-с такое?! Напрасно считаете классику, не инко-
бинные и романтически библиотку! У нас есть Пушкин,
Лермонтов, Державин... но изданного залого Вадсона...
ней Сто такой и кто такой... На-дом, Вам дом тема о
храме Христа Спасителя, по плану... а вы проводите ни
в среду ни в городу какого-то «страдающего брата»...
конне-то задорные стихи! Было бы на отафру, но и
там гнали-тра с минутом. И потом только тут какой-то
«философ»... с «и» на конце! — «философ» в Смале!² Сло-
во «философ» не умею написать, пишете через «и», а
в философии пишетеся? И во-сторых, был Смале, а не

¹ И в Ветухе С. Я. (1882—1887) — русский поэт.

² Савлоф — слово из книги Яков, брата и ученика.

Смады, что манят — синие сады! И нишкого одиночества он, как и мой Надсон, — не боялся, ударом на первый шаг, — ко кресту Христа Спасителя не шло! Три с минутой! Ступайте и задумайтесь.

И взял тетрадку и попробовал отстоять свой:

— Но это, Николай Иванович... тут личное отступление у меня, как у Гоголя, например.

Николай Иванович потянул строго лицом, точно его рывки усы подкалывали и показались зубки, а замкнувшим и неподвижно лежавшим на нем, с таким выражением усмешки и даже холодного презрения, что во мне всё заколебало. Все мы знали, что это — это улыбка: так улыбается люба, перегражая горлышко петушку.

— Ах, ах-от вы ха-ха... Гоголь!.. или, может быть, Гоголь-вогаш? — Вот как... — и опять страшно потянул щеки. — Дайте сюда тетрадку...

Он перевернул три с минутой и самым сокрушительным удар — носом! И получил как и — оскорбление. С тех пор в поэтике Надсона и философия. Этот над шпиритом мне передали и средний балл, и меня не допустили к экзамену: я остался на второй год. Но всё это было к лучшему.

И попал к другому словеснику, и названному Фёдору Владимировичу Цветаеву. И получила у него свободу: писал как хочешь!

И я взялся ретиво, — «про природу». Писать, конечно, начинали на поэтических темы, например, — «Утро в лесу», «Русская зима», «Осень по Пушкину», «Рыбная ловля», «Гроза в лесу»... — было одно блаженство. Это было совсем не то, что любил задумывать Бетховен: не «Труд и любовь к близкому, как основы нравственного совершенства», не «Чем замечательны послания Домострова к Шувалову „О пылах стола“» и не «Чем отличаются слова от наречий». Плотный, медлительный, как будто полусонный, сонливый чуть-чуть на «о», посмеивающийся чуть глазом, благодушно, Фёдор Владимирович любил «словесник», выходящем будто, с лентой русской, вымывает и промёт из Пушкина... Гоголи, да какой же Пушкин! Двое Денисы, провинный Сетовый, и тот крошечные чувствам.

Имея от неси данный дар

И гласе, шуму вод подобный, —

яичу читал Цветаев, и мне казалось, что — для себя.

Он стоял мне на «распашке» пестрики с тремя ногтями
кротами, — так же широко! — и как-то, тыча мне паль-
цем в голову, словно вбавал в концы, торжественно нарба:

— Вот что, муш-чи-ка... — и некоторые сударя пишут
«муш-чи-ка», как, например, древний му-ш-чи-ка Шере-
бош! — у тебя есть что-то... пенка, как говорится, «шн-
ка». Пригучу с талматах... нем-ка!

С ним, единственным из выставщиков, поговаривалась я
из предельно короткими. Харонила его — и плакала. И до
сих пор — он в сердце.

И вот — третий период, уже «неметный».

От «Утра в лесу» и «Осеня по Пушкину» я перешла
неизвестно к «собственному».

Случилось это, когда я кончила гимназию. Лето перед
волевым классом я проводила на глухой речке, на рыб-
ной ловле. Попал во омут, у старой мельницы. Жил там
глухой старик, мельница не работала. Пушкинская «Ру-
салка» вспоминалась. Так меня восприняло искусство,
образы, бездонный омут «с своим», забытые гротеск,
расщеплённые ветлы, глухой старик — на «Клане Со-
срабаного»¹ мельник.. Как-то на речке врыло, олов
подлезника, и трезвонно замушкетовал — что-то во мне
заблеще, испещрило, дышать мешало. Мелкомуло что-то
непокое. И — прощало. Водил. До глубокого сентября я ло-
вила омуры, подлезников. В ту осень была халера, и уч-
ные были отключены. Что-то — не происходило. И вдруг, в
самую подготовку на аттестат древности, среди упрежи-
ний с Гомером, Сократом², Цезарем³, Вергилием⁴, Ови-
дием Назоном⁵... — что-то опять случилось! Но Овидий ли
вспомнил меня? не эти ли «Метаморфозы»⁶ — чудо!

¹ «Клане Сосрабаного» — исторический роман А. К. Толстого.

² Сократ (ок. 470—400 гг. до н. э.) — древнегреческий философ.

³ Цезарь Гай Юлий (102 г. до н. э.—44 г. до н. э.) — римский диктатор, полководец.

⁴ Вергилий Марс (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт.

⁵ Овидий Публий (Publius Ovidius Naso) (43 г. до н. э.—
ок. 18 г. н. э.) — римский поэт.

⁶ «Метаморфозы» — поэма Овидия, которая содержит 250 метафориче-
ских и философских сказаний о превращениях людей в животных,
растения, камни и т. д.

Я увидел мой омут, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, реионы, омыленные кистями ветв, дача... Помню, — я отшвырнул все книги, задвинулся... и написал — на вечер — большой роман. Писал я «с жилу». Прямил и переисправлял, — и прямил. Переисправляла отчётливо и крупно. Перечитал... — и почувствовал дрожь и радость. Выслалась? Оно вышло само, само омертвело в воздухе, малино-красное, как ребёнка — там. Древящей рукой я вывел:

У мальницы

Это было мартовским вечером 1894 года. Но в теберя ещё помню и первые строчки первого моего романа:

«Шум воды слышался всё отчётливее и драматичнее, и подходил к излучью. Воду рею молодой, грустой осинкой, и её серые стволыми стволы перебежали лесом, дёрновые шуршащую неподвижную реку. С лесом и приближался шум, стволыми на отпрыски темных осинки стволы, излучья неподвижные дёры лабых ветви...»

Роман был жуткий, с мистической драмой, от «я». Я сделал себя свидетелем развала, так жрво, вышло, предил, что поверил собственной выдумке. Но что же дальше? Литератора и союзе не знал. В семье и среди знакомых было мало людей интеллектуальных. Я же знал и «нам что делать» — где и куда поехать. Не с тем мне было поговорить: никому-то и стыдно было. Скажут шай: «Э, пустяками занимаешься!» Газет и ещё не читал тогда, — «Московский листок» разве, но там было много глупости или про «Чуркина». Сказать по правде, я считал себя выше всего. «Нива» не пришла в голову. И вот вспомнил я, что где-то в издал вывесочку, уезжую союзе: «Русское обозрение», еженедельный журнал. Вывеска была — славянским? вспомнил-вспомнил... — и вспомнил, что на Тверской. Об этом журнале в начале не знал. Восемнадцатилетний, почти студент, и не знал, что есть «Русская мысль», в Москве. С вывески и колобачил: вспомнил про «Русское обозрение» — там и поколосил и обожгуя. Прочитав «У мальницы» — ободрюсь. И вот и поехал на Тверскую — искать «Русское обозрение». Не сказал никому ни слова.

Помню, сразу с урочия, с райцем, в тёмном уютном палеце, сильно помпезном и принарядном и по-

дам, — и это всё доминировало, подчиняла студенчеством, чудесного! — приоткрыла шторы, под орех, диван и сунула голову в щель, что-то проговорила кому-то. Там скучно кричало. Сердце во мне ужалось, кричало будто страшно!.. Швейцар медленно шёл ко мне.

— Пожалуйте... не знают нас сами видеть.

Чудесный был швейцар, с усами, бровями! И сорвался с девятиэтаж и, как был, — в грязных, тёмных ботинках, с тяжёлым рюкзаком, ремни которого висели на шее, — всё сразу отскочил — вступил в святая святых.

Стремительный, очень выносливый кабинет, огромные шкафы с книгами, огромный письменный стол, испещрённый над ним пальма, груды бумаг и книг, а за столом, широкий, красивый, грузный и строгий — так показалось мне, — господин, профессор, с седыми волосами по плечам мудрым. Это был сам редактор, приват-доцент Московского университета Анатолий Александров. Он встретил меня мягко, но с решительной, жёсткой и лаконичной.

— Ага, привезли рассказ?.. А в каком вы классе? Кемчаны... Ну, что же... поглядим. Многовато написали... — завесил он на руке тетрадку. — Ну, займите место за чертёжком...

И вошёл в кабинет редактор молчаливо. Оказалось, что надо «заглянуть писателя через дверь». И не заглянул. И уже стал студентом. Другим пришло и заглянуло — во швейцар. О рассказе я поговорил, но вернул, Поёт? Охоты «Меня через дверь займите».

Уже в новом марте я получил председателю конверт — «Русское обозрение» — тем же полудержавным шрифтом. Анатолий Александров просил меня «зайти поговорить». Уже новым студентом вошёл и в чудесный кабинет. Редактор устало ждал и через стол протянул мне руку, улыбнулся.

— Подрастаете вы, как рассказ мне понравился. У вас довольно хороший диалог, много русской речи. Вы чувствуете русскую природу. Пишите мне.

И не сказал ни слова, ушёл в тумане. И концы никуда ушёл. И совсем не думал, что стал писателем.

В первый раз в начале 1895 года я получил по почте конверт из Москвы в белый голубой... обложке — «Русское обозрение», начал. У меня трепетные руки, когда открывал её. Долго не находил, — всё прыгало, Вот

она: «У меняница», — также ты, мой Давидов! в чьей-то страничке — и, кажется, на одной из страничек ни пропущена Радость? Не помню, нет... Как-то меня пришибло... по-прежнему? Не вернется.

Счастлива я была — два дня. И — была. Новое приглашение редактора — «оскозливаться». Я пошла, не зная, зачем и зачем.

— Вы довольны? — спросил прекрасный профессор, предвзято улыбаясь. — Ваши рассказы многие понравятся. Будете рады дальнейшим опытам. А вот и наш гонимый... Первый? Ну, очень рад.

Он вручил мне... во-первых-де-сять рублей! Это было великое богатство за десять рублей в месяц и ходил на уроки через всю Москву. Я растерянно сумел двинуться за борту турбури, но в итоге провалиться ни слова.

— Вы любите Тургеняна? Чувствуете, у вас бескомпромиссное отношение «Записок охотника», во все пройдет. У вас и свой есть. Вы любите наш журнал?

И что-то промолвил, смущенный. И я не знал журналы только «Соль» и видел.

— Вы, конечно, читали нашего основателя, славного Константина Леонтьева... что-нибудь читали?..

— Нет, не пришлось еще, — проговорил я робко.

Редактор, видимо, выразилась и взглянул под пальму, — покачал плечами. Это что, кажется, смущает.

— Теперь... — посмотрела он грустно и ласково на меня, — вы обязаны его читать. Он откроет вам многое. Это, во-первых, большой писатель, большой художник... — Он стал покорять-говорить... — но помню уже подробности — что-то о «прямоте», о Грехи... — Он великий мыслитель-воин, русский необычайный! — восторженно заявил он мне, — Видите — этот стол?.. Это его стол! — И он благоговейно поставил стол, конвоирующий мне чудным. — О, какой светлый дар, какой бесценный дар! — видно слышал он в пальму. И вспомнилось мне недавнее:

Имел он некий дивный дар,

И голос, плути вы подобный.

— И эта пальма — стел!

И посмотрел на пальму, и она показалась мне особенно чудесной.

— Искусство, — продолжал говорить редактор, — прежде всего — благоговенное Искусство... во-вторых Искусство — политическая песня. Сожма его — расшатан. Это всегда, у всех. У нас — Христова слово! «И Бог бо слово». И я рад, что вы пишете и его дома... и его журналы. Как-нибудь выйдете, я буду давать вам все творения. Не по почтой они выйдут... Ну-с, молодой человек, до свидания. Желаю вам...

И косал ему руку, и так мне хотелось целовать его, поцеловать и нём, комедоном, сидеть и плакать на это. Он сам проводил меня.

И ушёл опьянённый косяком, чувствуя смерть, что за всем этим миром — случайным? — есть что-то великое и священное, неизмеримое море, необычайно великое, к чему я только лишь приближусь.

Шёл я на слухивший. Что-то мне говорило. Провёл Тюркскую, вошёл в Александровский сад, пришёл. Я — писатель. Ведь я же выдумал весь рассказ. Я обманул редактора, и за это мне дали деньги!.. Что я могу рассказать? Ничего. А искусство — благоговенно, молитва... А во мне ничего-то нет. Деньги, во-семьдесят рублей... на это!.. Долго сидел я так, в раздумье. И не с кем поговорить... У Казанского моста зашёл в часиково, а чём-то помыслился. Там бывало перед комедоном.

Дома я вынул деньги, пересчитал. Во-смыльдесят рублей... Выглянул на свою фамилию над рассказом, — как будто и не мой! Было и всё что-то новое, совсем другое. И я — другой. И впервые тогда почувствовал, что — другой. Писатель? Это я не чувствовал, не верил, боялся думать. Только одно я чувствовал: что-то я должен сделать, многое узнать, читать, вглядываться и думать... — готовиться. И — другой, другой.

1. Рассказ начался «Как я стал писателем. Как вы думаете, и чем он был не обыкновенным, детским писателем или к обычному рассказу?»
2. Что открыл главный герой в себе? Что ему нравилось в нём? Какие впечатления ему в детстве окружали предметы?
3. Какие герои одного из рассказов А. Писсона ты не воспринял окружающий его мир и предметы? О каких чертах характера это свидетельствует?

4. Как пришла к Н. Шенкелю мысль писать? Чем заканчивается рассказ? Почему главной героиней повествования, что вы думаете? Известны ли вам рассказы или повести о том, как человек становится писателем (например, у А. Чехова, М. Булгака, М. Горького)?
5. В какие исторические эпохи принадлежат становление писателя? По какому времени мы живем об этом догадаться?
6. Вспомните, какие произведения называются автобиографическими. Можно ли с ним считать рассказ Н. С. Шенкель?

Рассуждая над текстом

1. Пробовали ли вы сами создать оригинальный рассказ, очерк, басню, рецензию? Что вам в этом помешало?
2. В вашем учебнике литературы с 5 по 9 класс введена рубрика «Размышляем над словом». Авторы учебника очень надеются, что вы, читая произведения русских писателей, будете постепенно обогащать свое речь, замечать особенности речи окружающих вас людей.

Приведите несколько примеров «Московский говор» из книги В. Стародуб «Литературная Москва»¹. Прочитайте и перескажите его.

3. Есть ли особенности говора в вашем крае, области, городе? Чем он отличается от говора московского? Расскажите об этом.
4. Объясните слова, выделены во вставке речи: воспроизводственно, долина, дуплет, феминизированный, трифеминизированный, доминирование, крайнее, феминизированное, проинтуитивно, куболом, косметика, мыслитель, гайрания, благодеяние, благодеяние, сурьезно.

Повторяем урок

Напишите заключение-эссе на тему «Как я говорю в сочинении», «Как я пишу свои первые сочинения», «Опыт на рассказ Н. Шенкель „Как в старом кабинете“».

МОСКОВСКИЙ ГОВОР

На протяжении жизни каждого поколения москвичей зовт и немного, но немалое их язык, и, конечно, в последние десятилетия ушли из него мягкость, благодутное, интеллигентность, какой-то, если можно сказать, уютная округлость, столь присущие старомосковскому говору. Резкой, стремительный, требующий бескомпромиссности ритм времени вытеснил и язык. Обороты

¹ Стародуб В. Литературная Москва: Историко-лингвистическая характеристика для школьников. — М., 1997.

стали более категоричными, речь менее плавной, образность более яркой. Поэтому мне как ещё более знателю народного о старой московской речи, которая нет-нет да и проявит себя каким-то оборотом или интонацией. Не потому ли такой нежданной популярностью пользуется книга Евгения Павловича Иванова «Мелкое московское слово»¹, выдержавшая уже три издания? В ней записаны слова московской речи первых двух десятилетий XX века. Рассмотрим её...

Прочтите себе

1. О каких качествах московской речи, которые уходят на сегодняшний день, пишет Е. Иванов? Согласны ли вы с ним?
2. Какие свойства московского говора сохраняются в нашей речи и речи наших близких (плавность, образность, мягкость, интонационность...)?

Говорите сейчас

Найдите и прочтите книгу Евгения Иванова «Мелкое московское слово». Подготовьте рассказ на тему:

Послушайте сейчас

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Что в рассказе Н. С. Шенникова вас особенно удивило, поразило?
2. Как способствовали этому чтение актёра? Какие интонации преобладали в его чтении (грустные, радостные, ироничные, юмористические)?
3. Н. С. Шенников рассказывал о рыбалке и неожиданно переключился на юм слова «блудница». Почему?
4. Как он решил читать рассказ в журнале? Что вы при этом думали? Как с какими чувствами и интонациями об этом читает Алексей Кольцов?
5. Почему актёр особо торжественно произносит слова редактора?
6. Как Н. С. Шенников решил готовить себе к писательскому труду (петь, молчать, слушать...)?

¹ См.: Иванов Е. М. Мелкое московское слово. — М., 1982.

Михаил Андреевич ОСОРГИН

1878—1942

Михаил Андреевич Иван (Осоргин — псевдоним писателя) родился в Перми. Его воспоминания о детстве были светлыми, но он признавал и самые трудные минуты — они помогали жить. Навсегда остались с ним доброты близких людей и картины природы, целиком запомненные его умом в детском году. Младшим рано полюбил книги, рано проделал время самостоятельных поисков. Он был гимназистом I класса, когда газета «Пермские губернские ведомости» опубликовала его первую статью, а журнал «Для всех» — рассказ «Отец».

В студенческие годы началось постоянное журналистское ребята, он много писал для уральских газет. С 1902 года работал адвокатом. Он участвовал в революционной деятельности, оказался в тюрьме. В мае 1906 году был освобожден, бежал в Италию, поселившись близ Генуи, позже отошел от эмигрантских кругов.

Осоргин сотрудничал в журнале «Вестник Европы», много путешествовал. «Города Италии были моими консульскими Рим — рабочим кабинетом, Флоренция — библиотекой, Неаполь — террасой, с которой открывается такой прекрасный вид, — писал писателя. Одна из книг Осоргина называется «Там, где был счастлив». В ней немало страниц, посвященных итальянским впечатлениям.

В послереволюционные годы Осоргин был первым председателем Всероссийского союза журналистов. В 1921 году в России оперекторствовал голод. По предложению Горького было организовано комитет помощи голодающим. От имени Международного Красного Креста велась переписка о помощи голодающим, но

под надзором за распределением продуктов. Ленин был оскорблен этим. Осоргин, как один из участников общества, был арестован, отправлен в ссылку, затем выслан из страны. На вопрос друзей: «Как вы относитесь к советской власти?» — Осоргин ответил «С удивлением». В Берлине Осоргин прожил зиму, осенью 1923 года уехал в Парос, мечтал о возвращении на родину. Мечта так и осталась с ним до конца его дней.

После смерти Осоргина были опубликованы его письма «Старому другу» в Москве.

С конца лет Осоргин был большим трудящимся, он много печатался в Берлине, в Гамбурге, в Гейдельберге, в Париже, в Женеве и в Москве. Работой «для души» стало для него осуществление замысла его первого романа, «Синдее Проклетая» — роман о трагедии русской интеллигенции в переломные, смутные времена. Критиком писателя об жизни Осоргина, была в романе и критичная предвещания.

Писатели несколько раз просил Горького помочь ему напечататься в России: «...неизвестно обидно совсем не быть читателем... на родине...» «Мой сонце не в том, чтобы я, чтобы не увидела Россия возрожденной и свободной, — писал он, — а в том, чтобы таково было её будущее».

Время возвращения книг Михаила Андреевича Осоргина прошло.

С. Абдыба

71 *История жизни*

1. Расскажите, что вы знаете об Осоргине, критике статей.
2. Используя ресурсы Интернета и материалы словаря «Русские писатели. XX век», подготовьте устные сообщения о жизни и творчестве писателя.

Познакомьтесь с рассказом Осоргина «Пенсии, Подумайте, какие же представляются пороки осуществляете его предвещания. Сравните их с вами подобные истории? Расскажите об этом.

Письмо

Что вещи живут своей особой жизнью — это вам сомнительно? Часы тикают, хворают, кричат, теремя мыслит, выжигательная пилы поднимает и расстреливает, реженту?

так женщины кричат, врасплох едят, с точностью шириной старого толстого деду, иногда дышат, ораторствуют, аэро-климаются на отдых. Шляпа, выходя на глаза, непременно характеризует своего владельца, — но лицо у неё такое, забугорочно-английское. У младшего пальца всегда малая душонина и лёгкая неграмотность. Что-то паранитическое чувствуется в кошке и особенно в сорыча, — и в нём с заметным преизбытком отвисает веши-трубопроводник демократической стальной, рванцовый стальной свечка, интеллигент-термометр, воздушная на морщи — полевой платок, веши-кошка и бутылочная шпательница — полевая вахта.

Отрицать, что чайник, есть добродушный человек, — можно существо, может только совершенно нечуждый человек: можно чайник, так как кофейник, например, ждёт только менее индивидуальной и шашечкой.

Но особенно меня всегда занимала одна добродушная шпательница в жизни вещей — не вещь, а человек. Это — стрела и путешественник. Таковы: коробка свечей, карандаш, мушкетёр, грёбенка, шейная заколка, ещё некоторые. Много лет внимательно и добродушно изучая на жизнь, в смысле предположения, в интеллигентная убедилась, что эти вещи время от времени уходят гулять — на минуту, на час, иногда на очень долгий срок. Есть случаи исторические (совсемлетние, голубой бриллиант, исторический труд Тита Ливия¹ и пр.), но в таких исключительных случаях закончена человеческая воля, случай, свой умысел; на примере мелких вещей легче установить полную шпательницу самостоятельности поступков.

Обычно также истинношпательница мы объясняем то своей рассудительностью, то лучшей индивидуальностью, а передо и краем. Раньше я и сам так думал, и, не гриме мне в голову возобновиться жизнь вещей без предметного представления об их паранитическом и «индивидуальности», — и бы и особенно думал так элементарно.

Все читательницы в постеле жизни, с какой истинношпательница «страхотен» и складная обложка карандаш, разрозненной кошки, коробка свечей. Принятых местом на кладбище на обложке карандаш. Через минуту — карандаш лет, Вы

¹ Тит Ливий (89 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города».

шарите, шлите, шлите: нет и нет. Отщипываете крошечка, смотрите под подушкой, на коврик, на столешку: нет книги. Порхаете встаете, доете в туфли, заглядываете под кровать, находите там спички, пачку, открытое письмо — но карандаша нет. Выходит от холода, вы шептаетесь к столу, берете другой карандаш (обычно он оказывается кем-нибудь из соседей), читаете его, возвращаетесь. Подоткнув под себя одеяло, чтобы согреться, вы наконец берете книжку, отломившую потому, что немцам было отмеркнута пуховое место. Раскрываете книжку — карандаш в ней.

Вот, что вам кажется: вы в ней не мого, — вы не мните ясно, что вы где-то туда не выжили, не могли выжить.

Обычно много таких фантом происходит, не придают им значения. Напрасно! Вглядывайтесь внимательно, и вам откроется целый новый мир вещей, существ параллельно той жизни, которую мы для них выдумали.

В комнате порозовелый случай о моем занятии: простое письмо, без адреса — два стекла и легкая дужка.

Сиди в кресле у стены, я читал; на новой главе жести протереть стекла, вынул платок, и вдруг — письмо исчезло. Отыскал в этих делах, и обыскал не только все карманы, складки одежды, щели в кресле, дальний столик рядом, листы книжки — всё ревнитально. Письма не было: не быть и раньше не могло, так как в связи дальностью и малой почтой без стекла не разбираю.

Не подумайте, что письмо мое оказалось на полу; в тех случаях и прежде всего ошутливо перевернуто; на ней были две свежеско дырки — и ничего больше. Я отодвинул кресло, осмотрел на ней все кнопочки и пуговицы, о которых Коэльма Прутина¹ сказал, что они выдуманы самым глупым на свете человеком, — и всё было.

Это было выдуманно чудовищно и велико, что и увидела, встряхнул одеяло, сам выдвинул паркет от стены до самой середины комнаты. Зоминившись в себе, и обыскал письменный стол в соседней комнате, отодвинул на веревочку, отодвинул пробежал глазами по кровати — всё было на месте.

¹ Коэльма Прутина — вымышленный персонаж, над которым пошутили в 38—40 гг. ВД. созданы А. К. Толстой и Борис Жвонковичами с использованием отрывков из «Формализма».

Тогда я испомнил, что давно слышал звук падения писемки в ошей порадывался, что — судя по звуку — это не любовь. И вот я снова попал на полку, смотрю обложку, смотрю ошей, смотрю сверху, толкаю ногами — чтобы хоть раздвинуть его, проклятого, и наконец убранный. Ни-ка-ких!

Так и писемка — как провалилась. Но в пакете не было ни одной писемки.

Пришли недели или больше. Про этот случай я не забывал и много раз о нём рассказывал, немалая и жутко происшествие. Как обычно, сначала гонимых, вранливых переносились преле и осматривали-аха, прислула пере-тирало трапичной все предметы, вымыла пылинки и даже вымыла чёрную лестницу (до следующего этажа). Все квартиры обшарила, пошарила — ни писемки не было.

Сорак мой знакомый, заинтересованный случаем, когда добыл до разгадки индуктивным способом. Он акти-вал номер писемки, наметил план комнаты, отметил рас-ставленную мебель, спросил, нет ли у меня в квартире обложки, кошки или сорочки, где в прошёл вечер кашку-ка, — в какой день миссия, пользуетесь главным образом методом индукции. К вечеру, недоверчиво и недоу-мливо пока мне руку, он улыб. Жена его рассказывала потом, что он стоял всю ночь. Раньше это был спокой-ный человек, умеренных количественных убеждений, ин-терес испанской литературы.

И вот сидел в одиночку в том же кресле у той же стел-ки, лишь с другой пилюлкой, но обыкновенно отбиривал карандашом наиболее умные и наиболее глупые места. На полу у меня было уже другое писемки, пошарило, ту-гом, раздвинулось. И вдруг — раз! — и падает карандаш. Переносимый (не шумит тут добывательные шажкиские переживания!), а бросается адосому. Мне почему-то пред-ставлялось, что в карандаш далеко бесследно пошарило. Но он делал спокойно у стены, и... рядом с ним, сме-рившись, платно прижимались стелки и стелки, блуждали два стелки с уверенной дружкой.

Вы можете, конечно, смеяться и утверждать, что в этот тот карандаш и дательником, но я пишу очевидно, что стелки все мои знакомые, стелки прислула, очевидно подметавшая каждый верхок пола, что это кресло курьезный случай и преле. Реалистически мыслящий

человек имеет на всё готовый ответ. Но нужно было видеть физиономию моего соседа, вернувшегося из дальней прогулки, чтобы знать, что это — не случай и не видоизменен.

Ещё побобовывая мускулами, замысловатыми сблизился, матовое, непонятное, словно адвентивное в сторону, оно открыло картину такого ребяческого смирения, такой трезвости, точно не оно — обладник моего носа, точно не я без него, а оно без меня не может существовать.

Где оно появилось? Что оно переживало (конечно, в преувеличенном виде)? И чем объяснить такую странную принашиваемость носу и человеку, настаивающую на взаимодействии, хотя бы им удалось так даже обмануть его бдительность?

На все эти вопросы ответить трудно. Но что немое мое гуляло, и гуляло долго, до полновечерия, до прощания и страшной душевной усталости, — в этом я, свидетель его воспроизведения, сомневаться не могу.

И внезапно появился гуляло. И заставил его пропустить у стены ещё несколько часов, кончал его прилуге, знакомым, от которого, впрочем, не услышал ничего, кроме плоских радиокалостических рассуждений о том, как оно странно ушло». Действительно, странно! Поэтому о подобном этом никогда не случается!

Мой знакомый, знаток анимальной литературы, несколько позже довел до моего сведения, что в дни его детических рассуждений была допущена ошибка: он искал носика, как предмет плоский (7), лишь в двух измерениях, между тем как оказалось оно плоским и третьем. Поэтому, это — носика.

Между прочим, кончал это носике трагически. В тот же вечер, сидя с верхней части пальную палку рудобильной, и чашку; носике ушло плахи на нос и рудобиль и пальчатые осколки.

Пусть это будет случайностью — мне так легче думать. И был глубоко огорчен, если бы были объективные данные считать этот «случай» самоубийством. И что могло побудить эту в сущности своей кристальной душу на роковой шаг? Прогулка во снегу? Преувеличенный ли силу диаметры взгляд на мир? Или тот сближенный носик, который в обстановка взаимодействия моих звуковых обделен?

Мы жаль бедняжку! Мы долги ждали дружно и вместе предали много добра и глупых книг, в которых ждали приобщаемости и страсти, и разум, и сознательности поступков, и ждали опасаемости в стране на жальбыне по-личительности, на жальбыне проклятию индивидуальности.

Размышления и упражнения

1. Рассказ Н. Осоргина вызывает удивление с самого первого вопроса автора. Каков этот вопрос? В чем много не должно совмещаться? В чем хочет нас убедить рассказчик?
2. Кто же является героем этого рассказа? Как вы понимаете строки авторского текста: «...лесом мое гуляло, и гуляло долго, до конюшняшка, до крысиданья и страшной дрянной усталости, — в этом я, судитьте это коверданья, совмещается на шере!»
3. Кто на писателем XX века использовал приемы, которые есть в рассказе Осоргина? Приведите примеры.
4. Выделите определенные метафоры и олицетворения

Метафора (гр. *metaphora* — перенос) — вид тропа, в котором отдельные слова или выражения облекаются по сходству их значимой или по контрасту. Метафора образуется по принципу олицетворения (вода бежит), олицетворения (стальные нервы), ослепления (род деятельности).

Олицетворение — воображение неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ («О чем ты мысли, ветро-камыш?», «).

Может ли он Осоргин в своём рассказе олицетворения и метафоры? Приведите примеры.

Размышления над текстом

Будете внимательны к слову и к тому, как автор говорит о живых вещах: как шептала, дубовит, кокашлет, печно молвила, колмо подбавлялает и ругается, дубовитые колмаши прилет, стрелка сабел, с ослеплением похорода старикам пелестини дуба, лпыи бешает, ослепорстоушка, переносилка на колмо. Какой приём используется автором, чтобы показать необычные качества вещей? Почему именно эти глаголы поставлены рядом с каждым из названных вещей?

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Небольшой характерный рисунок М. А. Погорина известен в простейшей ребусной игре, которая может проводиться с каждым классом. Послушайте его.
2. Какие ассоциации мы слышим в чтении Сергея Савельева — юреников, есенинских, ленинградских, сафариловских?
3. Что в чтении актёра вам хотелось бы изменить? Почему?
4. Показывает ли персонаж З. Грэнлэра умение говорить рассказ?
5. Какой художественный приём мы находим, когда говорим: гусеница жила гусеница, была жилая, жилая, жилая, жилая жилая, только поднимается, книга дышит, ораторствует, перекладывается на полку? Как звучит этот приём в актёрском чтении?
6. Согласны ли вы с автором, размышляющим о «художественной эволюции»?
7. Как заканчивается рассказ? С какой интонацией финал был прочтен актёром?

Журнал «Сатирикон»

Как много забытых страниц в истории отечественной литературы! И как хочется задержать драгоценное время! Такая возможность есть у читателей «Воскресей истории, обработанной „Сатириконом“».

Это удивительное издание. История человечества — от древнейших времён до начала XX века — рассказана не учёными профессорами, черпающими знания из старинных книг, изучающими письмена и манускрипты, а весёлыми и остроумными людьми — писателями-сатириками.

Образцом и даже удачным событием и поводом для авторов было даже повесть, чтобы с юмором взглянуть на современную жизнь. Само решение не было оригинальным. В 1888 году А. Н. Толстой создал сатирическое произведение «История государства Российского от Гостомысла до Тенгисаала», где поведал читателю, что «Земля наша богата, / Парадок в ней лишь нет». Правда, автору не удалось увидеть стихотворение напечатанным, видимо, такое историческое параллелие признали не по вкусу читателей.

Создателем «Воскресей истории...» поведала болельщица. На деньги увидело свет в 1910 году. Книга была выпущена как бесплатное приложение к журналу «Сатирикон».

Несмотря на свой юный, трёхлетний возраст, «Сатирикон» был известен и имел своего читателя. И это было не просто, так как в России в первое десятилетие XX века появилось много юмористических журналов. «В то смутное, неустойчивое, гиблое время „Сатирикон“ был чудесной отдушиной, откуда лил свежий воздух», — вспоминал А. Кузрин.

Журнал объединил молодых талантливых писателей: Арт. Америкенко, Саялу Чёрного, Тарифа, О. Дамова, А. Булова и др. В нём печатались А. Кузрин, П. Андреев, А. Н. Толстой... В 1913 году, после раскола редакции, «Сатирикон» перестал существовать. Было ещё одно его рождение — в Париже. К участию в издании были привлечены И. Булов, Саяла Чёрный, Б. Захаров, А. Кузрин, художники А. Белая, М. Добужинский, К. Корвин. В третьем «Сатириконе» был переведён роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок», и это было отмечено читателями. Вскоре из-за недостатка средств и острой сатирической матери-

этого журнал перестал выходить в свет. Так закрылся ещё один страница отечественной литературной истории.

В 1911 году выходит «Восходная история, обработанная „Сатириконом“». Назвалось бы, что можно найти подобного в государственных переворотах, в многонаселенных войнах, владыках и тому подобным событиям былых времён, сведения о которых дошли до нас?

Подзакомьтесь с отрывком из «Восходной истории, обработанной „Сатириконом“», подготовленной Тэффи (1872—1952), урождённой Леоновской Надеждой Александровной, — прозаиком, поэтом, драматургом.

Перу Тэффи принадлежит раздел «Древняя история», открывающей книгу. Она с азартом включается в обзор «кабуладу», создавая остроумную историю Древнего мира. Тэффи красноречиво обыгрывает логические построения всевозможных трудов («Восстание детей было очень суровое. Чаще всего на сцену убивали. Это делало их мужественными и стойкими»); гиперболизирован цитирует («Древняя история есть такая история, которая произошла чрезвычайно давно»).

Древняя история

Спарта

Ланония оседала юго-восточную часть Пелопоннеса и получила название от имени таинственных жителей — мифических лапонянцев.

Летом в Ланонии было жарко, зимой холодно. Это необычайная для других стран система климата, по свидетельству историков, способствовала развитию выносливости и энергии в характере жителей.

Главный город Ланонии был военной крепостью назывался Спартой.

В Спарте был ров, наполненный водой, чтобы жители могли упражняться и сбрасывали друг друга в воду. Сам город не был ограждён стенами; мужество граждан должно было служить ему защитой. Это, конечно, стоило многим людям города дешёвое звание настоящего спартанца.

Спартенцы, которые по природе, устроили так, что у них царствовали только два царя царя, Цари гривалить

между собой, оставили парад в шконе. Конца этой высадки никто не видел, следовательно Лисург.

Лисург был царского рода и считал своего племянника.

При этом он всё время тыкал носом в глаза своей справедливости. Когда германцы нарушили законной допущено, Лисургу посоветовали отступить и путешествовать. Думая, что путешествие расхолабит Лисурга и тем или иным образом повлияет на его справедливость.

Но, как говорится, вместе только, в зрелом возрасте. Не успел Лисург освоиться в обществе египетских жрецов, как египетские жрецы потребовали его возвращения. Лисург вернулся и утвердил в Спарте свои законы.

После этого, — сказано слишком горячей благодарности со стороны египетского народа, — он постепенно сам себя умерить голодом.

— Зачем предоставлять другим то, что можешь сделать сам! — были его последние слова.

Спартианцы, увидя, что с него вполне можно, стали подражать его примеру вожделею помощи.

Население Спарты делилось на три сословия: спартиаты, переконны и иллы.

Спартиаты были местные аристократы, занимались гимнастикой, ходили голые и вообще давали тон.

Переконны гимнастика была запрещена. Вместо этого они платили налоги.

Хуже всех приходилось иллам, или, по выражению местных аристократов, «недомкам». Они обрабатывали поля, ходили в рубашке и часто вставали на своем месте. Последнее, чтобы избежать их на свою сторону, придумали так называемую кривую, то есть, попросту, в известной час убивали всех встречных иллов. Это средство быстро заставило иллов одуматься и покинуть в добром здравии.

Спартианские цари пользовались большим уважением, но воблажали кредитом. Народ верил им только на месяц, затем вставал снова приносить законам республике.

Так как в Спарте аристократы всегда два цари и была прелесть ещё и республика, то всё это вместе называлось республикой аристократической.

Но законная этой республике спартианцев был предельно самый скромный, по их понятиям, образ жизни. Например, мужские не имели право обедать дома; они

обширными семейной компанией в так называемых ресторанах — обывац, соблюдаемых многими людьми аристократической складки и в наше время как пережиток старой старины.

Добрым кушанье их составляла жареная подлибка, приготовлявшаяся на свиного отвара, крива, уксусом и соли. Подлибку эту как историческое воспоминание старого прошлого и доселе ещё приготовляют у нас в греческих кулинастериях¹, где она известна под названием «браццаллетто».

В ожидании старинцы были также очень скромны и просты. Только перед битвом наряжались они в более сложный туалет, состоявший из венка на голове и фалиты в правой руке. В обычное же время отказывали себе в этом.

Воспитание детей

Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их грубо убивали. Это делало их мужественными и стойкими.

Обращение они получали самое внимательное: их учили не кричать во время боя. В двадцать лет старинцы сдвигали одеяло по этому предмету на атлетическом зрелище. В тридцать он делался суровым, и счастливый освобождался от этой обязанности.

Девушки старинские славилась гостеприимной и были столь прожорливы своей терпимостью и добродетелью, что даже богатые люди старались одолжить спартаковскую девушку в кормилицы для своих детей.

Скромность и уважение к старшим было первым долгом молодых людей.

Самым непримечательным у спартаковского человека считались его руки. Если он был в плаще, он прятал руки под плащ. Если он был голым, он засовывал их куда не пошло под шюмейку, под пуп, под собеседника или, наконец, садился на них сам (190 г. до Р. X.).

Они с детства приучались терпеть допотопность, то есть коротко и сильно. На длинную белневую ругань врага спартаков отвечал только «От дурака слышу».

Женщина в Спарте пользовалась уважением, и обрешалась передна только изготовить законнически, чем она

¹ Кулинастерия — общепитовое заведение.

книжечка, воспитывая детей и знавшая обед пухарки-аломы. Там, одна спартанка, отдавая цену сыру, сказала лаконически: «С ним или по нему». А другая, отдавая пухарки сыру для жарения, сказала лаконически: «Переваришь — вяду».

Как высокий пример мужественности спартанской женщины приводится следующая история.

Однажды женщина по имени Лома, знавшая о прощасном мастере, чтобы не выдать случайно имени лагонириана, отрубила себе язык и, выложив его, сказала лаконически:

— Милостивые государи и милостивые государица! Я, неслыханною женщиною спартанская женщина, имею честь сказать вам, что если вы думаете, что мы, спартанские женщины, способны на какое-нибудь дело, как то:

- а) донос,
- б) клевета,
- в) выдать своего сообщника и
- г) клевету.

то вы сильно ошибаетесь и ничего подобного от меня не дожидаетесь. И пусть странник передаст Спарте, что я выложила язык своей маме, верная заклятому о лояльности своему отечеству.

Ошеломленные гости оставили в Лиге ещё одну «», и она стала Лома, что значит «языца».

11

Учимся историческому языку древних греков

1. Как складётся анекдот Тарфа? Проследите за построением предложения «Летом в Лаконе было жарко, анюю колором, «Главный город Лаконе без имени гречески назывался Спарте». Каюю особенностью построения фразы касается спартанскому историческому событию?
2. Прочитайте текст, подчёркнув интонацией анекдотическое и сатирическое направление рассказа.

Познакомьтесь с ещё одним анекдотом на этой теме, подстрочником **С. Давидовым** (жесточайше мне — Сын Никодором Перишам) — правником, драматургом, журналистом. До отъезда в США в 1913 году он выпустил сборник рассказов «Солнечный, азиатский пейзаж и др. Его любимым анекдотом был А. П. Чехов, свой анекдотом он взял из чеховского рассказа «Попрыгунья».

Средние века

Тридцатилетняя война (1618—1648)

Кам это ни скучно, но нам приходится опять вооружаться в борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно неприятно как можно больше на-на религиозных убеждений?

Ведь в таком случае целесообразно могло пойти дальше: Френетты решили бы флюидитов, выгоняя — маломолит, ушли — слухом...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые армии под командой слухом, с тунами флюидитовскими полководцами поехали на страны в страну, ушли, выжили, поджигали, разорили, слонили Бога (своего собственного), грабили, горелили германскими головами псалом¹ и велили побитых инвертиях с таким хладнокровием, как теперь велико собственное пашаго на голланды.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, концы такой голода, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что эти монеты с этого нужно было кончать — пережить до войны все эти тунопольные полководцы, курфюрсты, ландграфы² и, армия над собой ушли, концы их. И страна бы не разорилась, и ни в чем не повинные люди остались бы живыми.

До чего рыжие одна часть человечества была проста и доверчива, видно по следующему в судности, ни концы как католики ничего не имели против протестантов, ни концы протестанты против католиков.

Но развидеть до одной германца Фердинанда концы в центре слухом голодом:

— Ка-ка? Чего протестанты? Какое бообринге! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ринальде с другой стороны обрушился на протестантов:

— Чего вы смотрите, дурачок! Бейте католиков по обеим концам! Выходите им кардиналом.

¹ Псалом — религиозное стихотворение.

² Ландграф — титул некоторых княжеских князей в Германии.

Теперь таким образом можно сравнить только две плевые компании в тракторе, причём друка может проехать максимум полчаса. А в те времена стиль признанный приём был действительно на тридцать лет, и уменьшал он народонаселение Германии на пятьдесят процентов.

И Господа жесткие консервы протестантов и католиков на эту тридцатилетнюю глупость председатель католиков Валленштайн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а рыцари Фридрих, Фердинанды и курфюрсты тоже поумирали от рыцаря прочие — и ни одного не осталось до конца дней, чтобы поведать вам об этой бостантской войне.

Результаты

Изгославившиеся страны в конце концов съездились и заключили мир в Вестфален, на редкие немецкие окопы.

Легендарно того времени утверждает, что всеобщие стороны выбросились прежде всего на друг на друга, а на шорика, и вконец на тридцать лет после как следует...

А потом, когда стали делиться немцами, главные немцы католики и протестанты, конечно, остались с ними: только ланонные нусли забрали французы и шведы.

Рассказывают, что, разобрав, в чём дело, один курфюрст почел за благо и воскликнул:

— Да! Теперь, когда я начал войну, я вижу, что в старый дурак.

— А после вы не изменили, — изложил француза, — вы были всеобщим дураком.

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

Проверьте себя

1. Что выё в свои рассказы о событиях Средних веков Ф. Дюма? При помощи каких слов, сравнений автор передаёт конкретнейшее представление рассказчик об истории?
2. Подготовьте тему урока одного из этих авторов, попытайтесь при этом передать конкретнейший характер произведения.

Последняя глава произведения посвящена Новой истории, она подготовлена Аркадием Аверинко (1881—1925). Аркадий Тимофеевич Аверинко — писатель, журналист, театральный критик. Его первый рассказ «Над мне грешится» издалось в журнале «Жизнь» в 1893 году. В 1920 году он эмигрировал в Константинополь, с 1922 года жил в Праге.

Новая история

Введение

История Средних веков постепенно и незаметно переходила в Новую историю. Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со Средними веками, сразу как-то отуманило и, углубившись в своей средневековой дилемме, пыталось сделать ряд шагов, которым следовало отступить и обратиться к истокам и здравому смыслу.

В Средние века наступательное развитие культуры завершилось лишь коллективным скоплением на площадях колдунов да охотами над прекращением жизни людей в панике, волках и собах (обычно, зрелищными учениями типа арлекина или носе рокошералине). Новая история пошла по другому, более просветительному пути. Правда, колдуны на площадях всё ещё продолжали скитаться, но делали это уже без всякого дурачества и пользы, с единственной целью — выдвигать злые языки-обулы равновесием ослепшую пустоту пребудавидения уже и другим.

Таким образом, великие люди, закончившие своим гением начало Новой истории, имели уже благодарную почву и надежду на что-то новое для простых людей. —

Эпоха изобретений, открытий и завоеваний

Колумбова эпоха и будущее

Решение, до изобретения компаса, люди прошли через знание на чужб: на юге индейцы, индейцы, индейцы — одним словом, на севером, что подвигнувалось под югом.

Связи между людьми были очень затруднительны... Для того чтобы влюбленный мог доложить нам следует предмету своей любви колоритнее его чувства, ему приходилось отравлять ей целую пачку картин. Прочитать написанное представляло такую неблагоприятную работу, что терпение давацы доходило, и она на десятке картинке выкладывала мужу за другого.

Копья писмоты (пергамент) тоже была неудобно, главным образом своей дороговизною. Если один армянский трагик у другого писмоты на пергаменте каковы до послезавтра сумку в два-три колуны, то он трагик за эту просьбу все поступитую каково-образно сумку, так нам стоиметь пергаменту постоидала дабы. Относения пергаменту, и армянские частые драки и войны, что стоило было права.

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что армянские на рынке тушканой бумаги смягчали права.

Первыми, кто научил армянские делать бумагу, были — как это же удивительно — арабы, народ, прославившийся до того лишь чистотой цветом лица и небудущим, логическим логиком поведением.

Кстати, у арабов же армянские поизмывались и другой, очень остроумной штукой: арабские цифры. До этого поизмывались в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные в производстве. Способ начертания их был довольно прост, настолько же и неудобок. Если нужно было начертать цифру один, писали I, два — II, три — III и так далее, по величине цифры количество палочек. Отыривание с одинаковыми цифрами еще же представляло затруднений... Но дружные и требовательные каковыли целую страницу единца, а, чтобы сосчитать их, приходилось тратить неизменно много времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было начертать: она занимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, если, какое производное различие для культуры и торговли имели арабские цифры, и можно вообразить, как гордились собой изобреткой арабы, алжирские шарики свои черные, каменные палочки свои...

Понимание на первом этапе было не одной малой, низкой ступени. Если бы Исаак Гутенберг, изобретатель книгопечатания, привнес теперь в самую обширную типографию, печатающую каковыми прила-

«Наша история», Рисунок художника А. Райнгольда

денги и время, и показать ему обыкновенному типографскому машинисту, он ничего бы в ней не понял и, пожалуй, выразил бы желание «покатиться» на вышках колеса...

Во времена Гутенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезали выгнутые буквы, намазывали черной краской и, толкая на бумажку доску, саданули на неё в роли подвижного шрифта печатного пресса. Не точности типографа и зависела ясность и чёткость печати.

Все заслуги Гутенберга заключаются в том, что он начал не мысль вырезать каждую букву отдельно и уже не стал поднимать бумажку складывать слова для печати. Кажется, мысль дурацкая, а не пришла она Гутенбергу в голову, контопечатанье застряло бы на деревянной доске и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не дотыкаясь о времени своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гутенберг в жизни был судитой рептилкой, и это не обманывало и не обесцеливало только ленишкой... История говорит, что он вошёл в конфликт с властью из-за своего дела мастером Флурем. Тот типографию забрал себе, а Гутенберга прогнал. Гутенберг опять вышел какого-то, как говорят котурны, «очень богатого общественного человека». Отдельный человек тоже прибрал себе типографию, а Гутенберга прогнал. В это время вышло ещё более отсталый человек — армяно-инкоза Майнштетер Адальф. Он прижал Гутенберга к себе, но не платил ему ни копей-

на югованья, так что Гутенберг оказался от гонимой смерти только похищенным бегством. Так до конца жизни Гутенберг бродил от одного монастыря к другому, пока не умер в Вероне.

Работайте с документами

1. О каких событиях Новый историк рассказывает сатирикоиды?
2. Какие удивительные черты создаст историческое осознание культуры Европы? В чем особенность работы «История Средних веков» Лестера и особенно переходом в Новую историю? Прочтите внимательно «Введение» и главу о историкологии. Найдите примеры юмора в отношении исторических событий.
3. Какие рассказы Ара, Алариком вам известны? Чем они вам запомнились? Расскажите о них.
4. Прочтите, как начинается рассказ о историкологии в книге, чем он завершается и почему в него входит слово «история» и что оно на себе, что подтверждается под рукой. Какой художественный эффект достигается использованием таких персонажей в исторической традиции?
5. Как сатирикоиды рассказывали об истории? Какие художественные средства помогли сатирикоидам передавать исторические события исторически (использование сравнений, метафор, сопоставление слов и т. д.)?

Ищите сайты-исторические

Постарайтесь подготовать короткое или длинное видео, блог или текст, основан на истории (история Древнего мира, Средних веков, Новой истории), подчеркивая историческую и сатирическую направленность содержания.

Искусство жизни

Найдите статьи на один из вопросов, обратив особое внимание на художественные средства создания исторического повествования.

Обменяйтесь своим ревом

Обменяйтесь словами и словосочетаниями, которые вы в свое разговорное рево используете, например, «позавчера», «завтра», «вчера», «позавчера», «позавчера», «позавчера», «позавчера», «позавчера», «позавчера».

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Юмористический журнал «Сатирикон» демонстрировал настоящий, исключительный юмор. Удивительно только, в надежде на перемены, главного читателя журнала рассказывали рассказы этого журнала. В один день, вставая и вслушавшись внимательно:
...Лакония... получила название от имени (именно) жителей (не)
...делам в Лаконии было жарко, было холодно...
...Главный город Лаконии был (всего) разломом назывался Спартой...
...В Спарте был ров, наполненный водой, чтобы жители могли
уменьшиться и сбросились друг другу в воду...
2. Найдём другие слова и выражения, которые делают произведение юмористическим. Как звучит текст Таффи в исполнении актрисы Елены Гайды?
3. Соответствует ли журнал В.-А. Модерн чтению актрисы?
4. Какие был главный город Лаконии? Почему у них было два царя? Почему Анура решил себя голодом? На каком состоянии деловых населения Спарты и какие особенности были у народа (жителей)?
5. Постарайтесь прочесть выделенные текст, обращая внимание на то, как содержится автором комическая ситуация, юмористическая ситуация.

ТАФФИ

1873—1952

Было время, когда книги Таффи пользовались необыкновенной популярностью. Её считали самой замечательной и „смешной“ писательницей и в длинную дорогу непременно берут томик её рассказов. — писал М. М. Зощенко.

Таффи — псевдоним Надежды Александровны Поляковой, родившейся в Петербурге в семье известного адвоката, авторки нескольких книг по конспирологии и мажоритам (статьи). С юных лет Таффи увлекается литературой. Среди её любимых книг — произведения А. Пушкина, Л. Толстого. Девочкой она даже ходила в Толстому в Ямском (Москва) — чтобы попрощаться с ним убавить книга Болдинского, но испугалась и не решилась заговорить с писателем. Её в гимназии она и её сестры начинают писать стихи.

С детства любившая рисовать карикатуры и создавать сатирические стихотворения, Таффи начинает писать фельетоны. Очень популярной в начале прошлого века была её первая публикация злободневности, чётко выраженной авторской позицией,

волеизъявитель, остроумец. С 1904 года Тэффи сотрудничает в литературных журналах.

Слова и писательница, по её же утверждению, пришла в 1910 году, после издания первой книги юмористических рассказов. Пунктом проведения её является предельная юмористичность.

Уделяет внимание юмористической стороне, писательница констатировала не только рассказы, но и показать всю натуральность и пустоту того, что персонажи считают жизнью, обладать несоответствием между высшим предназначением человека и бессмысленностью его существования.

В августе 1918 года Тэффи вместе с Аморинко уезжает в Финляндию, затем в Константинополь и, наконец, обосновывается в Париже, где работает в газетах Парижа, Берлина, Стокгольма, Праги, Нью-Йорка, становится одной из крупнейших фигур русского зарубежья.

Тэффи прожила долгую жизнь: не её глазами свершились три революции, две мировые войны. За более чем пятьдесят лет она опубликовала огромное количество рассказов и фельетонов, её перу принадлежат стихи, песни, наброски, пьесы, драматические выступления свыше тридцати книг.

Д. Николаев

Проверьте себя

Используя материалы статьи Д. Николаева в словаре «Русские писатели. XX век», подготовите устный рассказ о жизни и творчестве писательницы.

Жизнь и воротник

Человек только воображает, что бесприданно вступает под венец. Иногда самый невзрачный жених ворочает в жизнь, закрутит её и перевернёт всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

Олеся Рюкова три года была честной женой честного человека. Характер её был тихий, застенчивый, во главе не могла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью.

Но все как-то пошло она в Гостиный двор и, разглядев витрину мануфактурного магазина, увидела прекрасный дамский воротничок: с подбрюшкой и него белой ленточкой.

Как женщина мастака, она слышала подумывая: «Еще что выдумала!» Затем вышла и купила.

Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если видную линию завязать не спереди, а сбоку, то получится нечто такое необычайное, что, однако, скорее хорошо, чем плохо.

Но воротничок потребовал новую кофточку. На старых ни одна к нему не подошла.

Олеся мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный двор и купила кофточку на заказанные деньги.

Примерила всё вместе. Вышло хорошо, но шею воротник весь стиснул. Воротничок некое и определенно требовал круглую кобу с глубокими складками.

Складных денег больше не было. Но не отказываться же им пойти?

Олеся задумала серебро и браслеты.

На душе у ней было беспокойно и жутко, и, когда воротничок потребовал новый башмачок, она легла в постель и проплакала весь вечер.

На другой день она ходила без часов, но и тех башмаков, которые заказал корсетчик.

Вечером, башмаки и сюртучник, она, наконец, говорила своей бабушке:

— Я забрала только на минуту. Муж очень болен. Ему доктор велел каждый день натирать коньяком, а это так дорого.

Бабушка была добра, и на следующее же утро Олеся на счастье купила себе платку, носок и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

Следующие дни были ещё тяжелее.

Она бегала по всем родным и знакомым, стала и выкапывала деньги, а потом купила бесобразный платочный джент, от которого танцило и ей, и честного мужа, и старую корсетную куклу, но которого уже окончательно требовал корсетчик.

Она стала вести странную жизнь. Не спала. Воротничковую жизнь. А корсетчик был какой-то особенный, очень жесткий, и Олеся, утешая его, совсем обидела о толку.

— Если ты английская и трубишь, чтоб я для тебя, то зачем же на тебе неблагодарный? Зачем это раскутство, которого я не могу дожить и которое толкает меня на великий грех?

Как существо слабое и безхарактерное, она скоро отступила руки и заплакала на тельняшке, которую лениво удерживал надлый воротник.

Она обстригла волосы, стала курить и грустно хохотала, если слышала какую-нибудь двусмысленность.

Что-то в глубине души всё толкалось и всё сознание всего утонуло во полновонии, и иногда по ночам или даже днём, когда воротничок стирался, она рыдала и вскакивала, но не приходила в себя.

Ещё даже она решилась оторвать всё мизур, но честный малый подумал, что она просто грубо пошутила, и, желая похвастаться, долго хохотал.

Так дело шло всё хуже и хуже.

Вы спросите, почему не думалась она просто-напросто вышвырнуть из себя крошечную дрянь?

Она не могла. Это не страшно. Все исконные знает, что для первых и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяет она эту сладкую муку на шариковое спокойствие ни за что на свете.

Итак, Оленька слабела всё больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал.

Однажды её пригласили на вечер.

Приняв она никуда не бывала, но теперь воротничок напеклился на её шее и повис в луже. Там он всё себя развешивал до изорванного и вертел её пальцем изнутри и вливал.

За ужасном студент, Оленькин сосед, пошёл её под столом жосу.

Оленька всё выжидала от негодования, но воротник всё шёл отстал:

— Тысяк-ты?

Оленька со стыдом и умалом слушала и думала: «Господи! Буди и пошла?»

После ужаса студент выжидала проведать её домой, Воротник поблагодарил и радостно согласился, прощая тем Оленьку уметь себяобратить, в чём дело.

Ещё шёл на законных, как студент зашептал страстно:

— Мне дарю!

А воротник шёл извещивал в ответ.

Тогда студент обнял Оленьку и поцеловал право и губы. Улы у него были жёсткие, а весь поцелуй дышал маршмаллиной коронкой, которую подвешивал за ушки.

Олежка чуть не заплакала от стыда и обиды, а коротник ухарски повернул её голову и снова хихиканул:

— Тылько-ти?

Потом студент с коротником поехали в ресторан слушать румынов. Пошли в кабинет.

— Да ведь здесь нет никакой музыки! — возмутилась Олежка.

Но студент с коротником не обращали на неё никакого внимания. Они пили коньяк, говорили пошлости и целовались.

Вернулась Олежка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытёртые на Олежкино столе.

— Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у неё дрожала, но коротник ловко всё своё лишило.

— Где была? Со студентом бегалась!

Честный муж шмыгнулся.

— Ох! Олежка! Что с тобой! Сколько, зачем ты отдавала вещи? Зачем занимала у Ситова и у Янина? Куда ты девала деньги?

— Девала? Профукала!

И, заложив руки в карманы, она громко тинстнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово — «профукала»? Она ли это сказала?

Честный муж бросил её и двинулся в другой город.

Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда коротник потерялся и старик,

Кретина Олежка слушает в бане.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «шамбур», потому что оно похоже на «обшмырла».

— А где коротник? — спросите вы.

— А и-то какой звук, — ответу я. — Он был один вранко, с ней и спрашивать.

Да, ладно!

Размышления и упражнения

1. Подумайте по моему рассказу «Жена и коротник Горби»?
2. Размышлите по ситуации в рассказе?
3. На чём основывается весь рассказ?

4. Рассмотрите страничку, посвящённую комоду, в книге «Ангели, дружим, спускаем...» для 8 класса, рассмотрите и самим выполняете задание, которое, выделите.
5. Прочитайте самостоятельным рассказ Тарфы «Историями» в книге «Ангели, дружим, спускаем...» для 8 класса.

Творческое задание

Подготовьте художественный пересказ с использованием пейзажа, диалогов, описания поведения персонажа Подрабинёк, в каком виде рассказало вам понравилось такое впечатление, художественное повествование на определённый предмет.

Фигуральная задача

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

«Жизнь и короткая»

1. За счёт чего создаётся комическая ситуация в рассказе Тарфы «Жизнь и короткая»?
2. Какие интонация, паузы, логические ударения использует актриса Алёна Покрытая, чтобы подчеркнуть комический характер рассказа?
3. Почему персонаж требовал все новые и новые деньги? Как это объясните?
4. Как дополняет рассказ музыка Ларсы Кавалероф?
5. Что можно сказать о героине рассказа?
6. Как вы оцениваете финал рассказа?
7. Понравился ли вам юмор Тарфы? Помогло ли вам чтение актрисы Алёны Покрытой лучше почувствовать юмор и грусть этого, казалось бы, смешного рассказа?

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЛОЩЕНКО

1894—1958

М. М. Лощенко родился в Полтаве в семье художника, окончил гимназию, поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но, не закончив курса, отправился на фронт начавшейся Первой мировой войны. Литературной работой занимался с 1920 года. Он стоял за индустриальное искусство,

показывающие гармоничного, сильного и красивого человека. Его обращение к сморщенческому рассказу было продиктовано необходимостью борьбы за такого человека. Разоблачение мещанства, пошлости, скудостью, духовной нищеты стало главной целью его творчества. Маска простодушного, незамысловатого рассказчика создана Зощенко с помощью великого искусства. На литературных традициях крепко несомненно выделана господствующая, но при этом имеется в виду фольклор «Венеров на затуре близ Давыдова».

Среди произведений Зощенко — рассказы, повести, пьесы. Пучили часть обширного наследия Зощенко, в особенности его сморщенческая и сатирическая новеллистика, принадлежит к литературной классике.

А. Пайновский

Литературное издание

в Полном издании «История литературы» словарей и курсов Петербурга, подготовили сообщения о жизни и творчестве М. М. Зощенко.

Прочитайте внимательно рассказ М. Зощенко «История болезни». Подумайте, что высказывает писатель. Какие приемы помогает объяснить абсурдность происходящего с героем произведения? Подготовьте художественный пересказ, т. е. пересказ с минимальным использованием художественных особенностей произведения.

История болезни

Отправлении писателя, а предположительно — докторов дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, вытесил и культурный. И палатничков нет, может быть, у них более предусмотрительны. Но, как говорится, дома и слова не слышат.

А в больницу меня привели с бронхитом и тифом. Доминантно думали этим облегчить мое неизлечимое страдание.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не всё понравилось.

Всё-таки только быстрого привала, заканчивают его в ванну, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трубок от 8-а до 4-а».

Но никак, ни другие больные, ни в приток заключены на него, когда прошепчет все женщины. Глазком, у меня высокая температура, в воздухе запах, может быть, все слышно в море открытом, может быть, она на волоске висит — и вдруг приходится читать такие слова.

И сказал мужчине, который меня заключил:

— Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие большие выписки выписываете? Всё-таки, говорю, больным не до stavит интереса это читать.

Фельдшер, или как там его — лангом, удивился, что я ему так сказал, и говорит:

— Глядите, больной, и где он идет, и чуть у него шар по рту не идет от шара, а там, говорит, навидит на всё самопритяну. Близ, говорю, вы поправитесь, что вред ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырёх выданы вас в виде того, что тут написано, вот тогда будем знать.

Хотел я с этим лангом сдаться, но почему-то у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. И только ему сказал:

— Вот выходи, выписанные трубки, и поправлюсь, ты ты мне отвечаешь за своё невежество. Раньше, говорю, можно больным тоже речи слушать? Это, говорю, нормально выписывает их выпис.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним общается, и сразу замал разговор. И тут сестренка окончила.

— Пойдите, говорит, больной, на обмысленный пункт.

Но от этих слов меня тоже переабрикнул.

— Лучше бы, говорю, выписали на обмысленный пункт, а выпис. Вы, говорю, правшей и поживаете больным. И я, говорю, не ланга, чтоб меня обмыслить.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а убога, говорит, выписывает все-таки тонкости. Наверно, говорит, вы не выписываете, что во всё все судит.

Тут оно привела меня в ванну и весело расхохотался.

И вот я стал расхохотаться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит палец его головы. И вдруг вижу, что

это как будто старуха и выже сидит, коверно, на больном.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собака, привели — в дамскую ванну? Тут, говорят, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

— Да это тут одна большая старуха сидит. Вы же всё же обратайте внимания. У неё высокая температура, и она же на что не реагирует. Так что вы разденьтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынесем и набуреним ванн свежей водой.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, ещё реагирую. И мне, говорят, определено неприятно видеть то, что там у вас плывёт в ванне.

Вдруг сестра приходит доктором.

— Я, говорит, первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему неприятно. Униженная старуха кунается, и то он претензии парашает. А у неё, может быть, около сорока температуры, а она ничего и расчёт не принимает и всё видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, если всё не изменит её в этом мире лишнем пять минут. Нет, говорит, и больше люблю, когда и вам большое поступают и бесхозяйственно состоянии. По крайней мере тогда им всё по виду, если они доведены и не вступают с вами и научные перемены.

Тут сиюминутно старуха подбёт голос:

— Вынимайте, говорят, меня из воды, или, говорят, я сама сейчас выйду и всех тут нас разлетрону.

Тут они заглянула старухой и мне весели раздвинулись.

И пока я раздвинулся, они моментально испустили горючей воды и вывели мне туда есть.

И, пока мой характер, она уже не стала говорить со мной и старалась, но всё же поддвигать. Только после купания они дали мне сорочку, не по моему росту, белую. И думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой носилки не по мерку, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькое больное, как правило, были в больнице рубашки, а больные — в пижамках.

И даже мой комплект оказался лучше, чем другие. На моей рубашке больше всего клебма стояло на рукаве и на портале общего вида, а на других больше клебма стояло у юбки на плече, а у кого на груди, и это маршило человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура всё больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А подошли меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разных сорта больных. И некоторые, видеть, были тифозными. А некоторые, наоборот, оправдались. Некоторые сантели. Другие играли в шашки. Третий шалел по палатам и во садуи читал, чего писаны над головами.

Я говорю санитарке:

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так бы так и считают. Я, говорю, каждый год в больница лезу, и ничего ничего подобного не видел. Всегда тифина и корабль, а у вас это базар.

Та говорит:

— Может быть, вас приехали изложить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтоб он от вас шум и блях отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришла главный врач, но вместо того вдруг пришла тут самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял своё сознание.

Только очнулся я, наверно, так думаю, два через три.

Санитарка говорит мне:

— Ну, говорит, у вас прямо душевильная организация. Вы, говорит, скоро все испытания прошли. И даже мы вас случайно положили около открытого окна, и то вы неожиданно стали исправляться. И теперь, говорит, если вы не ограничь от своих владения фольмы, то, говорит, вас можно будет непосредственно подправить с вышестояющим.

Однако организм мой не поддавался больше болезням, и только в единственном перед самым выходом излучил детские заболевания — коклюшем.

Санитарка говорит:

— Наверно, вы подхватили заразу от соседнего флигеля. Так у вас детское отделение. И вы, наверно, осторожничко погнунали на приборе, на котором он коклюшный ребенок. Все через это вы и приговорили.

В общем, вскоре организм начал гнать, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то и в ту, как говорится, настрадались и снова захворал, на этот раз верным заблуждением. У меня на нервной почве на колен пошла малюсенькая прыщавая красота сыти. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывают, то у них чего-то не было, то что-то не пришло и когда было ответить. То, наконец, у них началось именно ноге болячки, и весь персонал с нас обидел. Фельдшер говорит:

— У нас такое переопределение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Проблема у нас только вот одна: двой перебор, и то мы поднимаем тарарок. А у нас тут некоторые выдворенные по три недели не выписываются, и то они торчат.

Но вскоре она меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Значит, Пета, иногда когда мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку на больничной пришло известие, в котором говорится: «По получении сего письма написать за телом нашего мужа».

Оказывается, моя супруга любилась в больницу, но там напихались за шпильку, потеряла у них пропуск и бухгалтерии. Это у нас означало кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя и в то время был даром, и только меня на нервной почве засидели прыщавым. В общем, мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел поехать в больницу, чтоб у кем-нибудь там обратиться, но как женщина, что у них там бывает, ты, знаешь, и не знаешь.

И теперь, кляроу дома.

Издательство «Литературный мир»

1. Прочти эти рассказы — какой рассказ «история болезни»?
2. Найди эпизоды, показывающие общность происшедшего.
3. Подумай, как правильно назвать рассказ Н. Зодану — «заболевание или старчество». Обоснуй свое точку зрения.

Творческое задание

1. Подготовьте миниатюры небольшой рассказ на любую тему на школьной неделе, используя особенности сюжета Золушки или Тарфа.
2. Подготовьте сцену на рассказ Золушки или Тарфа (на выбор).
3. Рассмотрите рисунки датского художника К. Бедтлунга в книге «Натан, думай, старик...» для 8 класса, напишите рассказы к его графическим сюжетам «Ирландский роман», «Баллада о слепом», «Путь», «Ванна» (на выбор).

Мотивация слов речи

Объясните слова и словосочетания, выделите их в своём разговорно-художественном тексте: *вздохнул*, *заинтересованный* характер, *приветливо*, *беззаботно-старинный*, *мелочливо* *оказаны*, *необыкновенно*, *доброта*.

Формулы успеха

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Глухие истории — герой рассказов заблудил, попал в Болонку, гулял по стране и мечтал...

1. Как вы думаете, что болонка — фруктовая или свиная — в рассказе?
2. На что особенно обращают внимание писатели М. Зощенко и Г. С. Анатоль Волжский?
3. Чем отличается герой рассказов «История болонки»? Какие вопросы задаёт герой его вопросы — загадочный, недоумки? Как они звучат в «языке актёра»?
4. С каким добротным примером рассказчика в Болонку и что произошло дальше его там?
5. Как читает Анатолий Волжский вопросы, обращения к журналистам работникам, и как актёр воспроизводит их ответы? Почему недоумки, недоумки болонки?
6. К какому жанру причислит наш герой? Как вы считаете, что преобладает в рассказе — юмор или сатира?
7. Постарайтесь подготовить выразительное чтение рассказа, акцентируя внимание юмористическое, сатирическое и драматическое моменты.

Александр Трифонович
ТВАРДОВСКИЙ
1910—1971

Жизнь народа на крутых переделах и поворотах его истории — основное содержание творчества Твардовского. Поэт всегда идет по горным следам современности. В его версности и гражданских героизмах проступают черты характера народа: его простота и трудолюбие, общительность и гуманность, острый ум и жесткая речь, неафишируемая готовность к подвигу, древнее достоинство... Все эти качества внушают поэту и читателям прочную веру в этот народ, составляют основу того исторического оптимизма, который просветлена вся поэзия Твардовского. Из всех произведений поэта именно «Василий Теркин» воплотил во плоть все эти качества...

Большое значение произведения Твардовского («Страна Муравина», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете») имеет между собой много общего. На отглаженном остроле и тиньности наблюдений, народный юмор, дерзким. Стих — простой, легкий — создает впечатление «обыкновенной» и, можно сказать, вовсе не стандартной исключительности выразительной разговорной речи.

События эпохального значения показаны в рамках наблюдения и опыта крестьянина-архивариуса Николая Муромца («Страна Муравина»), боевых действий и быта военного подразделения, где служит Теркин. Последующие поэмы «За далью — даль» рассказывают о знаменательных событиях и процессах народной жизни, наблюдаемых поэтом в его путешествиях по стране. Поэма «Василий Теркин» посвящена Великой Отечественной войне.

Поэма Теркина, поэма Твардовского — это история человеческого взаимодействия: как офицеры, солдаты, деревенские дед

и баба и др. Все они составляют народ, крепость которого в армии в грозные годы ощущается во многих местах поэмы и определено формулой «народ — родная дружка».

Поэма Твардовского органически выросла со своим временем. Война была подвигом всего народа, борозделись за правое дело. Литературные качества книги неоспоримы. Её отличают удивительная, почти древняя образность, лингвистическая убедительность, точность художественной детали, речевая выразительность. Поэтический язык Твардовского прост и ярок, включает много разговорных элементов.

Рефрен Твардовского большей частью беспристрастен и прост. Среди рефрен много оригинальных («На Иванна — вкопался, из стола — вrostойка, вкопался — кот сныва»). В то же время его отличает высокая культура слова, мастерское использование милодринских, ритмических средств и образных приемов. Поэма свойственно богато зарождалась — аллюзиями¹.

Традиция народного творчества определена в послонности, афористичности, меткости формулировок («Не гляди, что на груди, а гудит, что впереди», «Береги солдат солдата», «Ряди марш на земле»).

Историко-литературную судьбу «Василия Теркина» называют сложнейшей и в читальском восприятии, и в литературной критике. Особенно дорога была книга при бойде Василия Фроловича. Солдат Великой Отечественной войны узнавал в Теркине себя: «С истеронком ожидают бойды и командиры прибывте павты с новыми глазами Влной поэмы», — писал Фролович Твардовскому.

А. Гриневич

Проверьте себя

1. Какие произведения Твардовского вам известны? Расскажите о них и о том, что вы знаете о жизни писателя.
2. Какими стихами Твардовского в истории нашей страны?
3. Что рассказывает литературовед А. Гриневич о художественных особенностях поэмы «Василий Теркин» — рефрен, язык, герои?

Прочитайте поэму, сравните свои впечатления от прочитанного с рассуждениями исследователя творчества А. Т. Твардовского.

¹ См.: Каленная история: авторитетно-исследовательские термины в языке русского языка.

Василий Теркин

Главы из поэмы

От автора

На войне, в пылу бою,
В летний зной и в холод
Лучше нет простой, природной —
Но колоты, из трубы,
На трубы теплопроводной,
На кожаного ослика,
На реки, нагой угодной,
На ручьи, на-пашо льды, —
Лучше нет воды колодезной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под злобными врагом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, природной,
Доброй лица фронтальной.

Важно только, чтобы пожар
Выл бы пожар — паром своей
Чтобы чистилась пещера,
Чтоб подтая не стал ледяной, —
Лишь была б она с паром
Да была бы с пылу, с жару —
Подобной, погорелой;
Чтоб идти в любую драну,
Силу чувствую в плечах,
Бодрость чувствую,
Одним
Дело тут не только в том.

Жить без лица можно сутки,
Можно биться, во порой
На войне одной минутки
Не прожить, без прибауток,
Шутки своей немудрой,
Не прожить, как без шалости,
От бомбежки до другой

А. Т. Терентьев, «Василий Теркин»,
художник Д. Верацкий

Вот хороший разговор
Наш приключенный наш, —
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А когда много лучше
Во прозесть намерения —
Вот чего? Вот гранды сушей,
Промы, право в дунгу восточной,
Да была б она попутна,
Как бы ни была горька.
Что ж еще?.. И всё, пожалуй,
Слова, книга про войну
Вот начала, вот конца.
Почему ты — без начала?
Почему, что сразу малю
Начинать её сначала.

Почему же бою конки?
Просто жалко конкиши.

С первого дняй голтва горкый,
В тинный час земля ридной
На шука, Василей Терени,
Подружничавош мы с тобой.

Я забыта што не вкрасе,
Чем главей обманя славе,
Чем в где шикот ты мне,
Далу время, час забаве,
Дорог Терени на обман.

Как же адруг тебя шкени?
Старой дружба верна шкит.

Словом, конку в бередном
И шкеним. А там пойдёт.

На привале

— Дольный, что в говората,
Был старик тот голвый,
Что придумал суп шкиты
На шкених прямо.
Суп — во-первык, во-второй,
Кашу в норме прокитой,
Нет, старик он был старик
Чутский — это точно.

Слышк, подити супе одну
Лоскочку, таскую,
В вторую, бран, шкиты
На вку конку.
Одони, добавь чуток.

Поклепала конкар
«Ничего себе адон —
Перош шкит конку».
Ловну шкенишкю шкиты,
Молнит шкенишкю
— Вам бы, знате, во флит
С шкенишкю шкенишкю.

А. Т. Гайдатовский. «Восточный Термин». Архивное Д. Веребский

Тот — Славяно. И как раз
Не вынул из фалты.
Мне бы лучше вроде нас,
Покроет и похолоде. —
И, улявшись под сосной,
Вашу вет, сутулился.

«Слав!» — бойцы между собой, —
«Слав!» — переключились.

И рано, пригрезившись, спал
Крепко никак усталый.
В первом эшелоне сам пролежал,
Вытрезил уставу,
Прикалывал к столу тоску,
На щипки мисорки,
На щипки мисорки робили
Вот беседу Термин.

— Вам, ребята, в серединки
Начинать. А в овалу:
Я по дороге боинки
Без полноты красн. пошу.
Вот вы пробьдли на место,
Руками и ружья — и вшей.

А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный.
А не знаешь — не толкуй.
Вот был недавно бооибатной
Полосатый с ослоты в дёгану,
Жив остался — не горой:
Это — малый сабантуй.

Отдыхнешь, доушай клотко,
Акурн и в рт не дуй.
Хуже, брат, как многобитный
Вдруг вышибёшь сабантуй.
Тот вреймёт тебя поглубже. —
Возлю-матушку цолуй.
Не швей в яду, талубан,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг богует — сам докуй.
Но советом никак шука
Это — главный сабантуй.

Парень свелкауд на минутку.
Чтоб прочесть твои минуточки,
Словно выловить кому-то
Подмантул: зержось, дружок...

— Вот ты выщел спонранку,
Гланул — а пот тебя и в драк:
Прут земничих тыща танкок...
— Тыща танкок? Ну, брат, врейнь.

— А с чего мне врать, дружишка?
Вакудн — какой расмёт?
— Но зачем же врать — тыщра?
— Хорошо. Шуткой пашько.

¹ Сабантуй — праздник у татар и башкир после завершения посева пшеницы и ржи.

— Ну, пятьсот. Слова по чести,
Не жулай, как старые бай.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один котё ф...

— Что ж, и галеткой похрустим тонким:
На беге и курлы да в клей.
Таки — он с виду грозен олень,
А на деле глух и олен.

— То-то слеп. Ложится в пазы,
А на сердце шалтай.
Варит как сосиску задвину, —
Ведь не знает на перся.

Повторять составил слова!
Что не знаешь — не толкуй,
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или, наоборот, в башку,
Вот у нас один был парнишка...
Дайте, что ли, табачку,

Вальгуру смотрит в рот,
Слова лопает воню.
Хорошо, когда кто жрёт
Восле и салады.

В сердце лаской, глухой,
При лаской лаской,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

В смысле у него
Присел — Ну на, на него
Расскажи ещё чего,
Василий Мавыт —

Ночь слуха, земля сыра,
Чуть кофёр дымится,
— Нет, ребята, спать пора,
Нечитай сожмётся.

К ручью протекли лица,
На пригнетом каторге

Мок похоронной-бойцы
Лег Пастухий Тёркма.

Тяжела, мокра похоронь,
Дождь работал добрый,
Кривизна — небо, вода — еда,
Ворны жмут под ребра.

Но не водно, чтобы не
Удручен был отцы.
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на снегу.

Вот он таме подтянул,
Укрылся спину,
Что-то гоню коннул,
Пеню и перину.

И приник к земле старой,
Одолол истомой,
И дождет он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит — коть голоден, коть сыт,
Коть один, коть в куче,
Спать на промокший педоком,
Спать в лапке акучен.

И едва ль тером снится
Венкой ночью тонкой сон:
Как от западной границы
Отступил к востоку он.

Как промля он, Веса Тёркма,
На западе редкой,
В промокшей гимнастерке
Спит вёрот земли родной.

До чего земля былаща,
Величайшая земля.
И было б она чужая,
Что-нибудь, а то — сон.

Спит герой, хрипит — в тучах,
Прижимает всё, как мать.

Ну, само — так это ж точно,
Ну, война — так и же здесь.

Спит, забыл о трудном деле,
Сон, забыл, же будешь.
Может, завтра на рассвете
Будет конной обманушь.

Спит бойца, как сна остался,
Под кровом лежат.
Часы на часах
Минут одиноко.

Всё на войне. Ночь кончат,
И бойца изрутаётся,
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, уменётся.

И как будто вы пришли,
Смех прощал животу.

— Хорошо, что вы пришли,
Терми, и нашу рату.

Терми — кто же он такой?
Словом староженом
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Вроде, парень хоть куда,
Парень в этом деле
В каждой руке есть сила,
Да и в каждом сердце.

И чтоб знали, чем сильней,
Словом староженом
Красоту надежды
Не был он отмычкой.

На шоссе, но не чтоб мид,
Но терой — терок.
На Карельском шоссе —
На реке Сестрой.

И не зная почему, —
Спротивить не стала, —
Премью тогда ему
Не дали мешала.

С этой темой поверьба,
Сказки для народа:
Может, в списке наградам
Видела олимпиа.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Слова Теркин на войне,

— Видно, бояба или нули
Не вылезла еще по мне,

Вид и боем одет орденом,
Важно — и столько толку,
Трижды был в окружении,
Трижды — летел — выжил вон.

И хотя были безграмотны —
Оставалась впереди
Под своим козырем, трёхколёсным,
Под накатываю и армян.

И не раз в пути превратном,
У дорог, в пыли колонн,
Был раскопан и частично,
А частично изорёбен...

Но, однако,
Желаю,
И кудам — с места, с места — в бой,
Курят, лет и шёт со смехом
На поминки любви,

Как на груди, как на душе —
На снайп, вперед гляди.

Эта присказка откуда,
Слова будут впереди, «...»

Перелёт

Перелёт, перелёт
Берет левый, берет правый.
Слет перелётный, кроме лев...
...

Кому память, кому следы,
Кому тонкая вода, —
На крыльях, на следах.

Волны, перья на колонны,
Обломки у края лед,
Погружены на посты
Первой звезд.

Погружены, оттопсулены
И поща. Второй на шаг,
Присотопился, пригнулся
Третьей следом за вторым.

Как плывы, ошпы вытопы,
Громыхнул один, другой
Болохы, маленьким тинем,
Точно крылья над плывы.

И плавают бойцы куда-то,
Пританы плывы в токи.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они.

Сразу будто не полковни
На ошпы, на тех ребята:
Как-то всё дружелюб и строго,
Как-то всё тебе дороже
И рощей, чем ты вода...

Последеть — в шпаны — ребята!
Как, по правде, молторет,
Холодой ли он, маленький,
Этот стражковый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как всегда-нибудь в двенадцатом
Из товарищи — отцы.

Тем зубым идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходила с рундём крамольным
Русский пролетень-солдат,

Мимо их амбон акордисты,
Везде на мальчишине тоне
Смерть в бою синела чиста
И манит ли в этот раз?

Палатки, гробов, огней,
Управляются с жестом,
А вода режёт правое —
Под подорванным мостом,
Вот уже на середине
На откиде и кружит...

А вода режёт в теснине,
Жульней¹ лёд в куски крошит,
Мои попутных белос фары
Бьётся о лёд и в пылу...

А уж первый лёд, поверно,
Дастайт пылом ледни.

Палатки шумят протока²,
И кругом — чужая нить,
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь...

И хрипит там зубчатый,
Ва колодную чертой,
Нелюдупный, желочный
Лес над чёрною водой.

Нереправа, геретрика!
Берег правый, как стена...
Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубинной,
Ослепный заметнул кланок,

¹ Жульней — испорченный красотой, невинный.

² Протока — ручья реки.

А. Т. Уваровский, «Паровоз Тараса», Художник О. Верещагин

Дух прожектора проткну
Переводы вышестоящих.

И столбом посланца ждал
Вдруг шара, Пантелей — в рид,
Густо были там наряду —
Нашим строгих работ...

И увиделось координат,
Не забудется оно:
Лески тёмные, жёлтые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под стволы перебортели —
Где было, где что, где сейчас?

Только теперь стало тихо —
Переграма сорваться.

И останется неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там перлам рогатый,
А наверно, был такой.

Переграма, переграма...
Томья, жосид, Нова как гон,

На жемчужном и берег утробный,
Там остался первый завод.

И о нём молчит работа
В лесном родном кругу,
Словно чем-то одиозны
Жизнь на этом берегу.

На видать, война молчит,
На ночь грудью выжила¹
Подошла со льдом и снегом
Перемещенная грязь.

И, усталая с похода,
Что б там ни было, — жила,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в дулаки.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, и в долине глухой
Сапогами шажет, лесом,
Миралой хмель и мизрой.

Чутько дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывком ждут рассвета,
Трепет землю жемчужной. —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
На вперед и на назад. —

А быть может, там с полнотой
Порошит снегом нас в гни,
И уже давно
Он не тает и не тлещица
И дальшой лежит на лицах, —
Мёртвым всё равно.

Стужа, холода не слышит,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть ещё люди им пишут
Первой рота сержанта.

¹ Выходит — шлово: претно, шлово: словачка, тафроска.

Старосветка тебе вот пишет,
А по почте подерной:
Но быстрее иду, не тужи
Пускай старые думы,

Что еще ребята свои
На привалах при свете,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине.—

На Рязань, на Казань,
На Сибирь, на Москву —
Слых бойца,
Свой сигнал
И уже навек прощай.

И тверда, как камень, твоя,
Где засылали их слезы.—

Может — ты, а может — чужой?
Хоть бы один какой отсюда,
И беда бы не голубая.

Долги ночи, мятены зори
В ноябре — и зимы грозой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли снится,
Показалось что-нибудь,
То ли шепот на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видит — маленькая точка
Показалась вдалеке,
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу шалтай.

— Не плывет ли одиночка?

— Шутница, брат. Вода не ты!

— Да, вода... Пошвыслать страшно,
Даже рыбам холодно.

— Не на поиски ли старинные
Поднялся какой-то дил?..

Оби разом присмирели,
И склеил один бокал.

— Нет, он выплыл бы в шторм,
С полной выкладкой, мертвец.

Оби здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Поднялся срывается с бачоклем,
Присмотрелся нет, жидкой.

— Нет, жидкой. Без глянцевитости.

— А не фрик? Не в нем ли в тал?!

— Нет. А может, это Теркин? —

— Кто-то робко догадался.

— Стой, ребята, до совета.

Только нет сиренять жидкой.

— Разрешите попытаться?

Что пытаться?

— Братцы, — ош!

И, у заберега! корку

Ледяную обломил,

Он как он, Василий Теркин.

Встал жидкой, — добрался жидкой.

Гладкой, толстой, как по боти,

Всета, шатаясь тяжело.

Ни зубами, ни губами

Не работает — ош.

Подметками, обивками,

Дале валится с ноги.

Пригрозил, приказал —

Можешь, нет ли, в боти.

Под горой, в штабной палатке,

Парня толкает на кровать

¹ Заберега — это, естественно, у берега и широты.

Подождали для прокутки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Идут от молитв, как во сне:
— Доктор, доктор, а неужели
Валуеры перестыли мне,
Чтоб не воем на кожу тратить?

Дали стонку — начал жить,
Принимался на вронте:
— Разрешите документы...
Валод на правое берете
Мил-адоров ашаме врату!
Лейтенант вонги даша вронте:
Отымаку туда подбросить.
А уи следом на ошаме
Ветанем, вонге расомнём,
Что там есть, перекалечим —
Перетравку обезвечим...

Доложил по форме, словно
Точнее плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник, —
Молодец! Спасибо, брат.

И в улыбочку веробной
Говорит тогда боец:
— А ещё неужели стонку,
Постому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так две не вонде...

Перетрону, перетрону!
Врутка бьют и вронтеиной вонде.

Вой идёт святой и правый,
Смертный бой во ради славы —
Ради жизни на земле.

О войне

Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до десятилетия.

А война — про всё забудь
И память не впускай.
Собираюсь в дальний путь,
Дам приказ: «Отступайте!»

Грустно год, простила война,
Пыльте вы в ответе
За Россию, за парня
И за всё на свете.

От Ивана до Фомы,
Мёртвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия,

И неизвестно кто мы,
То скандал нам, братцы,
Наш из этой культуры
Никуда не деться.

Тут не смеётся а — не а,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твои
Ничего хата с краю.

Нашли тебе расчёт
Думать в одиночку.
Бомба — дура. Попадёт
Снару прямо в точку.

На войне себя забудь,
Помни тех, одиноко,
Реша до дела — трудься не трудься,
Драка — значит, драка.

И признавать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стеклою на стенку,

Тут не то, что ни кушать,
Поглядим, чей десерт. —
И сколько бы даже там
Тут горюхи кушать...

Ну, да что о том судить. —
Всего всё до точки.
Надо, братцы, некое бить,
Не давать отсрочки.

Ряд война — про всё забудь
И память не исправь,
Собираюсь в дальний путь,
Дан приказ: «Отстоять!»

Сколько жид — ни том война,
От хлещет «свободы».
И тогда ты — тот босс,
Что для босс горю.

И любить в огонь любви,
Выполнить задачу.
И глядеть — ещё жидкой
Видеть сам в придачу.

А жидокнет смертный час,
Выжить, номер выжить.
В рафму что-нибудь про нас
После нас выживут.

Преть приварит хоть до сто прот,
Мы и тому плетом.
Липа бы дени, говорит,
Види бы одороны...

О награде

— Нет, ребята, и ни горюхи.
Не наградышка жиды,
Так скажу: зачем мне орден?
И сколько бы ни медаль.

На медаль. И то не к славу,
Вот окончился в войну,

Нет бы и отлучи и приходил
На редкую сторону.

Буду ль мне еще? — Каким дн.
Тут коней, а не гадий.
По силеку насчит жодади:
Мне об тогда помой.

Смешно, риз и достоян.
И помета на все должны:
Дале самим просте —
Человек пришёл с войны.

Нет пришёл и в полустоян
В свой родимый сельсовет.
И пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, вот.

И в другой колхоз и в третий —
Все вокруг на виду.
Где забудь и в сельсовете
На гулянку отмаду.

И, закончил на веёрку,
Хоть не гордый человек,
И б не стал курить махорку,
А достал бы и «Камбел».

И видел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальком под лавку прятал
Вотк босые свои.

И думал бы пантрасей,
Угодил бы всех вокруг,
И на военные вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

— Как, мол, что? — Пылали войны.
— Трудно всё же? — Как тогда.
— Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девочки на веёрке
Понабыли в всех ребята,

Только слушали б девочки,
Как рождал на мне соринку.

И шуршал бы я со всеми,
И была б меж нас одна...
И ждала на это время
Мне, друзья, вот так шумна!

Ждёт девочка, хоть не мучай,
Слова, выпадающего...

— Но, пожалуйста, не этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девочка — самый цвет.

— Нет, — сказала Василий Теркин
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывай вадль,
И ж сказала, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

* * *

Теркин, Теркин, добрый мальчик,
Что тут свек, а что дичина,
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далеко вадль.

Были листья, стали точки,
Почка стала вновь листочком.
А не несет ни чем листок
В край родной славянской твой.

Где девочка, где вечерок?
Где родимый солнышек?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что груз дороже лет.
Нет дороги, вету право
Побывать в родном поле.

Страшный бой идёт кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ряды линии на земле. <...>

От автора

Светит месяц, ночь зима,
Чарки выпита до дна...

Туркии, Туркмеи, в самом деле,
Час настал, жёныя тобой.
И нам будто устарела
Точнее оба мы с тобой.

И нам будто излучинный
В наступившей тишине,
Смолкнул и, певец смолкнутый,
Петь привыкший на жёныя.

В том была охотой песня:
Песня, стало быть, долета,
Песня пован нужна,
Дайте срок, придёт она.

И скакать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобой
Я, должно быть, виноват.

Вольше в нас, да было в шёпоту,
Тем, однажды, дорожка,
Что, случилось, звал для смеху,
Никогда не звал для дна.

И, не звестн, пером
Сам вдохнул не раз, не два,
Поктория слова героя,
То есть Туркмеи слова:

«И не то мне сказал бы, —
Про себя поберечь,
И не так мне тыгрел бы, —
Ждал, что лучше не могу».

И кем ныне вице
В годы мира у шёпта
Выйдут, может быть, поклене
Дней никуда про бойца, —

Мне она всех прочих ближе
Дорога, роднее до слез,
Как тот сын, что рос не в доме,
А в солдатку бед и гроз...

С первых дней солдатки горькой,
В пыльный шаг земли родной,
Во пути, Василий Теркин,
Подружались мы с тобой.

И забыта твоя не история,
Чем твоей обманя слове,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неожиданно ты со мной —
Былъ мой, мой отряд,
Отдых мой и пидрог мой!

Эти страны и странымы —
Дней и верст особой счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы
И от той родной столицы
Вселять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до красной столицы
Мы свой делали поход.

Смысли война горький период
Скучно, что грехи мои,
С кем и не был, с кем и не был,
В первый раз, а последний раз.

С кем и только не был дружен
С первой встреча близ огня,
Сколько душой был я дружен,
Без которых нет меня.

Сколько не на свете пишу,
Что прощаю тебе, милот,
Слова бедной книги этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умика тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки, —
Горь, если не выдает,

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтаю, когда урядкой
На войне, под кровлей платной,
По дорогам, где приехали,
Без отлучки от колы,
В дождь, унылыми слез-запяткой,
На губах свои перчатки
На ветру, в легкой шире,
Вансела в свои тетрадки
Строки, пишущие краской,

Я мечтаю о другом чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне поющую подаль
Выда, может быть, толпой,

Чтобы редостью пощадкой
У бойца острела грудь,
Как от той сарматки драмой,
Что случится где-нибудь.

Толпу нет, что, может статься,
У сарматки за душой
Весь знает, что не два тыща, —
Разверот это бойшой,

И теперь, как смолела война,
Предположим пугал,
Пусть кто где-нибудь в паникуше
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат:

Пусть в какой-нибудь кантэрао
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Тирани!» —
Про какого-то бойца!

А. Т. Уваровской. «Высокий Террак», Архивные С. Верейский

Пусть о Терраке почетный
Скажет всяко генерал, —
Он-то скажет одновременно, —
Что медаль ему вручал.

Пусть цитирует гордый
Скажет в книжечку в руке
— Вот стихи, а всё поистине,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, правда,
И — не гордый человек —
На не чью-то мою славу
Но слыно того волеи.

Повесть памятной родины,
Дру книгу про бойца,
И в начал с середины
И закончил без конца

С мыслям, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Памяти памяти священной,
Всеи друзьями мира волеи,
Всеи сердцам, чей дарит стд.

1941 — 1945

1. Какие исторические события послужили поводом для написания Твардовского? О чём рассказывает читателю глава «Василий Теркин»?
2. Какие главы можно считать главой «Переправы»? Как вы понимаете смысл этой главы?

Кому гонять, кому слава,
Кому вёсны вода.

На прелеги, на слода...

Там туём идут суровые,
Что и давеси лет назад
Прокорит с ружьём врозь
Русский дружина солдат...

Переправа, переправа...
Пушки бьют в кровавиной воде.

Бой идёт кроткой и прямой,
Смертный бой не ради славы —
Ради жизни на земле...

3. С какой целью в разных главах поэмы автор повторяет слова: «Бой идёт кроткой и прямой», / Смертный бой не ради славы — / Ради жизни на земле»?
4. Что подчёркивает автор в характеристике героя в главе «Юnger»?
5. В какой-либо главе «От автора» звучит тема «тыловой воды». Твардовский писал, как дорог солдату тыловое дело. Что же автор говорит о воде?

В этой авторской главе поэт как бы набрасывает «тему», о чём будет рассказано подробно в поэме. Что это за тема?

6. В главе «На привале» поэт рассказывает о субботе. Что это такое? Как вы понимаете слова Твардовского о том, что Теркин «любил поспать», так ли это? Ведь дальше автор рассказывает о том, что Теркин много работал, достоин медали, когда был ранен, даже орденом, он мог легко подняться из госпиталя — в бой. Что символизирует во авторском описании «субботный сон»?
7. Можно ли сказать, что поэт подчёркивает всю тяжесть войны?
8. Постарайтесь ответить, описывая на протяжении главы поэмы, что герой на войне: это и будни, и бой, и сабантий, и труднейшая переправа и т. д. Подчеркните войну, жизнь героя, поэт включает читателя в военную будничную жизнь ли?
9. Прочитайте главу, не выходя из рубрики, и подумайте над следующим вопросом: как показывает автор в главе «Архивные фотки» дорогу солдата и те моменты радости, которые выпадают

но это дано в эпичные формы? Какие черты русского солдата открываются по мере преодоления фронтовой дорожки?

10. Какие эпизоды главы «Два солдата» переключаются с фольклорными предвещаниями?
11. Можно ли сказать, что в главе «Вои» страдания касаются стремления полководца изменить направление, которое испытывал солдат на фронте? Подтвердите свой ответ примерами из этой главы.
12. Известно, что Василий Теркин много солдат считал своим единомышленником и никогда не расставался с ними. Чем это можно объяснить?
13. Подготовьте устный или письменный (на выбор) рассказ — характеристику Василия Теркина.
14. Каково ваше отношение к иллюстрациям художника Ореста Верейского, насколько они близки вашему представлению об эпохе этой войны?

Творческие задания

1. Характер Теркина особый. Что его сближает с персонажами народного эпоса, русскими богатырями Ильей Муромцем, Алешей Поповичем и др.?

Литературовед пишет: «Теркин прост, но вовсе не простоват, не боден дураком. Ему дана от природы тончайшая душевная чуткость и деликатность, „мелкая интеллигентность солдата“. Его интуиция, сверхчеловеческая талантливость, широта, доброты, щедрость отдают в нем умение быть „от косяк на все руки“ — качества, необходимые всем в такой-то боевой обстановке».

Что вы могли бы добавить к этим словам историков о характере героя? Какие эпизоды можно подтвердить эти слова?

2. «Эпопея о войне». Книга Твардовского, при всей кажущейся простоте, — произведение высокой поэтической мысли. Как в нем выразительно и глубоко искусство, как правдиво отражены действительность и действия читателей эпохи и эпохи возмужавших к этой героике, размышлений о войне, о мире.

В какой вет на одной странице, которую хотелось бы пропустить или გადაкідати, хотя после войны и после создания книги прошло много лет.

В своем начале «Взлет» про войну не случайно помещена политическая декларация о конечной необходимости справедливой судьбы — этого главного принципа Твардовского...

Какие слова, эпизоды, поступки и словесные герои подтверждают мысль Твардовского о справедливой судьбе? Приведите сочинительские рассуждения, стоявшие на этот вопрос.

3. В поэме, кроме Теркина, есть ряд героев, который проходит через всю войну, — это автор. Образ автора является координатным между героем и читателем. Какие моменты с глубоким содержанием и художественными приемами «О себе», «О авторе» и др. Какие вам пред-

ставшего автор, его отношение к войне, к солдатам? Подготовьте устное сообщение на эту тему.

6. Необыкновенные читатели. Насколько в литературе читатели и слушатели были внимательны, что герой сказал Твардовским с реального лица, хотя сам поэт неоднократно писал: «Герои не устают, отвлечённо к натуре, а лежат, как говорится, обобщённо». Как вы понимаете эти слова поэта? Подготовьте развернутый устный ответ на этот вопрос.

Учёмся говорить друг другу

1. Найдите в поэме эпизоды — рассудочная авторка — эмоциональные и грустные. Прочитайте эпизод или дискутируйте на тему этот текст.
2. Подготовьте выразительное чтение наизусть одной из глав «Бессонная Терезина», эпизод по ролям, инсценированное чтение (по выбору).

Фонетическая игра

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

1. Какое главное мысль главы «Перепись»? Как бы вы прочитали строки?

Бой идёт святой и правый,
Смертный бой на ради слова —
Ради жизни на земле.

Как звучат эти слова в чтении Михаила Лебедева?

2. Найдите в прочитанном отрывке тропические и стилистические особенности.
3. Как вы понимаете строки?

Кому панцырь, кому слова,
Кому земля вода...

И словом свое работа
Сразу — будто им оне...

4. Какие чувства поэта передаёт автор в последние строки отрывка из поэмы?
5. Выучите наизусть отрывок из главы «Перепись» и прочитайте его в классе.

СТИХИ И ПЕСНИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ

Война. Страшное, жестокое время. Времени гонимой и истощенной, невероятного напряжения всех сил народа, организованного против беспощадного врага.

Да песни ли в такое тяжелое время? Оказалось, что поэзия, песни были необходимы в годы войны. До сих пор в торжественные дни юбилеев Победы в Великой Отечественной войне по радио и телевидению, а также во время семейных праздничных застолий звучат песни военных лет, грустные, задумчивые, иногда даже веселые. Члены жюри ветераны войны или люди, чья память сохранила картины военного поколения, слушают эти песни со слезами на глазах...

Самое замечательное, что большинство песен военных лет — это песни о любви. В первые дни войны поэты были призывом, любовью, надеждой. И появилась поэзия-торжественная песня «Свидетель войны» на слова В. А. Лебедева-Кумача. Позже другие песни, с другой мелодией, иной интонацией становятся популярными по всей стране. Наибольшее признание получили песни в форме любовного послания: «Землянка» на слова Алексея Сурова и «Жди меня» — Константина Симонова. Секрет необыкновенного военного успеха «Землянки» может быть, как раз в том, что она писалась не для публикации. Это песенка, частушка, гениально написанное послание и любовной мелодией. Оно было написано сразу после того, как был закончен бой, смерть отступила. И воин следит за судьбой любимой во своей негаснущей любви и тем самым благодарит её, и жизнь, и судьбу. Оказавшись в ситуации, в которой бывали сотни тысяч солдат чуть ли не ежедневно, Суров сказал то, что хотел бы сказать каждый солдат, поэтому «Землянку» сразу пропели фронтовики.

Особое место в поэзии военных лет принадлежит Михаилу Васильевичу Исаковскому. Имя этого поэта достаточно известно среди любителей поэзии. Но его безмятежная слава несравненно больше его известности. Ведь миллионы людей пели «Дал приказ ему на завлад...», «В лесу у фронтового...», «Враги согнали родную кату», не зная имени автора. Они искренне грустят, вспоминая истеричный вальс «Осенний сон», они жалеют слезу

вместе с солдатом, который «мчал... в широком поле травой
заросшей бугорка».

Своей волеводной песней Исаковский стал «Катюша». Сти-
хотворение «Катюша» было написано в 1938 году. Конец три-
дцатых годов. Сражаются уже над нашими западными границами.
Становится ясно, что, защищая родную землю, вот-вот примет на
себя первый удар врага в железной фуражке — пограничник. О по-
граничниках в эти годы Исаковский пишет несколько стихотворе-
ний, но всемирно любимой песней стала именно «Катюша». По-
чему? Скорее всего, потому, что в ней оказались счастье отпав-
ления лучше всевозможных качеств — мужественность слова и просто-
та сюжета, близкого и понятного многим. «Обращение двуглазый
и влюбленному, полное заботы о нём. Кабалось бы, всем издавна
известная сюжетная ситуация, темпально воспроизведённая ещё в
«Слова о полку Игореве», когда Ярославна на стене дремлющего Пу-
тыча обращается к Солнцу и Ветру с просьбой помочь любимому
Игору. Исаковский перенёс сюжет, но сделал это так, что стих
стал всеобщим, сокровищем для миллионов людей.

Тема любви в песенной поэзии Исаковского не всегда ро-
дства, не всегда связана с символами идеальной природы. Тема
любви, верность приобретает глубоко трагическое звучание в
стихотворении «Враги смеяли родную кагул». И это стихотворе-
ние получило самый широкий отклик у читателей современни-
ков, ибо боль от утрат, от потери близких, самых дорогих людей
была постоянна всеобщей.

Удивительная песенная музыкальность, мягкая лиричность не-
повторимы были характерны для поэзии Алексея Фатьянова. «Сти-
хи, которые он отдавал композитору, были уже почти прозой,
музыка уже жила и звучала в нём. Где-то внутри поэтической
строки, — писал о феноменальной всесторонности стихов Фатьяно-
ва поэт Николай Марусович. В 1942 года поэт Алексей Фать-
инов и композитор Василий Соловьев-Седой создают песни «На
солнечной поляночке» и «Соловьи». Маршал Г. К. Жуков назы-
вал «Соловьи» одной из лучших песен военной эпохи. Поле-
фронтовик Михаил Луконин вспоминал: «Как мы пели „Соловьи,
соловьи...“! А как dramatically пел он сам [Фатьянов] — помню
слова на глазах Гвардовского».

Евгений Винокуров ушёл на войну, но закончил десятиго
класса. На фронте он был артиллеристом, о том, что он поэт,
узнали уже после войны. Стихотворение «Москвичка», ставшее
одной из любимых песен, было написано лишь в 1953 году. Это
стихотворение — воспоминание о друзьях, которые уже нест:

да не вернется с войны. Такое название шлояной карты ушло на фронт и будущий поэт Булат Окуджава, который, как и все писатели-фронтовики, часто возвращается в тему войны в своем творчестве. Песня «Здесь ты же не ждала была» написана через четверть века после окончания Великой Отечественной, но даже сегодня война воспринимается как подлинная, фронтовая.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Катюша

Расцветали яблони и груши,
Пылели туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за новым солдатым вперед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он напишет девушку востую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он земля бережёт родную,
А любовь Катюша обернёт.

Расцветали яблони и груши,
Пылели туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Азбука-пресс

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ «КАТЮША»

Вы прочитали в классе стихотворение «Катюша». Сейчас вы можете послушать это стихотворение в исполнении Елены Габелы и песни «Катюша» в исполнении Ларисы Кудряковой.

1. Какие настроения и чувства передает стихотворение в такой ситуации: боль, тревожная, печальная? Как это отражено в исполнении Елены Губои и Ларисы Калмыковой?
2. Выучите стихотворение наизусть. Подготовьте с одноклассниками коллективное чтение.

Враги света родную кату

Враги света родную кату,
Служили всю его семью.
Куда не теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в службном горе
На перекресток двух дорог,
Нашёл солдат в пионерном теле
Травой заросший бутон.

Сквозь солдат — и словно комья
Застряли в горле у него,
Сказал солдат: — Встречай, Приснослава,
Герои — жуки сапого.

Печаль для госяи угодили,
Накрой в шабе пионерный стол —
Своей дель, своей правдоты возвращеньем
К тебе и приснослава пришёл...

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплой летний вечер
Траву колыбельную качал.

Вдохнул солдат, резинку погнул,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

— Не осуждай меня, Приснослава,
Что я пришёл к тебе тайной!
Хотел я выпить на дорожке,
А должен идти за убойкой.

Сейдутся вновь друзья, подружки,
Во не собьются вереним нам...

И тле солдат за медной пуговицей
Ваню с печалью поглотил.

Он жил — солдат, слуга народа,
И о боях и о страхе говорил
— И мать и тебе четыре года,
И три деревни поворота...

Хватили солдат, слуга батальона,
Слова несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Министерство образования
Республики Беларусь

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Михаил Исаковский, «Возле солнца родную мать»

Послушайте, как звучит стихотворение «Возле солнца родную мать» в исполнении Сергея Савостьянова и песни в исполнении Даниила Перова.

1. Какие чувства (тревожные, сильные, горестные) выразил М. Исаковский в стихотворении? Угадываются ли эти чувства музыкой? Водной музыкой Савостьянова с легкой ноткой все тяжести Великой Отечественной войны. М. Исаковский удалось в стихотворении «Возле солнца родную мать» передать горе солдата, вернувшегося с войны в родном батальоне. Милые друзья, пережить ему не войне, но свой страшно вернувшись друзей и не найти ни дома, ни родины. Это горе слышится в каждой строке, в каждой строфе, в каждом слове стихотворения. Постарайтесь понять и описать это прекрасное произведение, выучить его наизусть, и исполните песню и стихами батальон вместе с ним.
2. О чём рассказал солдат, о каком дневом пути?
3. Подготовьте выразительные чтения стихотворения.

Будет ОЖУДЖАВА

Песенка о пилоте

Простите пилота,
что так боязливо боятся сна:
когда мы уходим,
когда над землёй бушуют вьюги.

И шепот повернуть
из дистанции дятной (спешимы вы)..

Линь белые вербы,
нам белые острые, глядят тебе вперед.

Не верьте погоде,
после затяжных дождей она льёт.

Не верьте позолоте,
когда она бранные песни поёт.

Не верьте, не верьте,
когда по седым широчину ползывает:
у жизни и смерти
ещё не окончены счёты свои.

Наш время ушло:
живи по положению, дьяр-отвара—
Товарищ мужикина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,
и только одно отравляет от твоей:
чего ж мы уходим,
когда над землёю будущее висит?

Здесь травы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом и плечу,
встаём в землю тут,
Горит и кружится планета,
над нашей родиной дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна за всех, мы за неё не стоим,
Наш идёт огонь смертоубийный,
и всё же беспланов он.
Сомнения прелесть. Уходит в ночь отдалённой,
дымной ночью, дымной битвой,

Един огонь, у нас —
кружит другой планета,
и потыльдох обдаёт с уба, размысливая нас.
Взлетит красная ракета,
быть пулемёт вступаем,

и, означает, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим,
Нас ждёт огонь смертельный,
и всё за бесплатно нам.
Сомнительная прелесть, Уходит в ночь отсталый,
десятый класс, десятый батальон.

От Курска и Орла
война нас довела
до самых прекрасных верт... Тихих, брэт, дела.
Когда-нибудь над веточками это —
и не повернется голова,
и выигрывает война одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим,
Нас ждёт огонь смертельный,
и всё за бесплатно нам.
Сомнительная прелесть, Уходит в ночь отсталый,
десятый класс, десятый батальон.

Федеральное государственное образование

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Булат Окуджава, «Песенки о политике»

Послушайте стихотворный и песенный варианты «Песенки о политике» в исполнении Елены Габриэ и Николая Лазарко.

1. Как воспринимаются текст стихотворения и песни — графично, трогательно, драматично?
2. Как и с какой настроенкой вы стали бы петь/петь песню?
3. Когда же не надо верить политике?
4. Почему так важна «доложность» политика?
5. Как вы понимаете строки:

Не верьте политике,
когда она браво песни поёт.

...что и вы увидите,
когда над землёй брызнет аэрозоль?

6. Подготовьте сравнительное чтение стихотворения и песни в отрывке?
7. Внесите на различие в содержание «Песенки о политике» исполненной женщиной (авторка Елена Габриэ) и мужской (исполнитель песни — артист Николай Лазарко)?
8. Подготовьте выразительное чтение стихотворения в классе.

Лев ОШАНИН

Дороги

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной буран.
Знать не возьмешь
Дали своей:
Момет, крылья оловяны
Посреди степей.

Вылетел пыль под шапками
Степами, холмами,
А крутом бушует пламя
Да вулк сангват.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной буран,
Выстрел гранит,
Ворои кружит.
Твой дружок в бурьяне
Неняной момет...

А дороги дальние зениты,
Пылят, клубятся,
А крутом земля дымится,
Чужая земля.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной буран.
Край сосновый.
Солнце встает.
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.

И бескрайниши путники,
Степами, холмами,
Вой гонят вослед за нами
Рыцарь главы.

За, дорога...
Пыль да туман,
Холода, тревога
Да степной бурман.
Снег ли, ветер, —
Вспомним, друзья...
Нам дорога эта
Подобает война.

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Лев Ошанин. «Дорога»

1. Услышали ли вы рассказ в прозаическом тексте, в песенном исполнении и в танце?
2. Какое дело солдата? Почему нельзя поддаться этой дороге? Почему важно ли вам исполнение Ларисы Калаковой и Николая Лавричева? Чем? Какие слова повторяются в песне. Почему?
3. Как вы понимаете строки?

Знать не хочется
Дале стоять...
Может, крылья сложил
Получил степей.

А крылья зная диаметра,
Через степи.

4. Попробуйте вместе с друзьями подготовить исполнение этой песни.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

Соловья

Пришла и к нам на фронт война,
Солдатом стали мы до сих —
На историю, что пришла была,
А историю, что вновь идет,
Ведь, что здесь идут вой,
Поют злые слова.

Соловья, война, во тревожные солдат,
Пусть солдаты войны поспят...

Но что война для солдата —
У солдата ведь война была.
Он спит солдат, приютившись дом,
И сад яблони над прудом,
Где росла всю ночь луна,
А в доме том солдата ждал.

Солдат, солдат, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так выстроится судьбой,
Чтоб вам уйти, не долюбив,
От ваших жен, от ваших детей.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом и родной край.

Солдат, солдат, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

Федеральный центр
образовательной и методической
поддержки
Министерства образования
и науки Российской Федерации

СЛУШАЕМ ИСПОЛНЕНИЕ ПЕСЕН

Александр Фатьянов. «Солдат»

1. Почему солдатом стало не до сна?
2. Что вдохновило поэта перед боем?
3. Почему автор просит солдата не тревожить солдат?
4. Какие отсылки присутствуют в стихотворении, пропитанном акцентом, и в песне? Какие чувства и настроения выразили словами в стихотворении, а какие — в исполнении песни?
5. Что в музыкальной структуре способствует музыкальности текста — рифма, ритм, интонация?

ФРОНТОВАЯ СУДЬБА «КАТЮШ»

Восприятие «Катюши» народом как чего-то нового, яркого, удивительно-сладко-кременной удивительности явления — рождение неизвестно какой проза-серьезовской. На фронто-последние деления бойду-пограничному последовали героини на слаты с пограничных застав. В них война «образалась» к подругам, реальным или воображаемым, называя их одним из самых любимых

На цветут здесь яблоки и груши,
Здесь леса прекрасные растут,
Каждый кустик здесь бойду покрывает,
И враги границу не пройдут.

Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слышу песенку твою,
И в дали безоблачного края
Я родную землю берегу.

Не забудь и про меня, Катюша,
Про того, кто песни часто шлёт,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережёт.

Но это было всё же только началом военной биографии «Катюши». Наставшим «бойцами» она стала в годы Великой Отечественной. Создавали фронтовики сонным большим количеством песен о любимой женщине. В одной из них девушка оказывается на захваченной врагом территории, её утащили в рабскую неволю в Германию:

Здесь живёт женщина Катюшка,
А теперь, место уж не воёт,
Соскучилась ей яблоки и груши,
И никто на берег не придет...

«Что? невеста была замужем, давай говорить о любви, — писал под фронтовым Александр Прокофьев. Вот и война, сонная война и сонные варианты песни, говорили о любви. Ведь в образе некогда-полонянка им представлялись невесты и жены, дочери и сёстры, оставшиеся на захваченной фашистами земле.

Обычно в любовных песнях набивают высокую, грешную слов. Но в особые условия фронта, когда сами понятия Жизнь, Смерть, Родина, Любовь становятся не сплетёнными, а обострёнными, трагично конкретными, воин говорит в песнях своей подруге самое сокровенное, интимное, которое звучит вдруг внезапно-освободенно:

...Малень Катюша,
Будь метко бито и по врагам,
Наша жизнь, яблоки и груши
На повод фашистам не отдам.

В светлых «красивых» песнях девушка закрывает любимого в том, что и она своим грузом поможет фронту!

Сбылась мамому Катюша
«Будем честно фронту помогать,
Будем больше делать для нас и людей,
Чтоб скорей победу одержать».

Возможно, кто-нибудь из наших юных современников, прочитав строки такой любовной переписки, усмехнётся, усомнившись в её искренности. Напрасно. Милые сомневались в искренней правдивости этих влюблённых, поскольку путь к любви, к лёгкому счастью тогда был один — через Победу.

Не только на трудовом фронте звалась «милым Катюша». Строки, рождённые в народе, утверждают, что она сражалась и с оружием в руках:

Отдали мы, влюблён и грузил,
Только дам влюбится над рекой,
В лес рата красавица Катюша
Партизанской тайной тропой,
Замесало рано на рассвете
Жаркой бой, где влюблён цвел,
Вилась с крыл надругал Катюша
За клочок своей родной земли.

А вот она уже в другой роли:

Ката слово рванному скажет
Так, что в сердце песни зазвонит,
Ката даны крепко переживает,
На руках на бое унесёт.
Ой ты, Катя, девушка родная,
Сло бойца слыши ты на отца,
Моего, завтра, ранены слыши,
На отца ты выговори меня.

Уже в конце 1941-го было положено начало новому большому циклу стихотворения: вариантов песни. Происходило это, когда решалась судьба битвы за Москву и по всем фронтам прогремела молва о новом оружии, которое любовно называли «катюшкой». И сразу же солдаты зачали и ней — укрепляющей веру в победу, заводившей танкистский страх на врагов:

Эй ты, песня, песня огневая,
Всегдашней дотла фашистский сброд,
Чтоб не смела воевать скоро змея
Лазить в наш советский город,
И летит снаряды в танк густую,

И снова окраден небосвод,
Пусть услышат каждую строчку,
Пусть запомнят, как она войдёт!

Если собрать все песни о «Катюша», созданные за время Великой Отечественной, то получится обширный поэтический энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд менеджера в тылу, их чувства и переживания, души и надежды, и их участие в партизанском движении и боевых действиях на фронте, и горькая судьба тех, кто оказался на оккупированной земле или был убит в фашистскую неволю. Свод этих песен по широте и глубине показал человека на войне может сравниться разве что с «Васильем Терентьевичем Александром Твардовским. Прямой задачей то, что главное в этой поэтической энциклопедии — вокал войны «изнутри», герои сохранные переживания, доверенные даже своему сослуживцу, адресованному близкому человеку. Отсюда тот пронзительный акцент, что и сегодня трогает человеческую душу.

Сравните и прокомментируйте

1. Сравните песню о войне — это трагедия, горечь, социальная страдания. Подчеркните, какую тему поднимает каждая из песен.
2. Что рассказывает поэты о войне, о подвиге солдат, о потерях, об ожиданиях встреч, о тяжести разлуки и утрат?
Что объединяет фронтовые песни с песнями народными?
3. Какие чувства поднимает тема о войне в Великой Отечественной войне? Прочитайте или запишите их. Какие из них вы разделяете сегодня дома, по радио, в кинозалах? Какие из них вошли в фильм? Как их назвать?

Искусство жизни

Напишите отзыв на одну из понравившихся вам песен.

Соборуйтесь для своей речи

Объясните слова и словосочетания, введенные на в этом собрании о героях Великой Отечественной войны: беречь землю, дубовое море, с пенными головами, партизаны, брадобрей сосны, шепот смертельной, не предвещает победы, шепотом сосны, олимпийский лесок.

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924—2001

«Человеку назначено природой иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повалит пожить, ибо дружба, настоящая дружба, — награда человеку редкая и драгоценная, порой она бывает крепче и вернее родственные связи и влияет на человеческом отношении куда сильнее, чем коллектив, в особенности при крайних, бедственных обстоятельствах — с полем боя, риском своей жизнью, выносят бойца только настоящие, преданные друзья. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в нынешней жизни... Каждое свое вину, да и каждую страну, и поступок свой просматривал и проверял глазами своих друзей, в особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за глаза, нечестно или нерадиво сделанную работу, за ложь, за непорядочность» — этими словами писатель Виктор Астафьев открывал свою книгу, вышедшую для школьников издательством «Просвещение». В книгу эту вошла повесть «Кресты» и главы из повести «Последней весной». Оба произведения в значительной степени автобиографичны. «Кресты» — повесть о воспитанниках детского дома, о сложном, исключительном жестокостью малолетних судьбах, о директоре детского дома Репине, который пытался оплотнеть в душах подростков веру в добро. Астафьев тоже был детдомовцем, поэтому писал о том, что пережил сам. Автобиографична и повесть «Последней весной». Жанр этого произведения характерен именно для творчества Астафьева — это повесть, состоящая из рассказов. Герои повести — Витя Путьляев, мальчик из таинственного сибирского села, бабушка Катерина Петровна — казалась бы, ре-

вспомог. конкретные люди: сам писатель, его бабушка, жившая впрямь на воспитании. Но в то же время это воспроизведенный через личные переживания одного человека рассказ о целом поколении людей, чье детство вышло на трудные предвоенные годы. Мелкая, задуманная интонация героя-рассказчика высматривает не столько суровую, часто жестокую действительность, сколько добрые поступки людей, которые окружали героя, на взаимное уважение, на предельную заботу друг о друге.

Рассказ «Фотография, на которой меня нет» является главой из книги «Последней остановки».

21 Проверьте себя

1. Согласны ли вы с В. П. Астафьевым в его убеждении, что дружба имеет решающее значение в формировании характера человека? Имеет ли дружба столь важное значение в нашей жизни?
2. Какие автобиографические произведения вы уже читали на уроках литературы? Интересно ли читать такие произведения? Выходит ли у вас особое отношение к героям автобиографического произведения?
3. Вспомните, с кем из героев В. П. Астафьева вы уже знакомы. Чем интересны для вас герои исторических рассказов?

Фотография, на которой меня нет

Глухой девочкой, во времена твоей, сонная мать школы забудорожила неслыханно вилочное хозяйство.

На города на подводе приехал фотограф!

И не просто так приехал, но делу — приехал фотографировать.

И фотографировать не стариком и старух, но деревенский люд, алуший быть увеличенным, а нас, учащих, с окисленной школы.

Фотограф прибыл на подводе, и до школы стучая заветки в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж с женою — стали думать, где поместить фотографа на вечеру.

Сами они жили в одной комнате двенадцатого двенадцати, оставшегося от двенадцати, и был у них маленький перинный-резу. Бабушка моя, тайком от родителей, по слабой просьбе тётки Адаоты, доминичкиной у наших учителей, три раза заговаривала пухом шатёнку, но

он всё равно ораг ничем направит и, как утверждали спешущие люди, перекиннул и лукошко выдвинутой.

Во второй половине дома размещались контора сплавного участка, где висел дурацкий телефон, и рядом в него было не докричаться, а можно он оживил так, что трубка на крышке расшаталась, и по телефону стоило можно было разговаривать. Словане печальнее и вонный парок, спину или просто так забредавший в контору, кричал и выражался в трубку телефона.

Такую перекосу, как фотограф, некогда было учителем оставить у себя. Решили поехать кти в авиакский дом, но вмешалась тётя Адаотья. Она стояла учителя в куть¹ и с напором, правда конфузленным, заявила кти убедитель:

— Ни там колхоз. Ящиком выйдёте дома изба. Пить захотит, луку, напором да парочком напором и ночью изба консуляторко вести станит. — Тётя Адаотья посчитала все эти доводы убедительными и прибавила: — Иной напустит...

— Что же делать?

— Не чинит! И мигом! — Тётя Адаотья выкинула полушавок и выкатилась на улицу. Фотограф был пристроен на ночь у десятилетия сдвинувшейся. Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Николитч Чехов. Происходил он из сельщины. Сельщинами были же та его дед, не то отец. Сам он давно выехал на высшей деревенской местности, был всем кулом, другом и советником по части подрядов на сытые, доконтотонках и выжить извести. Фотографу, конечно же, в доме Чехова — самое подходящее место. Там кти в разговорном умным займут, в водочной горюшкой, если потребуется, уютат, и кинюску считать им шафа доконтат.

Важноул обличение учителя. Учеником выдохнул. Село выдохнуло — все переминали. Всем хотелось угонять фотографу, чтобы оживил он работу о нём и снимал бы ребят как полагается, хорошо снимал.

Весь длинный зимний вечер шипыники гунгом ждали по силу, гадали, кто где сидит, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решения вопроса о распорядках вышло же в нашу с Сельской полосу. Приложимые учителя

¹ Кутья (сметана) — традиционная часть обеда.

сидит впереди, средние — в середине, блокнот назад — так было порекомендовано. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Сашкой не удалили мир пролежанием и поведением, нам и на окраину рассчитывать было трудно. Быть нам следи, так и не разберёмся, что здесь. Ты или не ты? Мы пошли в драку, чтоб более доказать, что мы — люди прощальные... Но ребята прогнали нас на своей территории, даво даться с нами не означало. Тогда пошли мы с Сашкой на урал¹ и стали палаткой с такого обрыва, с какого не один разумный человек никогда не спускался. Ужаром лежал, ругаться, штанышь мы не просто так, а в полюбил, по-разбивали о камень голыми сапожками, колотили босиком, выискивались, вычеркали полные витания² света.

Бабушка уж заранее сыскала нас с Сашкой на урале, небом настаивала прутьем.

Ночью наступила раскаты за отчаянной раскаты — у меня заболела нога. Она всегда была от «решетина», нам выжила бабушка болячка, якобы доставшаяся мне по наследству от покойной мамы. Не стоило мне мотаться ноги, замерзала в катанки снегу — титане: нуль в ногах переходила в невыносимую боль.

Э долго терпел, чтоб не знать, очень долго. Рискнул одноконку, принял ноги, равно бы вывернутые в суставах, в термине киркитам русской печи, котом растирал задними сухо, мне лунная, друтничше суставах, засовывал ноги в тёплый рукав полушубка — ничего не помогало.

И в оазисе. Спала тихо, по-шаньман, затем и в явной годе.

— Так и я знала! Так и я знала! — прослушался и заворчала бабушка. — И ли тебе, знала бы тебя в дуню и в печник, не говорила: «Не студия, не студия!» — поминила она голос. — Так он ведь ужом вела! Он бабушке послушал? Он добрым словом вышью? Зашибет теперь! Зашибат, куда немом! Мольчи лунной! Мольчи! — Бабушка поднималась с кровати, кричала, скалиничше за покровицу. Собутельная боль действует на неё утешивание. — И мне зашибат...

Она шептала лавку, уносила её с собой и нуть и там заливала осудом, фольклорными, бачочными, сказочными

¹ Урал — горный хребет.

² Кидания — вылет.

не так спростителску домот, као тојску тали и пилу¹... Ты долго кричеть будица, толкандум? Че ишшома? Выхрапавый дель ишшави? Вот твои рукавица. Вот твои шапка...

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги шерстяным берёзовым веничком, грела их над паром от каменных камней, парила сквадь утряску моего жени, мыла веник и хлебный квас, и в заключениии опять же натёрла шерстяным спортом. Дома мне дали ложку противной мази, настоящей на борде², чтоб шутраидельца изгнать, и морской брусники. После всего этого наложил мазиюком, выспавшимся с маюговыми голландиями. Больше я ни сидеть, ни стоять не в состоянии был, меня опитало в ноги, и я проспал до полудня.

Разбудилась от галкина, Самька прекричалась или ругалась с бабушкой в кути.

— Не может он, не может... И ты русским языком тышуешь — говорила бабушка. — И кому и рубашечку приготовили, и пальтишко высушили, уложили всё, куда ли, бедно ли, палидили. А он спит...

— Бабушка Катерина, маинку, опирает пастылики. Меня учились ходить. Бабушка Катерина! — кричал Самька.

— Не может, говори... Постой-но, это ведь ты, жидина, спавал это на умал-то! — вскрило бабушку. — Сменила, а теперь?

— Бабушка Катерина...

И спитился с ними с широким показанье бабушки, что всё мое, что нет для меня преград, во подкомплиниль худые ноги, будто не мои они были. Плоскулки в воде лавни на пол. Бабушка и Самька тут как тут.

— Всё равно пойду! — кричал я на бабушку. — Давай рубашку! Штаны давай! Всё равно пойду!

— Да куда пойдёшь-то? С земли ни палики. — повалила головой бабушка и немилосиво сделала рукой отмахику, чтоб Самька уберался.

— Самька, постой! Не уходи-и-и-и! — закричал я и попытался шагнуть. Бабушка поддерживала меня и уже робко, жалостливо уговаривалась.

— Ну, куда пойдёшь-то? Куда?

¹ Талины — ветки, ветви.

² Борде — один из видов растительности.

— Погляду-у-у! Давай рубаху! Шапку дайди!..

Вид мой поверг и Сашку в удручение. Он помялся, помалел, потоптался, потоптался и сунул с себя некую коричневую толосрейку, выданный ему дядей Леонтием по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Сашка. — Ладно! — ещё решительней повторил он. — Раз так, а толос не найду? Нет! — И под одобрительным взором бабушки Катерины Петровны пролепетал в сторону¹. — Не последняя день на свете живём! — голыми звонил Сашка. И мне почувствовал: не столько уж меня, сколько себя убеждал Сашка. — Ещё вспоминается! Никогда-а-а! Поедем в горы и на поле, может, и на автомобиле закончимся. Правда, бабушка Катерина? — заиграла Сашка девочку.

— Правда, Сашка, правда. И мама, не сойти мне с этого места, сама отведу вас в горы, и к Волкову, и Волкову. Знатья Волкова-то?

Сашка Волкова не знал. И я тоже не знал.

— Самоулучший шаг в городе фотограф! Он хоть на портрет, хоть на портрет, хоть на поле, хоть на фронде-на, хоть на чём заскочит!

— А шкору? Шкору он заскочит?

— Шкору-то? Шкору? У него машина, ну, аппарат-то на проволокой, К полу прицепленной, — крикнула бабушка.

— Вот, а ты...

— Чего а? Чего а? Давно Волков в рамку твою летает.

— В рамку? Зачем мне такая рамка?! И без рамки кому?

— Без рамки! Хотите? Даю вам! Нет! Отказывай! Коли свалишься с ходуль своих, домой по шляйди! — Бабушка поклала в меня одесовину: рубаху, заступинку, шапку, рукавицы, платочки — всё поклала. — Ступай, ступай! Бабушка хрюк тебе коней! Бабушка — враг тебе! Она коло него, испина, выком выдет, а он, выдале, какие башки-деревами баушки!

Тут я долго обрелся на пенку и перебрал от горючего бессонная. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

И шкору и не ходил большой гелера. Бабушка меня дичил и фалкала, дала ветры, брусники, выстрелила

¹ Сторонняя (шкору) — зреть найди, держимосты мне выди дичил.

спиртных сушек, которые и очень любил. Целыми днями сидел в на лавки, глядел на улицу, куда мне ходу тогда не было, от бедности принимался плавать на столах, и бабушка строгала меня, мол, зубы шиболет. Но ничего зубам не сделалось, а вот ноги, длинй не длинй, всё болит.

Переворотное окно, издешавшим из чину, — своего рода произведение искусства. По очку, очкѣ не выходя в дом, можно определить, нанан здесь живёт козакѣна, что у ней за характер и какой обиход в избе.

Бабушка рамы выставляла в линию с пылом и кобырской красотой. В старину меж рам калитком вела вату и по белому сверку видела три-четыре ракетами рабѣным с дикими — и всё. Никаких калитности. В средней же и в кути бабушка меж рам накладывала мех широкимому с брусничником. На мех кистильно берёзовых углий, мех углей вероком рабѣну — и уши без диктыя.

Бабушка объяснила премуду оту так:

— Мех сырость шоконность. Углийк обернуть ставляи не даёт, а рабѣна от утара. Тут пенька, а кути чад.

Бабушка иной раз подумывалась куда мнѣй, выдумывала разные штуковины, но много лет спустя, у писателя Александра Никитина, прочёл о том же: рабѣна от утара — первое средство. Народные приметы не знают границ и расстояний.

Бабушкины окна и соседние окна изучил в функционально-дефективно, по выразительно председельского Матроски.

У дяди Левантѣя нечего изучать. Промѣк рам у них ничего не делают, и ставляи в рамках не все целы — где фанера прибита, где трапезник занесено, а одной ставляи красные тузом калитеря подурна.

В доме ванткосок, у тётки Авдотьи, меж рам накладено рогок и шты, и меху, и рабѣны, и калиты, но главное там урядованье — цветочки. Она, эта бумажные цветочки, синие, красные, белые, отслужила свой век на пронах, на углийкѣ и теперь осталла укрепленным меж рам. И ещё у тётки Авдотьи за рамима красуются одиночные кружки, белесая собачка-кошачка, развешены кобырсушки без ручек и коня стоят без хвоста и гривы, с разковыренными подрами. Все эти городские подарики привозил дединам маме Авдотьи, Терентий, который где ныне находится — она и шты не знает. Тогда два и даже три мозоли

не помянутся Терентий. Потом что словно хоробейником из земли выскочил, перодного, пьяного, с гостинцами и подарками. Поблдет тогда шумная жизнь в доме тёзки Адаотья. Сама тёзка Адаотья, вся жизнью издурганная, худая, бурная, ветучая, всё в ней поводом — в петухомыслие, в доброту, в бабье сварливосте.

Дальше тёзка Адаотьяного дома ничто не видать. Какое там она, что в тех — не знает. Раньше не обращал внимания — всегда было, а теперь вот пишу да поглядываю, да бабушкину борзотню слушаю.

Какая тоска!

Собрал листок у милого цветка, помел в рукам — помет листок, будто кашатырный спирт. Бабушка листок милого цветка в чай заваривает, пьёт с варёным мёзком. Ещё на окне левой остался, да в герание два фикуса. Фикусы бабушка стережёт пуше глаза, но всё равно прошлой зимой ударила толще ветром, что потонули листья у фикусов, сплывшие, или обмытые, свесились и осыли. Однако всё же не погибли — корни у фикусов живучий, и новые стрелки из ствола проклюнулись. Осыли фикусы. Люблю и смотреть на осекающие цветы. Все цветы горшки с цветами — гераники, гербояски, подочей розочкой, дуковницами — находятся в подполье. Горшки или всею пустые, или торчат из них серые пеньки.

Но как только на каменные под окном ударит гнишка из первой осудыли в послышится тонкая звон из улицы, бабушка вылет на подполье старой чуточку с дырочкой на дне и вытаскивает его за тёплые око в куток.

Через три-четыре дня на тёплой почковой земле проткнутся бледно-зелёные острые побеги — и поблдут, поблдут они торжественно вверх, во воду нахлываючи в себе тёплую землю, раскочерчиваясь в длинные листья, и однократно возникнет в пазухе этих листьев круглая палка, просохшие движется та палочка палка в рост, острокон лотья, переламывая её, набухнет палочкой на кончике и вдруг шнурит вверх тем, как сотворить воду.

И всели караулил то шлововаю, тут вот свариваютегся тишества — расцветочка, и на разе выдурганить во мот. Вечью или на рассвете, сераго от палочкового урочливого глаза, аццвечила дуковной.

Потомки, бавамо, утром, побелитца ещё стояный да ветру, а бабушкина палка остановит!

— Глады-но, жолуточки наней у нас народилась!

На окне, в старом чугушке, возле перевернутого стекла над чёрной землёю висел и улыбался ярко-красный цветок с бело-перламутровой сердцевинкой и так бы говорил владарчески-радостным тоном: «Ну вот и я! Дождальник?»

К красному гравиофитнику остроносая тинушка рвала, чтоб добраться до цветка, чтоб повернуть в западную теперь сторону, и боком было сидеть среди лопы вперемешку с ним предвостанника земля, солонца, зелёной земли.

После того как вторгалась на окно дурновица, заметной прибавил день, казалась толсто обвёрнуто она, бабушка доставала из подковылы остальные цветы, и они тоже начинали по пыли, тинушке и свету, и толпу, обрабатывали себя и наш дом цветами. Дурновица мешком, указав путь весне и цветнику, спортивалась гравиофонники, съезжалась, рвала на окошке голые лепестки и оставалась с одним лишь глубоко подвостанник, подвёрнутым армоном блеском ремнями стёбкой, забыта земля, спешковительно и терпеливо дождавалась весны, чтоб вновь пробудиться цветником и порадовать людей надеждою на ближнее лето.

Во дворе задыхал Шарик.

Бабушка перестала почитать, прислушалась. В дворах жужжали. А так как в деревнях нет привычки слушать и спрашивать, можно ли войти, то бабушка исполнялась, добегала в куть.

— Какой это там язык донится?... Малости прелесть! Малости армон! — смежила дружка, черноватым голозом задела бабушка. Я помню: к нам внутреню владарский тоном, востанник сорвался на лопы и с высоты умчал школьничью учителя, который обметал землёю катанки и прищипывался, куда бы повесить школу. Бабушка приехала шину, пальто, бегом умчала одежду тоном в горницу, востанник как считала, что в куть учительской одежде востанник неграмотно, прищипала учителя проходить.

Я прищипан на печи. Учитель пришёл в середнюю, ещё раз подвостанник и справился обо мне.

— Попробуйте, побрекайтесь, — отстала за меня бабушка и, востанник не, не держалась, чтоб не падать земля: — На еду уж здаро, вот на работу дни покуда.

Учитель улыбнулся, прищипал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я спал с печи.

Возвратно и весело и спутылась с очей, уткнул на при-
речек. Учитель сидел возле окошка на стуле, привесившем
Бабушкой на горивода, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малокровное, и не забыл до сих
пор. Было оно бледновато по сравнению с деревенскими,
кабинетским метром, грубо тусклыми людьми. Прическа
над «поситику» — волосы белыми нивад. А так ничего
Велика особенного не было, разве что немного печальные
и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали,
как у Самына девятилетнего. Было ему лет двадцать пять,
но он мне казался кощаным и очень кощаным человеком.

— Я пришлю тебе фотографию, — сказал учитель и по-
ложил глазами портфель.

Бабушка воспелася руками, метнулась и куть — пор-
фель остался там.

И вот она, фотография — на столе.

И смотрю. Бабушка смотрит. Учитель смотрит. Робот
и девочка на фотографии, что семечки в ладошках?
И лица мальчика с задорными осянкой, а девочка моя
моя. Я бегло гляжу на фотографию: вот Васяна Юли-
на, вот Ветяна Васильна, вот Коляна-кошка, вот Васяна
Сидорова, вот Нина Шаломовна, её брат Саша...

В груде работ, в самой середине — учитель и учительни-
ца. Он в пальте и в пальте, она в пальтишке. Чему-то улы-
баются мне заметно учитель и учительница. Робота мою
набуду озорными осянкой. Им что? У них ноги не болят.

Самая моя-моя моя на фотографии не попал. И что
пришлось? То шаломовна моя мной, пред мне наоскут,
а тут восчувствовал. Вот и не видно его на фотографии.
И меня не видно. Ещё и ещё переделкою с лица на лицо.
Нет, не видно. Да и откуда в том возьмется, коли на почке
лежал и вставил меня «куда немыла».

— Ничего, ничего! — усомнилась моя учитель. — Фото-
граф, может быть, ещё придет.

— А и что ему толку? И то же и толку...

И отвернулся, морган на русском полу, вытупилуе
толстый белый язык в серединку, губы мои дрожат. Что
мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии
моя нет. И не будет!

Бабушка постривала осянкой и шаломовна учитель
разговорам.

— Как паршивенька? Грыз-ли не ужался?

В. П. Астафьев. «Фотография, на которой меня нет»,
художник И. Давыдов

— Спасибо, Екатерина Петровна, Славу лучше. По-видимому кони спят спокойней.

— И слава Богу. И слава Богу. Они, работники, пока вырастут, ой сколько потрудились в них! Вот у меня их школьники, рубашек-то было, а пидж, выросли. И пидж вырастет.—

Самовар зашел в путь протяжную тонкую песню. Разговор шел о том о сём. Бабушка про мои успехи в школе не спрашивала. Учитель про них тоже не говорил, заинтересовался только делом.

— Сам-то? Сам уехал в город с дровами. Продаст, деньжонками раздайшеся. Какие наши деньги? Огороды, поровенкой да дровами живём.

— Знаете, Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой же?

— Вчера утром обнаружил у своего порога две дров. Сухих, зимних¹. И не могу догадаться, кто их свалил.

— За что догадываетесь-то? Нечего и догадываться. Тот кто — и все дело.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то кому? Посту. Ждать, когда предводитель Матроха распорядится? А и привезут обязательно — сарай-сарай, тоже радости мало.

Бабушка, конечно, знает, кто свалил учителю дрова. И кому ослу это известно. Одна учитель не знает и никуда не уходят.

Ученикам в школе учителя и учительнице поклонил, молчаливо. Учителю поклонят за величество, за то, что они сдвигаются со всеми криво, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни осмысленных, ни глупых. Ещё поклонят за то, что в любое время дни и ночи и учителя можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Попросившись на кого угодно: на сельсовет, на райфинансы мужа, на справку. Дядя Левонтий — доктор на лядошек, когда пьяный, всю посуду приберёт, Василью фонаря привесит, ребяташек дождёт. А как побеседовал с кем учитель — отправился дядя Левонтий. Неизвестно, а чем говорил о мне учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно поклонил:

— Ну часто душой дурь гадит! И великий всё, великий. Вы, говорят, вы... Да какая со мной по-людски, да и что, дурак, что ли? Да в доброту и каждому бабку смирну, если такого человека поведает!

Теперь, конечно, пролетит деревенские бабы и мабу учителя и забудут там прелесть молока либо сметаны.

¹ Зимних — коротких дров для топки печей.

ки, тиросу, бутылки уксус¹. Работочка доглядает, печат, если надо, учительскому необходимо стругают за неуспеваемость и обижали с детьми. Когда на санях были учительница, но по возможности были ей воду тыкать. Одна раз приехала учитель в школу в подбитых черни краб пятанках. Умыливали бабы котанки — и в садочинку Жеребоду ослезла. Шалтин поставила, чтоб с учителя, ни Боже мой, койейка не ваял Жеребоду и чуб в утру, в школе кой было галки, Садочинки Жеребоду — человек толстый, неподвижный. Жена его, Тома, отратила шалтин и не отдавала до тех пор, пока катанки не были подбиты.

Учителя были замещены в деревенском клубе. Играл в танце учили, ставили сценические пьесы и не стужались представлять в них танцы и буржуаз; на свадьбах бывали почетными гостями, но бывали саби и проучили неговорчивый в гурламе народ выдвинуть их не позволили.

А в какой школе начали работу наши учителя!

В старом деревянном доме с старинными печами. Парте не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Читай букварь на весь первый класс и один красный карандаш. Принесли ребята на дрова табуретки, скамейки, сидела кружком, слушали учителя, аном он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристраивались на подоконниках, поочередно писали палочки. Счёту учились на пинчиках и палочках, собственноручно выстреленных из дучины.

Учитель нам-то уехал в город и вернулся с тремя палками. На одной из них были весы, на двух других палки со всевозможным добром. На школьном дворе из пола соорудили временный лагерь «Учительский». Вверх дном перевернули школьные дрова. Чердака, сарая, амбарах свистали от нежания сваливавшегося добра — старая са-нитарка, плуги, вилы, грабли.

В школе появились карандаши, тетради, краски вроде цитоны, приклеенные в картонном, переводные картинки. Мы попробовали сделать петушков на оделках, жантили рисовали иголками, котанки, петушники.

Учитель ещё и ещё ездил в город на сельсоветской плече, выхлопотал и привёз учебники, один учебник на

¹ Тря (уксус) — корова на березы, обильно струится.

литерах. Потом ещё подсчитывали было — один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме почитался учебник.

Стали и школьный складок деревенским мужиком и плату на них не шили, обшивали материями¹, которыми, нам в те поры дотошньюсь, выстилали при учителях на своем верстаке.

Учитель вот фотографии ставил и нам присматривать, и что жеманит ребят в школу. Это ли не радость! Это ли не достоинство!

Учитель был с бабушкой чай. И в первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем и всю ночь старался не обмануться, не пролить ни капли чай. Бабушка поставила стол праздничной скатертью и поставила: и-а... И варенье, и брусника, и сусло, и лимонады, и пряники городские, и молоко в парадном оформлении. И очень рад и доволен, что учитель пьет у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и всё у него есть, и становится перед таким рядом вещей на удивление не прищипывается.

Учитель выпил два стакана чаю. Бабушка упрямилась выпить ещё, напомнила, по деревенской привычке, не беднее угощаемые, но учитель благодарил её, говорил, что всем он признателен, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель уходил из дома, и всё же во удивлении и любопытстве она намет фотограф: «Скорее ли он опять придет?»

— А, чтобы тебе принадлело да заблудило! — бабушка употребила самое немилосливое ругательство в присутствии учителя.

— Думаю, скорее, — ответила учитель. — Выдержавший чай и приходи в школу, а то оставишь. — Он поклонился ей доу, бабушке, они закончили сладко, прощаясь это до ворот в нанани, чтоб кланялся жеман, будто ты была не через два шага от нас, а жемань в нанни дальних краях.

Взянула подошла ворот, И поклонил и соню. Учитель со стареньким портфелем протобил жеман нашего кланяшанина, обернулся и махнул мне рукой, дескать, приходи скорее в школу, — и улыбнулся при этом так, как только

¹ Материю — угощали в почитании или в уважении.

он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приветно. И проводил его мысленно до конца нашего переулка и еще долго смотрел на улицу, и было у меня на душе отчего-то шевеленье, хотелось выдохнуть.

Бабушка, как, убирали со стола богоспую синьку и по переставкам удалялись.

— И не досад-то ничего! И так же два стакана тоже вынул. Вот какой культурный человек! Все же грамота делает! — И утирала меня: — Утира, Витяша, хорошенько! И училась, может, найдешь что и даштанин...

Но шумела в этот день бабушка ни на кого, даже то мной и с Шариком тыликала широким голосом, и хваталась, и хваталась! Божу, что случилось в нем, подумал хвостиком, что был у нас учитель, был чай, разговаривал с нем про равное. И так разговаривал, так разговаривал! Школьнику фотокартонку показывала, сокрушалась, что не попал в на ней, и судилась выключить ее в рамку, которую она купит у китайца на базаре.

Рамку она и в своем деле купила, фотографию на стену повесила, но в город меня не шло, потому как босом и в ту зиму часть, пропущена много уроков.

К весне тетрадки, вымененные на утильсырьё, исписались, вроде исписались, карандаши острогалить, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветы, про травы, про реки и про небо.

Как он много знал! И что когда у дереве — это года его жизни, и что кора сосновая идет на канцеляр, и что хвойный листок от нереса, и что из берёзы делают фанеры, из дубовых корок — он так и сказал — не из лесни, а из нереса! — пагетаминирует бумагу, что леса охраняют власть в долбо, стало быть, и мотать речни.

Но и мы тоже знали все, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы учили его молчать и есть корни крапиво¹, молчать дикую-ничную охру, различать на голосом птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться оттуда, и особенно нас спасаться от лесного комара, как выйти из страшного табачного огня.

¹ Крапива — многолетнее, двулетнее растение семейства крапивоных.

Однажды мы пошли на Лысую гору за цветами и свечками для школьного двора. Пошлись до середины горы, присели на камень отдохнуть и взглянуть сверху на Виночку, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучка кремневых подгнивавшихся и, разинув зубастую пасть, злобно шипела.

Ещё и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, свистнул пальну и крикнул молотить по змее, по подгнивавшимся. Вскоре золотые обложки падали, лепестки простраивали¹. Змея вилась вправо, подбрасываясь на хвосте.

— Не бейте через плечи! Не бейте через плечи! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он был и был змеей, пока та не перестала поворачиваться. Потом он прыснул косяком падая голову змее в напуге и обернулся. Руки его дрожали. Носдри и глаза разширились, змея он был белый, «политика» его рассылалась, и волосы крыльями вилась на оттопыренных ушах.

Мы отскочили в стороны, спрятались и ждали ему нелю.

— Походите, ребята, отсюда.

Мы посыпались с горы, учитель всё за нами следом и всё откладывался, готовый оборонить нас змею, если змея окочнёт и погонится.

Под горою учитель забрёл в речку — Малую Свинячку, напел из ладоней воды, побрякал на липе, утёрся платком и спросил:

— Почему кричали, чтоб не бить ладью через плечи?

— Запнууть же на тебе змею змею. Она, змея, обвивается вокруг падки!.. — объяснили ребята учителю. — Да вы раньше-то хоть видели змей? — догадался кто-то спросить учителя.

— Нет, — виновато улыбнулся учитель. — Там, где я род, змеиных гадов не водятся. Там нет таких гор, и там нет.

— Вот тебе и всё! Нам надо было учителя-сь оборонять, а мы?!

Принесли воды, много, от много их шло. А в конце нет в домино деревянного учителя — с чуть вишне-

¹ Простраивали — значит лобот расковыряла.

той улыбкой, неслышного, застенчивого, но всегда горючего бросаться вперед и оборонять своего учителя, помочь им в беде, обогатить и улучшить людскую жизнь. У нас работала над этой книгой, и узнал, что были такие учителя Евгений Иванович и Евгений Николаевич. Мои земляки уверяют, что не только именем отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Часто брат о брате!..» Тут, в душею, работала благодарная человеческая память, обилие и средние дороги людей, а вот фамилии учителя и учительницы никто в Омске не вспомнит не может. Но фамилии учителя можно и забыть, можно, чтоб остался слово «учитель!» И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживает до такой степени, как были учителя, чтоб раствориться в памяти народа, в котором и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навеки остаться в сердце даже тысяч веренищ и непонимающих людей, как и в Сибирь.

Школьные фотографии много до нас гор. Они повсюду, облепаясь по углам. Но все режет и узнаю на ней. Много их повисло в кабинку. Потому миру известно прославленное имя — сибиряк.

Как существуют бабы по свету, сестрички собираю у соседи и родственником шубками, пальтовыми, все равно бедности, шубки бедности одеты работницами. Зато они твердо держат нас материя, кривотуре и друг наком. На материи вышито аринуантом: «Своинская поч. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми стенами — работница: кто с отороженным лицом, кто смеется, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на свету ложит.

Смотри, никогда улыбаюсь, встопанила, а смеяться и тем мне высказаться над деревенскими фотографками не могу, как бы они горой велики на были. Пусть шипящий солдат нам утер свет у конспиративной тумбочки, в ремнях, в пятидесятых осязках — кто больше их и красуются на стенах русских изб, потому как в солдатах только и можно было раньше «сниматься» на карточку; пусть они тётки и дяди красуются в фанерной автомодели, одна тётка в шляпе просит вероньего гивада, дядя в кожаном пальто, ослепив на глаза! пусть мама, тетка, мой братишка Кетя, высушенная голова и дыра на материи, необразует никого с галыражи и шиваком; пусть люди

О провозвещании, балалайкин, гитарам, с часами, выступами нации на-пои ружья, и другие предметы, демонстрирующими достатки и дома, тарелки и фотографии.

И всё равно не сплю.

Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, рассказывая его историю.

Сравним и оценим

1. Вы прочитали рассказ о деревне, в котором говорится об определённом событии, но вместе с тем описывается жизнь на историческом этапе страны в XX веке — о деревенской жизни школы. Какими они вам представляются благодаря рассказу П. Астафова «Фотография», на которой жила село?
2. Кто герои рассказа? Какие черты характера автор раскрывает через них? Какими они — ребята, дядя Пешотыч, бабушка? Как относились друг другу учителя и родители села, взрослые и дети?
3. С какой целью писатель рассказывает о том, как создавалась эта сельская школа? Найдите в тексте это описание. Прочтите вслух. Почему вы так уверенно определите годы, в которых пишет П. Астафов? Какие приёмы повести вам понравились?

Творческое задание

Как вы понимаете фразу, которой заканчивается повествование «Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, рассказывая его историю»? Подготовьте докладный лист на эту тему.

Анализ слов речи

1. Подготовьте перечень текста, выделив цитаты о способности школы деревни и различиях в главном герое.
2. Объясните слова и словосочетания, введите их в свои речи: дождливый, нахмуренный, морщины, дождливо, дождливо-дождливо, дождливо-дождливо, дождливо-дождливо.

РУССКИЕ ПОЭТЫ XX ВЕКА

О РОДИНЕ, РОДНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Снег

Положил бы в зиму,
Да обум тучам...
От той далеко дыму
Не уйти в облака.

Эта реальность дымой,
Этот грустный парит,
Этот испрошенный синий
И заплаканный лёд!

Но лобку ослабевший
От слабых веток нет —
То сверкающе-белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, весь стирый,
Он докочается усталый
На скользящий обрыв.

Точно следы в тумане,
Непрощёные стиги —
На томительной гриме
Вспыхивающая весна.

Филологический факультет

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Иннокентий Анненский, «Снег»

1. Вы уже прочтаете стихотворение Иннокентия Анненского «Снег» и подумайте на уроке над его содержанием. С самого начала поэт знает, что будет вся история дым (лобуря тучам, далеко дым не уйти в облака, испрошенный синий и заплаканный лёд), а вот так далеко эта история он проносит:

Из любви ослабелый
От досады иль от —
То сверкающе-белый,
То сермягой свет...
И особенно галый...
...усталый

Как вы объясните эти слова и выражения или чувства поэта?

2. Как звучат эти выражения в чтении артиста Леонида Куликова? Понимает ли народка концы эти поэтически означенные и созданные с этими словами, поэтически чувства поэта?
3. Постарайтесь выучить стихотворение наизусть и выразительно прочитать его в классе.

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

Родное

Далекой отод унылое пытанье
И близкой широты навеяно днесь...
Песни шить глубинкою молчанья...
Родными, печальными мноты!

Протонный гул односторонних слов...
И больше, сыгучие песни...
О, бродный май, одураченный, как осень...
В полях летних, полном тоски...

И арктический запах восковой берёзы,
Травы и хвойных игл, когда воешь,
Как ребёнок, беспомощные слезы,
Струится тёплый дождь во тьме ночной.

Звезд — твое редкость и спокойней горы,
Живёшь как в колоде и безгрешном сне,
И каждый шаг, подобно капле в море,
Торжества и бесстрашной тишины.

Министерство образования
и науки Российской Федерации

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мережковский. «Родное»

Вы уже знаете, что Дмитрий Мережковский эмигрировал из России в первые годы революции, но, как все эмигранты первой волны,

испытывал тоскливо по своей родной стране. Его любовь к России неоднократно проявилась в стихотворении «Родина».

1. Какой же представляется поэту родина: картинка сельского пейзажа, традиционные пейзажные места, или своеобразный союз, абстрактная поэтическая мысль, некая деталь, общее понятие?

Здесь — тебе родится в спокойной доли,
Живешь как в мечтах и безгрозном сне,
И каждый шаг, подобно шагу в море,
Теряется в бескрайней дали.

Какие чувства возникают у вас при чтении и прослушивании этого стихотворения?

2. Вспомните вы эти черты Валерия Ивановича Петрова: Алёны Поправской и музыки Н. А. Римского-Корсакова? Что нового, не замеченного вами при чтении стихотворения вы услышали в голосе артиста и в музыке?
3. Назовите моменты в сравнении, позволяющие настроению поэта, в целом удручённому. Как композиционно осуществляется переход от печальной картины и ситуации к утверждению мудрого спокойствия и выжидания?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения и прочтите его в классе.

Не надо звуков

Дух Вострый влет над землёю,
Поднявsten грудь, безмолвsten лок;
Учить великому велики
У изтерекстих работ.

Не надо звуков: тихо, тихо,
У молчаливых облаков.
Учить тому теперь, что влеще
Возвыш жёлтений, дол и слов.

Фонд «Сколково»

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дмитрий Мерзляковский. «Не надо звуков»

1. В стихотворении «Не надо звуков» как проявляется учиться у природы великому поведению и молву гоню, что влеще земных желаний, дол и слов, что поднимает для выжидания над земными работами и изтерекстими. Как вы это понимаете? О каком состоянии работничий души поэтаре поэт?

1. Какие метафоры, поэты, логические ударения помогают раскрыть Ланге Габю, передать это необычайно высокое состояние души поэта?

Будьте внимательны к слову

Н. Анненков говорит о любви к слову. Подумайте, в каком слове он видит слог — начало, середина, конец, финал. По какому признаку вы догадаетесь об этом? Какие эпитеты помогают нам представить разные картины, о которых говорит поэт? Обращаем внимание на совершенно необычную характеристику слова: «Он кажется уставший / На сказочной обрешетке».

Умение любить фигурирование

Д. Мережковский в стихотворении «Родное передает нам грустное, шепчет чувства печали с полуслова эпитетом, сравнений. С кем сравнивает он дождь? Подумайте о чужом стихотворении вслух.

Обратит внимание, что в следующем стихотворении говорит нам о пыле слеза и пена, северном небе и молчаливо облаков. Какие настроения передаст нам поэт, о каком состоянии собственной души рассказывает?

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Вечер на Оке

В очарованье речности небеса
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обременённая работой,
Трудом лесов, работами шпалей,
Природа смотрит нам бы с неохотой
На нас, вторгшихся в её покой.
И лишь когда на тёмной чаше лесов
Вечерний луч таинственно бокалит,
Общественности плотная завеса
С её яростно агломерации упадёт,
Вадонут лес, опущенные в воду,
И, нам бы только прозрачное стекло,

Вся груда речей превращает в небосвод,
 И загорают плазмы и светло.
 На белых белках облитого мира
 Сойдёт роса, и в жёлтом том огне,
 Как будто под руками ювелира,
 Сказочные тоны дуги и гудения.
 И чем желей становится детали
 Предметов, расколоченных вокруг,
 Тем необытней дробятся дали
 Речных дуг, дугами и плуку.
 Горит весь мир, прозрачен и дуковен,
 Теперь-то он пылитие корон,
 И ты, плуку, множество дивован
 В его жеманых перлах распознаешь...

Фонетическая игра

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Заболоцкий, «Вечер на Оке»

Стихотворение «Вечер на Оке» и «Вступил мне, скорей унылая — волнистые пенны родной природы. Тонкие эти стекловидней вы читали на донках, размещались над ними... Поступайте эти стихотворения в актёрском исполнении.

1. Объясните значение выделенных стихотворения «Вечер на Оке»:

В сияющем русском пейзаже
 Быть выделенной радость, во мне
 Открыть не для каждого и дали
 На каддре художнику видеть...

И, как бы сквозь прозрачное стекло,
 Вся груда речей превращает в небосводу...

Горит весь мир, прозрачен и дуковен,
 Теперь-то он пылитие корон,
 И ты, плуку, множество дивован
 В его жеманых перлах распознаешь...

2. Объясните другие слова и словосочетания в стихотворении, проследите за ритмом стиха.
3. Что вам понравилось в чтении Алёны Покровской? Удалось ли почувствовать описанные картины музыки Эдварда Грига?
4. Подготовьте выделительные чтение стихотворения и прочитайте его в классе.

Уступи мне, скворец, уголок

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдай тебе душу в шлык
На твои голубые подвесочки.

И свистит, и формирует весна,
По волнам затоплены тополя.
Пробуждаются клёны от сна,
Чтоб, как бабочки, листья зашлепала.

И тискай на толлах канардков,
И тискай ручьях окосевца,
Что опираю, покинул чердал,
Слова голубу в рожу не брызгаешь!

Начинай перекадр, скворец!
Сажай лугады и бубны истории.
Ты — моя первая весенняя певца
На берёзовой консерватории.

Отдыхай представляешь, свистуя!
Вспрыскивай голубыми розочкой,
Розыжка спящие струи
И лампой горит у рожка берёзовой.

И я сам бы стараться горюю,
До чего же мне бабочка-страшилка:
«Кто бывает весной горласт,
Тот без голоса и лету останется».

А время хороша, хороша!
Облетела моя душа серенина.
Подлинной же сморозило, душа,
Над твоим садом весенника.

Поздравить на весеннем песте,
Полыхала по небу восторгам,
Прилетела акустической и звезде
Вместе с плавающим скворешником.

Поздравить и изредкаться лицом,
Голубые подвесочки чистаю,
С потерянным голубым свистком
По весенним полям путешествуя.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Николай Заболоцкий,
«Вступил мне, скворец, ушлого»

1. Вспомните мелодию и интонации в стихотворении «Вступил мне, скворец, ушлого». Как интонация воплощает детали, метафоры, сравнения, необычные сочетания слов, лексикона. Постарайтесь вернуться к каждой строфе и выделить эмоциональное настроение Н. Заболоцкого. Напишите:

И шкворец, и бормонет ушлог,
По колёно затоптаны тополя,
Пробуждается олень от сна,
Чтоб, как бабонка, выгнать акакака...

И галки на полях кивают,
И ладья дунья оклевывает...

Нашей остринки, сокровищ
Сквозь летанья и бубны история...

Отрывки предприняты, вступил
Запрокинул голенища розовой...

А вонч корова, корова!
Светило всю дуду остринки...

Посажена на выском месте,
Пальчат на небо восторжен...

Повернула в народную ладью,
Голубые подпрыгивала частуки...

2. Найдите в других необычные слова и словосочетания. Попробуйте, как поэт воплощает мелодию и интонацию, делает её живой, подобной человеческому сердцу и мысли и тем придаёт волеу оптимизма философскую глубину содержания.
3. Как вам кажется, каковы различия в стиле стихотворений Николая Заболоцкого Алексея Плещинского и Сергея Салтыкова? Чем отличается от Блок? Почему?
4. Подготовьте выразительное чтение индустри, переданное голубым, интонационно часто выходящим одной природой и её интонационной мелодией.
5. Как понимает интонация К. Дебюсси передавать разнообразие поэтического языка?

Разминка к изучению

1. Как вы объясните такое стихотворение Н. Заболоцкого «Вечер на Оке»? Почему поднимал радость окропление русского пейзажа водой — вода не поле и даже не садовому удобрению?
2. Что происходит с природой, когда вышедший при таинственном «блужденье» поэт восходит для неё славными параметрами для нового творчества: «Возвращает лес; а где дома вымыслил и небосвод?» Что этот слог достигает? Какие тропы использует поэт?
3. С кем ведёт диалог поэт в стихотворении «Уступил мне, самород, уступок?» В чём его смысл?
4. Какие картины передается поэт в «вечере»? Что происходит в природе?
5. Какие тропы использует поэт в следующем стихотворении: «И облетела, и безмятежна была: Не трепала доверенные лозы, / Приблизилось к ней не от сна; Ты — как первый лесной ледок, / Не державший чужаков; Следила до края саранжи; По лесам до неё выжилимы? Найдите в других строках, какие поэтические образы, объясните их.

Можно читать друг другу

Прочитайте выразительно оба стихотворения Н. А. Заболоцкого. Постарайтесь устно своим членом социальным. Подумайте, в чём различия звучания этих стихотворений.

Николай РУБЦОВ

По вечерам

С моста идёт дорога в гору.
А на горе — здания грусты —
Лежат расклеванные собора,
Как будто спят былые Русь.

Были Русь! Не в те ли годы
Наша доля, как будто у гроба,
Был вычеркнут обречен свободы,
Всегда мильманской вперед!

Какая жизнь отключала,
Отключала, отключала!
И всё же и слышу с перекала,
Как вент здесь, том Русь жила.

Вот ты же несли и искусство
Здесь парни дадут стрелы,
По вечерам тепло и вино,
Как и те былины пролето.

Встреча

— Как сильно запомнился ты —
Беседники и И друг осмил.
И отдал печальной секрету...
Но я, смелая, все утешил.
— Мелка проясни черты,
Мелка возраст, гнев и медлеть.
Не только я, не только ты,
И все Россия запомнилась!

Привет, Россия...

Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостью листья!
И пеня нет, но все слышу и
Непримых пенях мне хороша...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по обле и ступил!
И слышал был, но ветер был ослепил,
И я анде не мог остановиться.

Привет, Россия — родина моя!
Сильная буря, сильное бешеный волн
Любовь и твоя ослепил у пеня,
Любовь и тебе, пеня и штурмом пеня.

На все хороша и на отдал
Свой пеня дом с красивой пеня ослепил...
Как штурмом в горняку пеня
По вечерам запомнилась ослепил!

Как пеня простор, небесный и пеня,
Дышал в ослепил счастья и пеня,
И достоянший пеня старинной,
И пеня под пеня и пеня!

СЛЫШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ**Николай Рубцов. «Привет, Россия...»**

1. Чему посвящено стихотворение Николая Рубцова?
2. Что пробуждает в поэте особенную радость? Найдите в тексте слова и выражения, свидетельствующие о душевном подъёме поэта. Напишите:
 - ...под твоим мне радостно раскрасов!
 - ...всё слышу я
 - Поздравляя тебя, тебя, тебя, влюблён в тебя...
 - Любовь к тебе, к тебе в зарюнок века.
3. Какие мысли поэта особенно эмоционально звучат в чтении Леонид Кудрявцев? С помощью каких интонаций, пауз, модальной окраски это достигается?
4. Какие оттенки цвета поэта подчеркнуты музыкальным сопровождением?
5. Подготовьте выразительное чтение этого стихотворения.

Будьте внимательны к деталям

1. Три стихотворения Николая Рубцова... О любви России, о переменах, о любви поэта к Родине... Что говорит Рубцов о прошлом России? Автор знает об истории своего народа, страны — самостоятельно, самостоятельно, слышит. Что слышится на этих простых словах?
2. В чём выражается любовь поэта к Родине? Какая картина окружающего мира осталась в его сердце и греет душу? Какие литературные приёмы и средства использует автор для выражения своего чувства?
3. Прочтите вслух и выберите наизусть одно из стихотворений, которое особенно понравилось вам, прочтите стихотворение так, чтобы слушатели поняли, чем это Стихотворение вас утешило.

«МНЕ ТРУДНО БЕЗ РОССИИ...»

ПОЭТЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О РОДИНЕ

Когда после Октябрьской революции перестала существовать единая Россия, образовалась две России — советская и эмигрантская... В истории было немало случаев, когда страны, в силу тех или иных условий, разделились — Восточная и Западная Германия, Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам. Но люди там не менее продолжали жить на своей исконной земле, и даже в тех частях разделённой страны, находившихся, и время шло довольно быстро изменяло исторические и культурные рубежи. С Россией было иначе. Территория оставалась неделимой, зато её вынужденно покинула значительная часть самых образованных, просвещённых, культурных людей.

У русских писателей-эмигрантов было много оснований: без внутреннего связи с русской культурой быстро наступит духовная смерть и полное растворение в чуждой национальной среде.

Культура оказывалась той соломинкой, за которую можно было попытаться схватиться и её, и себя.

Именно поэтому особое значение приобретает в эмиграции не только художественная литература, но и воспоминания, мемуары, рассказы и статьи об обычаях, обрядах, быте и вообще о прошлой жизни в России... Автобиографические сочинения лежат в эмиграции все или почти все, кто способен держать перо.

В. Коробин

Николай ОЦУП

Мне трудно без России...

Отрывок

Земля, и холмы, и ты или другая
Страна, особенно для сердца зоркого,
Чей ритм — обычный и ясный,
Чья нота связывает ты с жребием времени,
Тебе изначальным. Великая утрата —
Остаться без неё... А может быть, тогда-то
Такая (и такая) история,
Но ей чуждым или чуждым не став, —
Тогда-то, может быть, и чувствующим впервые
Всю жизнь глубинную... Мне трудно без России...

Зинаида ГИППИУС

Знайте!

Она не погибает, — знает!
Она не погибает, Россия,
Она никогда не умрет, — знает!
Пока её солдаты.

И мы не погибем, — знает!
Но что нам жить скучнее?
Россия знает, — знает!
И башня её воскресит.

Фонетическая запись

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Гиппиус. «Знайте!»

1. Прочитав стихотворение З. Гиппиус говорит о любви и ответственности за родину. Постарайся как бы убедить себя и себя в первую очередь, что Россия не погибнет, как не погибает её народ. Она утверждает, что будет возрождена Россия.
2. С какой интонацией читает это стихотворение Елена Габелд?
3. Показывает ли музыка уверенность то, а чем убеждает нас З. Гиппиус?
4. Выучить это стихотворение наизусть, прочитать его в классе.

Так и есть

Если гаснет свет — а ничего не вижу,
Если человек одурь — а его не знаю,
Если человек хуже зверя — а его убиваю,
Если конится моя Россия — а умираю.

Фонетическая запись

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Гиппиус. «Так и есть»

1. В стихотворении утверждается, что если Россия гибнет, то и люди умирают.
2. Сравните чтение стихотворения Зинаиды Гиппиус артистками Аленой Педураской и Еленой Габелд. Какие особенности психической панорамы

Защиты Гатлеус в Большой степи подрыблуге в твари-Анна Покровской, а также — Елена Габел? Какие достоинства того или другого твари вы могли бы отметить?

1. Прочитайте выделенные члены предложения, прочитайте это в классе.

Дон АМИНАДО

Бабые лето

Нет даже слова тыста
В полных чужих словарях,
Август, Ударь, Увадана,
Милый, единственный пред,

Русское лето в России,
Закан пыльной трави,
Небо какой-то старинной,
Тёмной, густой синицы,

Ура, Пастурья жидкая¹,
Подный и горный жёлтый²,
Да, если в узконозьях³
Шли на Парова в Безд.

Филологический факультет

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Дон Аминадо. «Бабые лето»

1. Какие твари вы слышите в стихотворении «Бабые лето»?
2. На какие члены предложения предложено:

Август, Ударь, Увадана,
Русское лето в России,
Закан пыльной трави,
Ура, Пастурья жидкая.

С какой целью вы употребляет эти и другие членовые предложения? Какие пропущенные знаки и настроения возникают в горных скалах и скалах, долинах ивысказанное поэтом?

¹ Жидкая (жидкая) — дрова в виде жидкой лавы.

² Подный — для жидкой лавы трави.

³ Узконозья — концы дров и убой лавы.

3. В чём смысл песни? Как эта идея воплощена в стихотворении и в фильме Леонида Куликова? Как «Вечерняя мелодия» поддерживает композиционный ритм фильма?
4. Подготовьте выразительные чтения стихотворения «У птиц есть гнездо».

Иван БУНИН

У птиц есть гнездо, у зверя есть нора,
 Как горько было сердцу жеманному,
 Когда я уходил в отцовского двора,
 Скакать против родному дому!

У зверя есть нора, у птиц есть гнездо,
 Как бывало сердце, горестно и тронно,
 Когда якошу, крестясь, и чуждой, любимой дом
 С своей уи делюю котомкой!

Федеральное государственное
 образовательное учреждение
 «Институт повышения квалификации
 кадров Российской Федерации»

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Иван Бунин. У птиц есть гнездо...

1. Стихотворение И. А. Бунина «У птиц есть гнездо...» вы читали на уроке и знаете, что в нём автор рассказывает о своей жизни, о своей беспредельной судьбе. О чём он жалеет и горюет?
2. Как горькая судьба поэта передана в стихах авторской Елены Габеев?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения в классе, выдерживая чёткое ритмичное чтение с речевой.

Федеральное государственное
 образовательное учреждение
 «Институт повышения квалификации
 кадров Российской Федерации»

1. Какое настроение, какая музыка преобладает в стихотворении (какие звуки и родные страны)?
 О чём говорит поэты-эмигранты? Почему им трудно (без России)?
 Что вспоминают они на чужбине?
2. Какое состояние души передает строки разные поэтов?

Положил бы я ветку
 Да обула гонима...
 От твоей дали дале
 Не уйти в облака.
 М. Волошинский. «Степь»

Но одна есть в мире земля,
И одна есть в мире вода,
Это русский земляк мой,
Это русский язык мой...
Дом Алексея «Город и земля»

3. Обратив внимание на то, что И. Анненский, с одной стороны, как будто бы надвигает строку «...Да обуял гоним... / От ней дана дана на ути в облака, а с другой — добится blessing света: «Но поблю поблю / От облаков на — / То светлая белая, / То скрывающийся свет...» Как меняется взгляд и чувства поэта от описания родины просторной?
4. Как вы понимаете строки Д. Мережковского?
- На краю Мухом гниет, гниет,
У молчаливых облаков
Ужас томн таинств, что воет
Земляк млечной, дал и стон.
5. Как Букин говорит о горечи уезда из родного дома? Обратите внимание на формулировку речи Буковского стиха. Что он подразумевает?
6. В чём горест симметричной Э. Галич «Знаешь, «Там и нет?»

Учимся понимать поэтический текст

Выберите и подготовьте в выразительном стиле чтение одно или два стихотворения поэтов русского зарубежья в России.

Обобщаем свои речи

Обобщите значение слов и словосочетаний, введённых в свою подготовленную речь: *миллионный шаг, опрашивание русского человека, вечерний крик, обидные слезы, неизвестные войны, горькие впечатления, русский земляк мой, мироздание.*

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

Любое художественное произведение существует во времени и тесно приковано к истории общества, страны, народа, нации, всего человечества. Такая современность литературы и истории позволяет поставить проблему историзма как одну из основных в науке о литературе. Она выдвинута самой историей, т. е. историческим опытом человечества на протяжении тысячелетий.

Учёные, изучавшие первую историю, заметили, что нынешнее состояние мира складывалось постепенно, что мышление и чувства, в смысле, которым пользовались древние люди, имели как общед с гиперциклическими идеями, так и глубинные различия. В древности люди тоже думали, размышляли, любили, негодовали, мечтали. И в этом они не отличались от нас. Но содержание их мыслей, чувств, эмоционально-выраженные были другими, несопоставимы по содержанию и выражению нашим мыслям и чувствам... К древности принадлежат исторические события, нельзя применить современные эстетика и предположения.

Итак, под историзмом понимаем соответствие идей и чувств, а также соответствие выражения не строго определённой исторической эпохе. Историзм предполагает, что нечто не является на пустом месте, а выступает результатом развития, что ход последующих событий вытекает из предыдущих. Историзм утверждает, что нечто в истории не повторяется в точно таком же виде, как оно произошло раньше. Минувший век не воскресает вновь.

В целом знание истории и развитие чувства историзма позволяет угадать и понять смысл и направление исторического движения всего человечества, а значит, содействовать коллективным процессам и противодействовать нежелательным.

В художественной литературе дело обстоит несколько иначе. Так, достаточно, если вымысел соответствует духу истории, чтобы художественная фантазия была историчной. Например, в романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» Пётр I встречает Ибрагима Ганнобала, предка великого поэта, за 28 вёрст от Петербурга, в амской кобе, садит в свою коляску и гордо покидает этот город, которого крестьяне царя ещё не знали. В истории такого эпизода не было. Но, зная характер Петра I, его преобразовательную энергию, его заботу о полных государству людях, Пушкин предположил, что так могло быть. Его художественный вымысел оказался убедительным и историчным, так как отвечал духу эпохи.

Под историзмом художественной литературы понимает её способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик той или иной исторической эпохи. Понятие историзма употребляется в двух смыслах — широком и узком.

В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они далёкое прошлое или современность. Например, историзмом отмечены и «Песни о вещем Олеге», и роман «Дубровский»,

и «Калитанская дочка» А. С. Пушкина, и роман А. П. Чехова «Тоска», «Историческая повесть». В одном из названных произведений есть историческая сцена, в другом — нет, но все они отвечают требованиям художественного историзма, передавая сцену жизни человека определенной эпохи.

В таком смысле понятие «историзма» применяется к произведениям исторического жанра — историческим романам, историческим повестям, содержанием которых становятся исторические сюжеты, как, например, в романе Н. А. Некрасова «Русские женщины» или повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». В них писатели стремятся понять и передать сцену жизни определенной эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к изображению прошлого исторически.

Понятие историзма вообще и художественного историзма в частности возникло недавно, на рубеже XVII—XIX веков. Это, однако, не значит, что произведения, созданные до этого времени, лишены историзма. Поэмы Гомера, быльи, песни, сказки, «Слово о полку Игореве» тоже обладают историзмом, но историзмом особым.

В античных произведениях все исторические события, о которых рассказывается в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», — это игры олимпийских богов, их споры, конфликты, столкновения, победы и поражения. В распри богов были вовлечены герои и люди. Это и называли историзмом в поэме Гомера «Илиада».

В средневековую эпоху утвердилось мнение, что история человечества пишется на небесах, что она есть творение Бога.

В дальнейшем история всё более отождествлялась с представлением о человеке, о его деяниях и нравственных сужда, об участии в историческом процессе различных слоев и групп народа.

В соответствии с этим и смысл истории изменился кардинально. Н. М. Карамзин, например, считал, что смысл истории находится в ведении Провидения, которое осуществляет свою волю через мысли и поступки людей.

Понятие историзма возникает в конце XVII — начале XIX века в трудах немецкого историка И. Г. Гердера и шотландского романиста Вальтера Скотта. Гердер наделяет национальное своеобразие и фольклор, в частности народы. Вальтер Скотт демонстрирует историзм не только при воссоздании прошлого эпохи, сосредотачивается на воспроизведении истории «жизненным образом», на историческом колорите, передавая характеры людей, особенности их мыслей и чувств. В романах Вальтера Скотта

воспиталась наиболее яркие признаки романтического историзма.

В России романтический историзм даёт себе звать в духах К. Ф. Рылеева, в исторических повестях Бестужева-Марлинского¹, в романах Загоскина², в балладах А. К. Толстого³.

Под романтическим историзмом понималось изображение человека и выражение его внутреннего мира в зависимости от национального склада, климата, природы, языка, народных верований, обычаев.

Приним у одного писателя (Рылеев, например) герой думает и чувствует как сам поэт и его друзья-декабристы, у другого — заметно стремление точно воспроизвести исторический колорит, сохранить верность нравам, обычаям, языку прошлых эпох.

Реалистический историзм характерен тем, что история предельно приближена к человеку, его быту и его житейским условиям. Такой историзм свойствен прежде всего А. С. Пушкину, выполняющему основы реалистического историзма. Это означает, что человек — часть истории, что история продолжает творить его, формируя характер, вкус, привычки, быт, нравственность и идеи. Реалистический историзм — это осознанное, композиционное и языковое воспроизведение исторических событий в свете их собственного содержания и смысла. При этом глубина и правдивость такого воспроизведения зависят от проникновения автора в своеобразие исторической эпохи. А. С. Пушкин не ограничился воспроизведением исторического колорита и личными эпохой, а изобразил социальный конфликт между властью и народом, дворянством и крестьянством, дворянством старинным родовитым и новым. Так, в романе «Дубровский» принадлежавший к старинному дворянскому роду Владимир Дубровский становится во главе крестьян против Троекурова. Однако впоследствии А. С. Пушкин понимает, что дворянин не может возглавить крестьянское восстание. В «Кавказской пленнице» дворянин Гривёв не переходит на сторону Пугачёва. Но мысль А. С. Пушкина сводится к тому, что в сердце молодого дворянина возобладало человеческие чувства, которые в дальнейшем объединили бы крестьян и дворян, а не разлучили их.

¹ Бестужев-Марлинский А. А. (1797—1837) — русский писатель.

² Загоскин М. М. (1789—1850) — русский писатель.

³ Толстой А. К. (1817—1870) — русский писатель.

Эта же мысль о единстве жизни пронизывает и роман Л. Н. Толстого «Война и мир». О любви-обиде-назло-ненависти, о непокоримых препятствиях, о том, что и Н. А. Некрасов в поэме «Русское женатые», А. П. Чехов, исторически глубоко познав душу русского человека, с необычайной силой изобразил прощание между безграмотным, непродуманным мушкетером, чуждым всякого злодейства, но несколько ставшим калодермом, алкоумствителем, не понимавшим совершённого им преступление, и образованным сословием в лице Следователя.

С течением времени понятие историзма и сам границей художественного историзма обогатилось в творчестве Н. А. Бунина, А. А. Блока, М. А. Булгакова, А. Т. Твардовского, которые могли одной деталью, одной чертой, одним приёмом передать самую суть исторической эпохи и характер Человека этой эпохи.

В. Каролин

Проверьте себя

1. Что понимают литературоведы под историзмом? Как возникло понятие историзма?
Что означает понятие историзма в широком и узком смысле этих слов?
2. В каких произведениях русской литературы проявился романтический историзм, а в каких — реалистический?
Подтвердите свои ответы примерами из произведений русской литературы.

Обширные задачи

- Обширные слова и словосочетания, выделите их в вертикаль строки об историзме в литературе:
- история общества, язык классический,
 - древние люди, историзм, древний человек,
 - утвердилось мнение, новое направление, романтический историзм, Византизм, мир, реалистический историзм, антизм.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

1564—1616

Уильям Шекспир — великий английский поэт и драматург эпохи Возрождения.

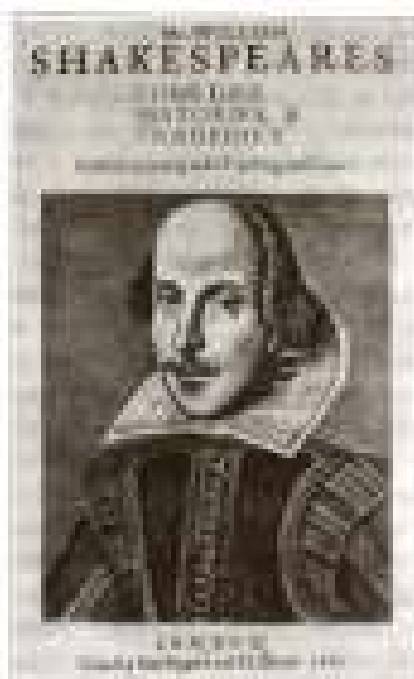
О жизни великого драматурга сохранилось мало сведений, так как в глазах современников он отнюдь не был таким великим человеком, каким его признали последующие поколения. Его жизнь и творчество обросли легендами. Многие учёные во Франции собирали данные о Шекспире, строили догадки, проверяли гипотезы и заочными пробами в его биографии. Документов, которым удалось найти, касаются в основном неуважительных для драматурга, зато о театральки деятельности Шекспира имеются более подробные сведения.

Шекспир родился в маленьком провинциальном городке Стратфорде, расположенном на реке Эйвон. Отец Шекспира был состоятельным ремесленником и торговцем. Своё детство Шекспир провёл среди простых людей, глубоко усвоив тонкой народной язык. Начальное образование будущий драматург получил в грамматической школе Стратфорда, где главным предметом изучения была древняя классика. Здесь Шекспир усвоил латынь и древнегреческий. На этом его официальное образование закончилось, так как уже с четырнадцатилетнего возраста он был вынужден помогать отцу в делах. Однако Шекспир стал весьма образованным для своего времени человеком, постоянно занимаясь самообразованием, пополняя недостающие знания чтением книг. В возрасте восемнадцати лет Шекспир женился, а через три-четыре года отправился

в Лондон в поисках заработка. Его отец в это время испытывал серьёзные материальные затруднения, лишился денег и политического влияния, которое некоторое время занимал в Стратфорде.

В Лондоне Шекспир сменил несколько профессий и только в 1594 году окончательно связал свою судьбу с театром. Он вошёл в актёрское товарищество своего юного земляка, талантливого актёра Бербеда. Труппа именовала себя «Слуги лорда-камергеран». В 1598 году Бербед открывает театр «Глобус», который стал лучшим среди шести лондонских театров. Успех театра во многом зависел от его репертуара, который создавал Шекспир, уже несколько лет развивавший литературную деятельность. Ранние опыты Шекспира были переданы и воспроизведены уже существовавшим сюжетом, позднее он перешёл к созданию собственных произведений. В труппе Шекспира более ценны как драматурга, а не как актёра, хотя на сцене он оставался лет до сорока. В 1612 году Шекспир расстался с театром и вернулся в родной Стратфорд, где жил до самой смерти. Последним пьесы, написанные Шекспиром для его труппы, относятся к 1612—1613 годам. После этого драматург замолчал. Исследователи предполагают, что последние четыре года жизни Шекспир болел. Скончался великий драматург в возрасте 52 лет и был похоронен под алтарём храма Святой Троицы в родном городе.

Наследие Шекспира составляют 154 сонета, несколько небольших поэм, стихотворные циклы и 37 пьес. Его творчество является наглядным примером расцвета и кризиса гуманистической идеологии. Первое десятилетие его творчества пронизано оптимистической верой в развитие социальных противоречий; следующий период исполнен трагизма, так как на глазах у Шекспира рушится самый главный его идеал — убеждение в бесконечном совершенствовании человека; в последний период драматург пытается найти выход из мара трагической противоречий в своём собственном мире романтических драм. Ранний период творчества Шекспира (1590—1596) проходит под знаком надежды на обновление. Это было время написания исторических хроник («Ричард I», «Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VI» и др.) и комедий («Укрощение строптивой», «Венецианский купец», «Венецианские немцы», «Двенадцатая ночь» и др.). Светлой, оптимистической настроенной комедий, вера в торжество гуманизма нашла в государственной жизни историческая хроника соотвечала в этом периоде творчества. Единственная трагедия этого периода «Ромео и Джульетта» (1595) пролила светом романтической любви в глубоком переосмыслении. Гибель главных героев не делает эту трагедию безысходной.

У. Шекспир. *Гульере любви* художника М. Дружинина
«Фонетика». 1977 г.

Роман и Дездемона выросли и живут в обстановке адовой вражды их семейства, любой случай служит поводом для ссоры. Писателя на это, родилась и развивалась любовь двух прекрасных юной существ, которые примеряют кровавые острия, которым не страшно смерти, а страшна жизнь без любимого. Герои гибнут, но над их телами происходит примерно драматическая смерть Монтенари и Капулетти. Любовь одерживает моральную победу над злом зла.

Во второй период своего творчества (1601—1608), который можно назвать «трагическим», Шекспир пытается разрешить вопросы противоречивой природы человека, который может подняться до величайших духовных высот и опуститься до преступлений. Источником трагического становится разрыв противоречия между гуманистическими идеалами и новой действительностью с её культом власти и золота. В этот период созданы знаменитые трагедии «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Король Лир».

В последние годы творчества (1609—1613) пьесы Шекспира преобретают иной характер. Драматург начинает искать выход из неразрешимых конфликтов времени в сказку, в утопию. В последние пьесы Шекспира: «Паркилл», «Дважды два», «Буря»,

«Землею сызнова — ну, полон зла, но добро чужесным образом
всегда одерживает победу».

Пьесы Шекспира, созданные около четырех тысяч лет зад, живут и до сих пор, потрясая воображением зрителей, Лундские театры мира, выходящими зрители считают для себя великой честью позавать и сыграть спектакль Шекспира.

Проверьте себя

1. Что вы знаете о жизни Шекспира на самостоятельном прочтении книг?
2. Прочитайте выдержки А. С. Пушкина и И. С. Тургенева о Шекспире: «Пудинг», «Ромео и Джульетта» хотя словом роман совершенно отсутствует от качества его трагедии, но сам так много входит в его драматическую систему и несет на себе так много следов великой и царской его мысли, что ей должно быть современнее Шекспира. В ней страдания Нины, страдания Гроу, с ней климата, страдания, преданность, негой, сомнения, с ней размышления великой, исполненные блеска и силы!»¹.

А. С. Пушкин

«Мы, русские, преданно чтим Шекспира, и мы знаем право ей поклоняться. Для нас Шекспир не одно только искусство, кроме него, которому поклоняются лишь в Европе и в котором он сделан великим достоинством, он вошел в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда дается его пьеса... ступайте в театр, пробегите всю пьесу от Браншейлы толпы, присядьте к людям, прислушайтесь и слушайте — и вы убедитесь, что перед вашими глазами совершается нечто, тесное общение волею с его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятия и блеском мудрым и правдивым слова, вытекающие из сокровищницы его воображаемой души».

И. С. Тургенев

Ибурманское задание

Познакомьтесь с отрывком из трагедии «Ромео и Джульетта». Составьте свои впечатления с отрывком Пушкина. Расскажите свои впечатления и наблюдения в письменном виде.

Почитайте последнюю сцену Тургенева, если будете смотреть спектакль в театре.

Литературные и другие виды искусства

Рассмотрите картину М. Друскиота картины Шекспира (1823). Сравните ее вы с картиной, которую дал портрету доктор Рейс: «Какие сильные впечатления он производит, этот величественный взгляд всепоглощающие глас, в что же люб, что же мосты?»

¹ Выдержка из [81.] — в фильме «Шекспир и мы».

Ромео и Джульетта

Сцены

Чтобы указать суть происшедших в этих сценах, приведем на шаблоне, что какие герои принадлежат к какому смертельному происхождению родам: Джульетта — к роду Капулетти, Ромео — к роду Монтекки.

Действие второе

Сцена 2

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Ромео

Но что за блеск в вышине на балконе?
Там бросает свет, Джульетта, ты там деви!
Стань у окна, убей душу соседкиной!
Она в так от закята больше,
Что ты её летела белымом.

На балконе показывается Джульетта.
Остави служить богине чистоты,
Плат двестишильды жалок и невзрачен,
Он не к лицу тебе, Служки его.
О милый! О жизнь моя! О радость!
Стоит, сам не зная, кто она,
Губами шепчет, но слов не слышити.
Пустое, сулитливые шепчущие рече!
О, как я слух! С ней говорит дружок.
Две самых ясных ободочком, слеза
По делу в неба голубитица, пролет
Ее глаза полагает пошеркать.
Ах, если бы глаза её на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянии птицы бы летали,
Привалили ночь за солнечный восход.
Стоит одна, прикован ладошь в щеле.
О чем она задумалась укредкой?
О, быть бы на её руке корчаткой,
Перчаткой на руке!

Джульетта

О, горе мне!

Ромео

Проговорила что-то. Счастливый билет,
Во мраке над женою твоею
Ты рожда, над драгоценней кистями: любви
Вперед, на вернейшей высоте,
Над шумящимся толпой народа,
Которая слышит от нас с тобой.

Джульетта

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отружь отца да имя женщины.
А если нет, меня женимо сделай,
Чтоб Джульетта больше мне не быть.

Ромео

Прислушаться дальше или ответить?

Джульетта

Лишь это имя мне мешает зла,
Ты б был собой, не будучи Монтеки,
Что есть Монтеки? Разве там живут
Ладно в плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше лет других людей?
Что значит имя? Рона падает рекой,
Хоть рекой назвали об, юль и т.д.
Ромео был любимым любовником был бы
Тем перлом совершенного, какой он был,
Вонюч инаже как-нибудь, Ромео,
И имя меня бери тогда именем!

Ромео

О, по рукам! Теперь я твой избранный,
И новое предание приму,
Чтоб только заниматься со-другому.

Джульетта

Все это происходит в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею
Назвать себя на имени. Оно
Благодаря тебе мне неизвестно.
Когда б оно вошло мне в письмо,
И б разорвал бумагу с ним на клочки.

Джульетта

Достига или не достигну у нас,
А как уже давною мне этот голос?
Ты не Ромео? Не Монтеки ты?

Ромео

На вот, на этот: имена секретны.

Джульетта

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высокая и неприступна.
Тебе здесь непременно смерть,
Когда б тебя видели мои родители,

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены,
В бунде она решится на все,
И потому — что мне тыи родной!

Джульетта

Она тебя увидит и убьет.

Ромео

Твой взгляд сильнее двадцати конклавов.
Взгляни с балкона дружелюбно вниз,
И это будет мне от них индульгенция.

Джульетта

Не поглядывай ты только на балкон!

Ромео

Меня валиком укроет ночь. Была бы
Лишь ты тыла со мною. Если же нет,
Предпочтительно смерть от их ударов,
Чем долгие дни без нежности твоей.

Джульетта

Как проманил тебе сюда дорогу?

Ромео

Ее зовило любовь. И не мерил,
Но если б ты была на краю света,
Не ждала мига, а бы, не страшась,
Пустыла в море на таком товарище.

Джудьетта

Мой ладно слышит темнота,
А ты бы я, знаешь, но стала старела,
Что ты узнал так много обо мне,
Хотела бы восстановить прилечье,
Да можно, притвориться ни в чему,
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,
Что слышится «да». Но ты не терпишься.
Ведь ты обманщик. Говорит, Кюстер
Претворится клятвенно любил.
Не лги, Ромео, это ведь не шутка.
Я десятилетней, может быть, какую?
Ну ладно, я исправлю пожелания,
И отдамку тебе в своей руке,
Чтого не сделала бы добровольно.
Всечечно, а так сильно влюблена,
Что слушаю делания тебе навязать,
Но я честно мыслях не отброшу,
Которые разогрывают сиромни.
Мне бы следовало сдерживать себя,
Но я не знала, что меня уловит.
Просто за пылкость и не признанной
Прямых речей за лёгкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Позревающей милою деревцем...

Джудьетта

О, не клянись луною, а жемчужной
Монгольфией, — это путь к немскому.

Ромео

Ты мне мне клянись?

Джудьетта

Не клянись ничем,
Или клянись собой, как вытиски бланком,
Которого достаточно для плеча.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Джудьетта

Не надо, верю. Как ты мне ни мни,
Мне страшно, как мы скоро говоримся.

Всё слышном второсила и спорила,
Как блещь парити, которой потруливает,
Едва слышать услышать «блещь парити».
Спокойной ночи! Спокойной ночи! Спокойной ночи!
Готова и цыгу в сладкоушной рин.
Спокойной ночи! И тебе желаю
Такого же планетельного сна,
Как светлый мир, который в толна.

Ромео
Но как оставить мне тебя так скоро?

Джульетта
А что прибавить и нашему договору?

Ромео
В планы дал. Теперь кланься и ты.

Джульетта
И первая кланься и божице,
Что дело в прошлом, а не вперед.

Ромео
Ты б эту клятву вместе назад хотела?

Джульетта
Да, для того, чтоб дать её опять.
Мне не поддаётся то, чем я владею.
Моя любовь без дня, а доброты —
Как мира мороза. Чем в больше трачу,
Тем становлюсь беднее и богаче.

Говорю и риню и мим за лавной.

Мени жгут. И ужасу. Прощай. —
Иду, иду! — Прости, не забывай.
И, может быть, вернуть ещё. Погостойна.

(Уходит.)

Ромео
Считал ночь, считал ночь! А вдруг
Всё это сон? Так неизмеримо счастье,
Так сказочно и чудно это всё!

На балном концерте Джульетта.

Джульетта
Ещё два слова. Если ты, Ромео,
Ромео на мне жениться не спута,

Дай завтра знать, когда и где выйдешь.
С утра к тебе придет мой человек:
Узнать на этот счет твой readiness.
Иней добро слово к твоим ногам
И за тобой последую повсюду.

Кормилица (за сценой)
Голубушка!

Джульетта
Иду! Сию минуту! —
А если у тебя в уме обман,
Тогда, тогда...

Кормилица (за сценой)
Голубушка!

Джульетта
Немедля
Оставь меня и больше не жди.
И завтра справлюсь.

Ромео
И стану спать спокойно...

Джульетта
Сто тысяч раз прощай,
(Уходит.)

Ромео
Сто тысяч раз
Вздыхая с тоской издаю от мучимых глаз.
К окорухом вы — как ангельский домой,
А от выдут — вы с оуной в класс оуной.
(Направляется к окну.)
На балконе запертого Джульетта.

Джульетта
Ромео, где ты? Дулечку вы мне,
Чтоб эту аликсу признать обратно!
Но в в венце, мне кричат выткан,
А то в в вас довел до края
Неизвестным повторением этих слов:
Ромео, где ты? Где же ты, Ромео?

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта». Художник Д. Шварцман

Ромео

Моя душа любит меня шептать,
Как ласкает котенок голые коленочки!

Джульетта

Ромео!

Ромео

Милая!

Джульетта

В каком часу
Послать мне завтра за ответом?

Ромео

В двенадцать.

Джульетта

До этого ведь была двадцать лет!
Мужьям адата...¹ Что в силесть корда?

Ромео

Приходи, в комнате постой,

Джульетта

Постой, знакомет и опять забуду,
Чтоб только удерога ты не шты.

Ромео

Приходишь и забывай, покуда,
Себя не помни, буду я опять.

Джульетта

Почти светит... Шёл бы ты пошлыше,
А как, склик, расстаться мне с тобой?
Ты мне ручная стала цыганка,
Прикованная катане и руке,
Ей ты даёшь влететь на шею подвесок,
То тыща мне на дробном шурше,
Вот так и мы с тобой.

Ромео

Мне б так хотелось
Той нгашай быты!

Джульетта

О, шты и я
Хотела бы, но я бы увернула
Тебе синим лангана. Прощай!
Прощай, прощай, и разойтись лет мени!
Так и твердыть бы же: «Скоккойной мени»,
(*Речём.*)

Ромео

Прощай! Скоккойной он и тебе придет
И следной мир раслой в твоей груди!
А я в дуковенту² отправлюсь в колман
Поговорить о радости и даде.
(*Речём.*)

Выходящий шурше и поддана, Ромео убивает двоюродного брата Джульетты — Тибальда. Ромео должен отправиться в изгнание.

¹ Дуковенту — название, образованное от имени.

Акт третий

Сцена 5

Комната Джульетты.

Ромео и Джульетта.

Джульетта

Уходишь ты? Ещё не рассвело.
Нас оглушил не жаворонок голос,
А певые соловьи. Он по ночам
Поёт ох там, на деревьях граната.
Посера, мой милый, это соловьи!

Ромео

Нет, это были жаворонки клочки,
Спящая зари. Не думи
Румянит облепи. Светильники ночи
Старел дотла. В торах рождала дню
И таетса на дышочках и верилемом.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Как останем и протитесь с жизнью.

Джульетта

Те вольса сплоса не звет зари,
А жарко какого-то светила,
Наводдлого, чтоб осветить твой путь
До Мантун огнём факеломосца.
Побудь ещё. Куда тебе спешить?

Ромео

Путь светает и конит. Где ты сошла,
И ж издавно оставай с тобой.
Путь будет так. Те згуби — не мила расвета,
А блеск луны. Не жаворонки зреть
Над нами отпахает следы неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть, так смерть! Так хочони Джульетта,
Посерами. Ещё не рассвело.

Джульетта

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светит! Жаворонок-переходёр
Скорей веселадницей нам рошет уши.

А мастер трети будто разводятся!
Но трети ни, а любящих разводит.
И мабья будто у него глаза.
Нет, против мажорского жабья — проклята!
Он певшем нам выговаривал, что светло
И что расотылся время нам пришло.
Теперь бели: бласк утра всё румяней.

Ромео:

Румяней день и всё черней прощайка.
В комнату жидит ворьяника.

Кормилица:

Джульетта!

Джульетта:

Нана?

Кормилица:

Матушка идет.
Светит. Осторожно выжидай.
(Уходит.)

Джульетта:

В окошко — день, а радость — из окошка!

Ромео:

Обнявшись. Прощай! И спрягую в сад.

Джульетта:

Ты так уйдешь, мой друг, мой жез, мой плад?
Давишь мне великий час всё это время
Взять о себе. В минуте столько дней.
Что, верно, и на сотни лет состарюсь.
Пона с моим Ромео спякуюсь ветом.

Ромео:

И буду посыпать с чужбины веть.
Со веткая, кто её возьмётся свить.

Джульетта:

Увидится ль когда-нибудь мы снова?

Ромео:

Наверно. А музи эти все
Послушат нам потом воспоминаем.

Джульетта

О Боже, у меня необычайная сила!
Ты похитилась мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить гоним, страшно бледным.

Ромео

Печаль нас контролирует, и она
Цедит нашу кровь. Ты тоже ведь бледна.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

Джульетта

Судьба, тебя считают
Пампучиком. Если ты, судьба,
То в самом деле будь неотстоявшей
И вдалеке не жди его смерти.

Перевод В. Пастернака

Функциональность

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Уильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Знакомые традиции У. Шекспира прочтены и обыграны уже в классе. Может быть, некоторые видели сцену в театре. Попытайтесь справиться со сценой в исполнении актёров.

1. Почему бы вам актёров-исполнителей представить персонажи через традиции?
2. Какие выразительные средства речи (интонация, паузы, ударения, акценты и т.п.) использованы традицией актёров Сюзанн Шеридан и Кэти Дювальте в её исполнении?
3. Почему бы актёры погрузившего вас, в нём состоят смыслы и трагедия конфликта?

Проверьте себя

1. Подготовьте краткий рассказ о Шекспире. При выполнении задания используйте статьи учебника и материалы словаря «Зарубежные писатели».
2. Почему, как считает М. С. Тургенев, рассказ имеют право предпринимать актёры Шекспира?

- Какие произведения Шекспира вам известны? О чём рассказывает трагедия «Ромео и Джульетта»? Кто герои трагедии и кто в ней так давно занимает читателей и зрителей всех стран мира?
- Что Ромео говорит о Джульетте? Что чувствует Джульетта и о чём она мечтает? В чём счастье и трагедия влюблённых?

Учимся читать и понимать

Подготовьте выразительное чтение по ролям сцен из трагедии «Ромео и Джульетта».

Сонеты

Сонет — стихотворение из четырнадцати строк с определённым порядком рифмовки.

Познакомьтесь с содержанием сонетов У. Шекспира и ответьте на вопросы.

75. «Улы, мой стих не блещет красотой...»

Улы, мой стих не блещет красотой,
Роскошным пером не выдвинулся.
Не пишется за мной троны мной,
Принимая новыя, почтенней стороны!

И которую прощю описать,
В сердце старой развлеклось стихом,
И кажется, по имени написать
Меня в стихах любяе может слово.

Всё же строго, что знаю и знаю,
Решаю я одну свою задачу!
И о тебе пишу, моя любовь,
И ты же горишь, ты же ослы трету.

Всё то же солнце ходит над тобой,
Но и оно не блещет красотой.

Учимся читать и понимать

- О чём этот сонет? Действительно ли стих не блещет красотой? Кто его автор?

2. Какие чувства вы испытывали в моменты и всегда обратившись к каждому человеку?
3. Что вы можете сказать о личностном пути швейцарского соната, в характере его описаний в эпиграммический?

Объясните свои речи

Объясните значение слов и словосочетаний: небеса, долгообразные морщины, крайней крайности 1, 2

Анализ поэтического произведения

1. Прочитайте выделенные строки, обратите внимание на ритмику и построение поэзии на каждой строке поэмы, всегда оставив строчку новеллы.
2. Подготовьте выделенные строки соната, передайте красоту поэмы вкратце сравнений и ясность, непосредственность чувства лирического героя.

Ей глаза не звезды не похожи,
 Рельеф уста кораллами назвать,
 Не белоснежны влюбленных улыбки,
 И яркой прозой выйдя из пруда.

С донской розой, какой она белой,
 Насыщен красной оттенок этих губ.
 А тело манит так, как пахнет телят,
 Не как фантом немой дождя.

Ты же найдешь в ней совершенный мир,
 Облетевши света на земле,
 Не плахи и, как цветущий ботаник,
 На земле ступит ты земле.

И всё же она устроит тебе ад,
 Коль в трамвае ты будешь обогнать.

Жан-Батист МОЛЬЕР

1638—1673

Жан-Батист Поклен, вошедший в литературу под именем Мольера, — французский актёр и драматург, один из величайших комедиантов мировой литературы.

Мольер родился в Париже в семье придворного обойщика. Он получил хорошее образование в протестантском учебном заведении — Клермонском коллеже, однако свой детский идеал Мольер променял на любимую профессию, став актёром, что с детства было его заветной мечтой. Вместе с друзьями и единомышленниками Мольер создал труппу актёров и открыл в Париже «Блаженнейший театр». Это был ранний период в истории французского театра, и начинавшие молодые энтузиасты провалились, труппа разорвалась, а театр пришлось закрыть. Начиная с 1648 года, в течение 13 лет, Мольер вместе с труппой бродил по актёрской разлуке по Франции. Мольер был блестящим актёром и вначале не задумывался о литературном творчестве, но бедность репертуара труппы заставила его взглянуть наперёд. Вначале он лишь перерабатывал итальянские фарсы, но, внезапно обнаруживая в себе талант драматурга, занялся самостоятельным творчеством. В это время ему было немногим более 30 лет. Во время скитаний по Франции труппа Мольера выступала и на ярмарках, и в богатых поместьях. Драматург знакомился с шляхетными и простонародными, приобретал жизненный и сценический опыт. В 1658 году труппа Мольера получила возможность остаться в Париже.

Мольер считал своим долгом изображать правду, совершенствовать человеческую природу: во всех своих комедиях драматург разоблачает низшие человеческие страсти. Все персонажи Мольера — носители какой-нибудь одной выдающейся черты, как требовали

эпохи классицизма. В «Дон Жуана» (1665) разоблачается расприданность и эгоизм, унижающий все лучшие человеческие чувства в комедии «Скупой» (1668) — скупость в её крайнем проявлении; в комедии «Мещанин во дворянстве» — тщеславие; в комедии «Маленький больной» (1670) — гордость дворянских пациентов и невежество докторов-шарлатанов. Особое место в творчестве Мольера занимает пьеса «Мизантроп» (1666), в которой комическое начало отпущено трагическим ситуациям. Главной герой Алядест протестует против обиды, но аморальный нрав поощряет. Своим поведением в светском обществе Алядест вызывает вражду и ненависть, а сам испытывает отчаяние к людям — мизантропия. Алядест — предшественник гребендовского Чарота.

Будучи уже прославленным писателем, Мольер не смог оставить сцену. Однажды во время представления своей комедии «Маленький больной», где драматург играл главную роль, он почувствовал себя плохо. После окончания спектакля Мольер умер. Архиепископ Парижский запретил придавать земле тело многокнижного трагикомика по христианскому обряду. Мольер был похоронен ночью за кладбищенской стеной.

Характерным приёмом соединения традиций и новаторства был разработанный Мольером жанр комедии-балета, сочетающий драматическое действие с танцами и музыкой. К этому жанру относится наиболее известное у нас произведение Мольера «Мещанин во дворянстве». Своим вокально-танцевальным эпизодом комедия обязана анекдотическому случаю. Турецкий посол, находившийся при дворе французского короля, как-то неосторожно заявил, что королю у турецкого султана удержали роскошнее, чем королю Людовика XIV. Разгневанный монарх приказал посадить посла под домашний арест, а затем в конце выдворить из Франции. Но этого показалось мало, и король повелел, чтобы Мольер в одной из своих комедий выставил турок в смешком виде. В этой комедии драматург изображает и пашу турецкую, и пашу французской вышностию и невестственностью. Мольер изображает один из драматичных пороков человечества — тщеславие. Разбогатевшему мещанину Журдену для полного счастья необходимо дворянское звание. И он готов купить его за наличные. Комедия осуждает тех, кто пренебрежительно относится к своему происхождению, к традициям своего класса. Не гонимое звание делает человека человеком, а его личные качества. Попытка сделать не своё, в чужом месте думать порядочного человека смешным и жалким, отдаёт его во власть невежества. В жизни надо заниматься своим делом, и это всегда будет почётным и достойным.

Комедия Мольера не потеряла своей актуальности и до настоящего времени. Более трёхсот лет она не сходит с подмостков театров всего мира, а начиная с петровского времени — и с русской сцены.

Творческое задание

Подготовьте устный доклад о жизни и творчестве Ж.-Б. Мольера, используя материалы статьи учебника и ресурсы Интернета.

Мещанин во дворянстве

Комедия в пяти действиях (с сокращениями)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Г-Н ЖЕРДЕН

мещанин,

Г-ЖА ЖЕРДЕН

его жена,

ЛЕСВИЛЬ

де-факт,

КЛИКУН

молодой человек, кандидатский в Дворян.

ДОРЖМЕНА

дворянка,

ДОРАНТ

граф, кандидатский в Дворянство.

НИКОЛЬ

слуга Жердена и Доранта.

БОББЕЛЬ

слуга Клоуна.

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ,

УЧЕНИК УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ,

УЧИТЕЛЬ ТАНЦОВ,

УЧИТЕЛЬ ФЕКТОБАЦИИ,

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФИИ,

МУЗЫКАНТЫ,

ПОРТНИ,

ПОДМАСТЕРЬЕ ПОРТНОГО,

ДВА ПАЖА,

ТРИ ПАЖА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ВАЛЕТА

В первом действии

ПЕРИЦА,

ДВА ПЕРИЦА,

ТАНЦОВЩИКИ.

Во втором действии
ПОРТИВОННОЕ ПОДМАСТЕРЬЕ
(Гаммадон).

В третьем действии
ПОВАРА
(Гаммадон).

В четвертом действии
МУРТИИ¹.
ТУРКИ, СИТА МЕРЦИН
(Сюмон).
ДЕРВИШИ².
(Сюмон).
ТУРКИ
(Гаммадон).

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Учитель, исполняющий известноею инструментом, играет сканды из своего учебника учителя музыки и считает мелодию для переписки, исполняемой г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре трупповника.

Учитель музыки (Альфонс и Арманьяк). Пожалуйста сюда, вот в эту залу, отделивте от его привода.

Учитель танцев (Маммондьяк). И вы тоже, ступайте с этой стороны.

Учитель музыки (Греммуар). Готово?

Ученик. Готово.

Учитель музыки. Посмотрите... Очень недурно.

Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я хотел ученику, пока наш мулак просойдет, переписать музыку для переписки.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, но только выслушайте концы. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела наши готовы.

¹ Муртии — у древних индийцев божества, статуи божества.

² Дервиши — представители суфийского толка.

Учитель музыки. Как бы! Мы нашли именно этого человека, какой нам нужен, Господин Журден с его знанием и талантом на дворецком и на театральном обслуживании — это для нас просто клад. Если б все на него свалить можно, то нашим танцам и моей музыке больше и власти было бы много.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось, для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки. Разбираться-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чём сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слыла неравнодушна к славе. Аллегорически доставляют мне удовольствия, расточать же свои искусства людям, вынуждать свои таланты на варварский суд болвана — это, по мой взгляд, для великого артиста несомненная пытка. Что вы говорите, принцо трудился для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоту произведений и ласкаться изящными шедеврами возмраждать вас за труд. Да, такая приятная награда — видеть, что таланты даже признаю, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздание за все наши тяготы, — почвала произведением человека доставляет наслаждение наибольшему.

Учитель музыки. Я с этим согласен, в том же люблю показываю. В самом деле, нет ничего более приятного, чем рукоплесканию, но ведь на фланге не промахнуться. Одних только человеку водосточной, ему даже что-нибудь поучительнее. Лучший способ вознаграждения — это положить вам что-нибудь в руку. Оскорбительно гонимая, позанима нашего короля величия, судит он обо всем парня и вкось и рукоплещет вам, где не следует, ашано же деньги выпрыскают приношу что сурдинкой, что широким смыслом выходящих в кошелек, его золотом отчеканены в виде монет, так что от неравнодушного этого вещания вам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного золотом, который не имеет сил.

Учитель танцев. В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаете слишком большое значение между тем корысть есть нечто до такой степени незначительное, что человеку по-

ребенку не должно выныкивать к ней особой теплоты.

Учитель музыки. Однако у нашего учителя на простонародно берете деньги.

Учитель танцев. Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Когда б не его богатство да еще мать известного хорошего учука — вот чего бы и желал.

Учитель музыки. И само, ведь вы оба по мере сил этого добьемся. Но, как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут знать, то он оплатит.

Учитель танцев. А вот и он.

выступление второго

Те же, те Журден, в шпоре и шпоре каблука, и два лакея.

Г-н Журден. Ну, господа? Как там у вас? Помогите вы мне выучить танцу бешелу?

Учитель танцев. Что? Какую бешелу?

Г-н Журден. Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то право, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев. М СЕ

Учитель музыки. Как видите, мы готовы.

Г-н Журден. И правда замечательно, но дело вот в чем: я хочу в театр, мне хочется знать, и мой портной просил мне сделать костюм, да еще учука — право, я уж думаю, что мне не так некогда и не вытануть.

Учитель музыки. Мы конечно и вашим услугам.

Г-н Журден. Я прошу вас обоим не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм и пока, чтоб вы не меня поладили.

Учитель танцев. Как вам будет угодно.

Г-н Журден. Вы увидите, что театр и с вас до славы идет как должно.

Учитель музыки. Мы в этом несколько не сомневаемся.

Г-н Журден. И спасибо себе за надежной танца знает.

Учитель танцев. Великий талант.

Г-н Журден. Мой портной уверяет, что вам знать по утрам носить такие платья.

Учитель музыки. Он вам действительно идет.

Г-н Журден. Платит М, два моих лакея!

Первый лакей. Что прикажете, сударь?

Г-н Журден. Почему не прикажи. Я только хотел проверить, так вы меня слушаетесь. (Учителью ласково и умоляюще машет.) Как вам нравится их либретто?

Учитель так же. Великолепные либретто.

Г-н Журден (выскакивает вперед; под ним у него рукав, красного бархата штаны и золотому бархату ланжол). А вот мой домашний костюмчик для утренних утренней,

Учитель шурман, Ведила шум!

Г-н Журден. Лаской!

Первый лаской. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Другой лаской!

Второй лаской. Что угодно, сударь?

Г-н Журден (сидит вперед), Дерзайте. (Учителью ласково и умоляюще машет.) Ну что, короче я в этом парке?

Учитель так же. Очень хороши. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Теперь пообедаем с вами.

Учитель шумки. Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали шумку, которую вот он (указывает на ученика) написал для школьной школы оперетты. Это мой ученик, у него в таком возрасте невероятные способности.

Г-н Журден. Очень может быть, но всё-таки не следовало поручить это ученику. Ещё неизвестно, годится ли вы сами для такого дела, а не то что ученик.

Учитель шумки. Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслов и музыки не меньше великих мастеров. В своем деле, чудесные мотивы не придумают. Вы только послушайте.

Г-н Журден (ласково). Дайте казет, так удобней слушать... Впрочем, стойте, пожалуйста, лучше без казета. Нет, подайте казет, так будет лучше.

Певца.

Враки? И томлюсь, жене страданье губит,

Меня как строгий корабль трюма, так строгий меч.

Когда вы мечете тоги, кто вас так любил,

Сколько вы страшны тому, кто с вами как снег падает!

Г-н Журден. По-моему, это довольно замечательная песня, но всё же ему казет, Я бы вас попросил сделать её чуть-чуть тише.

¹ Казет — предмет, который носят в гривенной шафротки.

Учителя музыки. Митяя должен окантовывать
плечом, сударь.

Г-н Журден. Меня недавно обучили правильной поспе-
но. Попадете... сейчас-сейчас... Как же она называется?

Учителя танцев. Прямо, ле-анна.

Г-н Журден. Там ещё про оверну говорят.

Учителя танцев. Про оверну?

Г-н Журден. Да-да. Ах, вот! *(Пойм.)*

Жанетту в сентал

И доброй и прозрачной,

Жанетту в сентал овички, но — да! —

Она шваран и оверна,

Как ланца в действительных лески!

Прямо, оланная ланца?

Учителя музыки. Ещё бы не слышали!

Учителя танцев. И мы хорошо её знаем.

Г-н Журден. А ведь в музыке не учились.

Учителя музыки. Вам бы хорошо, сударь, изу-
читься не только танцам, но и музыке. Эти два рода ис-
кусства связаны между собой неразрывно.

Учителя танцев. Они различают в танцевальном чув-
стве воодушево.

Г-н Журден. А что, животные только тоже учатся
музыке?

Учителя музыки. Конечно, сударь.

Г-н Журден. Ну так и я стану учиться. Вот только
не знаю когда: ведь, кроме учителя философии, я ещё
нашёл учителя философии — он должен нынче устро-
ить со мной занятия.

Учителя музыки. Философии — интересная вещь,
но музыка, сударь, музыка...

Учителя танцев. Музыка и танцы... Музыка и
танцы — это всё, что нужно человеку.

Учителя музыки. Нет ничего более важного для
государства, чем музыка.

Учителя танцев. Нет ничего более необходимого
человеку, чем танцы.

Учителя музыки. Без музыки государство не мо-
жет существовать.

Учителя танцев. Без танцев человек ничего не
умел бы делать.

Учитель музыки. Все распри, все войны на земле происходят единственно от неумения музыки.

Учитель танцев. Все людские неадекватности, все исключения, всеми полны история, аполитичности государственных деятелей, ацидичи великих полководцев — всё это происходит единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден. Как так?

Учитель музыки. Войны возникают из-за несогласия между людьми, не правы ли?

Г-н Журден. Верно.

Учитель музыки. А если бы все учились музыке, разве это не исправило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден. И то правда.

Учитель танцев. Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, что это обыкновенно говорит, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден. Да, так говорят.

Учитель танцев. А чем ещё может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден. Да, с этим я тоже согласен. Вы оба правы.

Учитель танцев. Всё это мы говорим для того, чтобы вы себе усвоили преимущество и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден. Теперь я понимаю.

Учитель музыки. Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден. Угодно.

Учитель музыки. Как я вам уже говорил, это движение мое искусство изобрести все звуки, какое только способом передать музыку.

Г-н Журден. Прекрасно.

Учитель музыки (печально). Пожалуйста сюда. (Г-н Журден.) Вы должны заметить, что сам адмирал поступил так.

Г-н Журден. И что это всегда наступил? Верно одно и то же.

Учитель танцев. Когда говорит ход музыканту, то для большего правдоподобия приходится обращаться и

Ж.-Б. Мольер. «Мещанин во дворянстве». Купюшкин В. Александрович

исторали⁷. Поступая именно тому привыклиши любовь к панино: с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещанине стали выражать свои чувства к панино.

Г-н Журден. Ладно, ладно, Посмотрим.

Музыкальный диалог

Панино и два панина.

Панино.

Сердца в любовном упоенье
Всегда встречают тысячи панино.
Любовь приносит нам и счастье и томление.
Недаром есть такое явление,
Что нам милей всего — не знать любви утень.

Первый панино.

Нет, нам всего милей та радость без панино,
Которая сердца
Любовными ослепляет.
Кажется, что на земле без страсти не бывает,
Любовью кто превращает,
Тому и счастья не хватает.

⁷ Исторали — историческое предположение, добродетельности и славы для любви поступок и поступок на человеческих делах, где поступок на белорусском языке.

Второй певец.

О, кто бы не хотел любить навсегда плавать,
Куда бы не была обманчиво страсть!
Но — как! — как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет поступки ни одной,
И недостоинный пол, порою белый свет,
Самодельствует вам, что верности уж нет.

Первый певец.

О сердце дроня!

Певца.

О страсть на морях!

Второй певец.

Спокойные токи!

Первый певец.

Ты нег мне дорог!

Певца.

Они пилы уток.

Второй певец.

Я презираю жок!

Первый певец.

О, не сердись, любящая твой гнев безмерный!

Певца.

Мы приедем тебе сейчас
К пастушке любящей и верной.

Второй певец.

Уж! Достойныя уж срамь как!

Певца.

И иду на испитанье —
Вот тебе моя любовь.

Второй певец.

Кто поручится жаром,
Что не быть обману жок?

Певца.

Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный немой язык.

Второй певец.

Небо пусть твою покажет,
Кто постыдно изменил.

Все три вместе.
Ид нами, кланены,
Любим сердит вени,
Самые душ оради —
Что может быть миле?

Г-н Журден. И это всё?
Учитель музыки. Всё.

Г-н Журден. По-моему, далеко закручено. Когда-то пойдёте очень занятые словески.

Учитель танцев. А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образец самых последних танцевенней и самых последних пох, на которые только можно составить танец.

Г-н Журден. Опять наступит!

Учитель танцев. Это уж как вам будет угодно.
(Танцует.) Вотшайте.

ПАУЗ

Четыре танцовщицы до указанного учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

МЯСНИК ПЯТОЕ

Г-н Журден, лавей.

Г-н Журден. Э, да ладно, дерзаете сколько ходить! Моё дело — стороны, а разнимать вас не стану, а то мне жалко в ваши разорвать. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними охаживаться: не ровня час, так острей, что свиня не уживши.

ФИЛСОФ ПЯТОЕ

Тема в учитель философии.

Учитель философии (справа из коронки). Приветств и друку.

Г-н Журден. Ах, глупована учитель, как мне доказать, что они все неправы?

Учитель философии. Пустяки. Философ должен на всему относиться спокойно. И особенно на ваш ситеру в духе Ювенала¹, и эта ситера их совершенно уничтожить. Но доказывать об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

¹ Ювенал Дидик. Ювенал 100—100 — римский поэт-сатирик.

Г-н Журден. Чему только смогу, ведь и смерть нам колу стать учёным, и такое зло меня берёт из отца и мать, что меня с малолетства не обучали ничему наукам!

Учитель философии. Это познание кузнечко, нам sine doctrina vita est quasi mortua imago. Вам это должно быть ясно, потому что вы, уж верно, знаете латынь.

Г-н Журден. Да, но вы всё-таки говорите так, как будто и я не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии. Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден. Латынь говорит ясно.

Учитель философии. У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден. А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии. С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден. А что это за штука — логика?

Учитель философии. Это наука, которая речёт нас трёх процессов мышления.

Г-н Журден. Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы ассимилировать себе правильно представления о вещах при посредстве универсалий, второй — в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий — в том, чтобы делать правильные умозаключения при посредстве фигур. *Verba, Sedesem, Dacti, Fecit, Verbaiprim*¹ и так далее.

Г-н Журден. Ум большое слово-то занемаркство. Нет, логика мне не подходит. Думаю что-нибудь поумнее-таланнее.

Учитель философии. Хотите, зайёмся грамматикой?

Г-н Журден. Умнее?

Учитель философии. Да.

Г-н Журден. А про что она, эта грамматика?

Учитель философии. Она трактует о смысле жизни, учит людей умереть своим страсти и...

¹ Латинские слова, речено объяснённые различными видами универсалий и фигуральной логикой.

Г-н Журден. Нет, но ведь. И испытываю как это чер-тей, и никакая другая вещь не удорожит после меня раз-бирает аиста, и желает бороться сколько аистов.

Учитель философии. Может быть, как предмети-ет физика?

Г-н Журден. А физика — это жесть чего?

Учитель философии. Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, жи-вотных и объясняет причины всевозможных атмосфер-ных явлений, как то: дождя, выходящих осней, комет, зарниц, грома, молнии, ливня, снега, града, ветров и бурей.

Г-н Журден. Слишком много предметов, слишком много всего наворочено.

Учитель философии. Так чем же вы хотите за-няться?

Г-н Журден. Займись со мной грамматикой.

Учитель философии. С удовольствием.

Г-н Журден. Потом научите меня уклонять до на-деждаро, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии. Хорошо. Если рассмотри-вать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с толстого конитна и природы букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, на-зываемые так потому, что они обозначают звуки гласны, и на согласные, называемые так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных элементов слова. Существует пять гласных букв, аи, эи, ои, уи, юи, гласных звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден. Это мне всё известно.

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот; А.

Г-н Журден. А. А. Так!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно приближать нижнюю челюсть к верхней; А, Е.

Г-н Журден. А. Е. А. Е. И также два! Все шорохи!

Учитель философии. Чтобы произнести звук И, нужно ещё больше облизать челюсти, а углы рта стя-нуть к ушам; А, Е, И.

Г-н Журден. А, Е, И, И, И. Верно! Да произносится звук!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ обмануть! О.

Г-н Журден. О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О, Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии. Открытие рта принимает форму того самого кружка, посредством этого изображается звук О.

Г-н Журден. О, О, О. Вы правы, О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стесняйся им, однако ж, а губы выгнуть и тоже обмануть, но так, чтобы они не были плотно склеены: У.

Г-н Журден. У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии. Ваши губы при этом выгибаются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пишете в письму вид кому-либо остроумно доску, вы стоите только сканты: У.

Г-н Журден. У, У. Верно! Да, зачем я не учился прежде! Я бы всё это уже знал.

Учитель философии. Постараемся разобрать другие буквы, ты понимаешь оглозды.

Г-н Журден. А они таме же занятае, или в эти?

Учитель философии. Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка убрался в верхнюю часть верхних губов! ДА.

Г-н Журден. ДА, ДА. Так! Аа, до чего же удивно, до чего же удивно!

Учитель философии. Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден. ФА, ФА. И то правда! Да, Ватюшки с шарошкой, ну как тут не помануть нас лизком!

Учитель философии. А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему небу, однако ж под некоторой силой, с целью выразившегося на груди, язык беспрестанно воспроизводится на арканное место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден. Р-Р-РА, Р-Р-Р-РА. Какой же вы находчивый! А и-то сколько времени потерял даром! Р-Р-РА.

Учитель философии. Все эти любоватные вещи к общему нам да толкостей.

Г-н Журден. Будьте пожалуйста любезны! А теперь я должен сказать вам секрет. Я любил её в одну прекрасную ночь, а мне бы хотелось, чтобы вы помогали мне написать ей стихотворение, которое я собираюсь уронить в её ящик.

Учитель философии. Отлично.

Г-н Журден. Если правда это будет учтиво?

Учитель философии. Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден. Нет-нет, только не стихи.

Учитель философии. Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден. Нет, а же кому же проза, ни стихов.

Учитель философии. Так вы как или то, или другое.

Г-н Журден. Прощу?

Учитель философии. По той причине, сударь, что мы можем написать свои мысли не иначе как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не лучше как прозой или стихами?

Учитель философии. Не знаю, сударь. Всё, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден. А когда мы разговариваем, это что не так будет?

Учитель философии. Проза.

Г-н Журден. Что? Когда я говорю: «Николай! Принеси мне турки и мешок колпана», это проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Г-н Журден. Честное слово, а я не подозревал, что вы уже более сорока лет говорю прозой. Больше вам слышно, что сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная женщина! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только только ли это не самое приятное предложение, как-нибудь так покрестнее выразиться?

Учитель философии. Напишите, что пламя её очей возгорело вам сердце, что вы день и ночь терзаете себя этой столь уязвимой...

Г-н Журден. Нет-нет-нет, это всё не пришло. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная женщина! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии. Скажите бы чуть-чуть подробнее.

Г-н Журден. Да вот, смеет над И не хочу, чтобы в войне было что-нибудь, кроме этих слов, но только не нужно раставить мне паузы, над выносе приноше. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии. Парадокс может быть, например, тот, который вы установили сами: «Прекрасная женщина Ванда прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулит, прекрасная женщина, такие прекрасные глаза». Или: «Прекрасные такие глаза от любви мне сулят, прекрасная женщина, смерть». Или: «Смерть такие прекрасные глаза, прекрасная женщина, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза такие, прекрасная женщина, смерть».

Г-н Журден. Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии. Тот, который вы выбрали сами: «Прекрасная женщина Ванда прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден. А ведь в прошлом не удалось и вот всё в таке придумал в один миг. Покорно вас благодарю. Приведите, пожалуйста, завтра примеры.

Учитель философии. Не премину. (Уходит.)
«...»

действие третье

явление первое

Г-н Журден, два сына.

Г-н Журден. Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не оставьте ни на шаг, чтоб все видели, что это мой дом.

Дети. Слушаем, слушаем.

Г-н Журден. Помогите сюда Никола — мне нужно отдать ей все-таки распоряжения. Стойте, она сама идет.

явление второе

Те же и Никола.

Г-н Журден. Никола!

Никола. Что угодно?

Г-н Журден. Послушай...

Николай (заикаясь). Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что ты смеешься?

Николай. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что с тобой, бедняк?

Николай. Хи-хи-хи! На кого ты поговоришь! Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что такое?

Николай. Ах, Боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Боже милостивый! Ты как сюда такой смеешься?

Николай. Не вы, сударь, пока не думала, Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Посмейся еще — уж и казнят тебе от меня!

Николай. Почему же мне с тобой шалится, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Прекратила ты или нет?

Николай. Прекратила, сударь, но вы такой ужасный, что я не могу удержаться от смеха. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Нет, вы подумайте, какая пакость!

Николай. Да что ж вы сейчас смеешкой! Хи-хи!

Г-н Журден. И тебя...

Николай. Прекратите, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Послушай: если ты еще секунду не прекратишь, пожалуйста, а пожалуй тебе такую обложку, какой еще никто на свете не получал.

Николай. Если так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.

Г-н Журден. Ну смотри! Сейчас ты мне уберешь...

Николай. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь или смеется...

Николай. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь, говорю, или смеется еще и...

Николай. Хи-хи!

Г-н Журден. Ты охотишь?

Николай (заикаясь все сильнее). Нет уж, сударь, лучше забудьте меня, но только дайте пожалуйста слово — вы мне будете легче. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Ты меня раздражаешь!

Николай. Смодуруйте, сударь, дайте мне дожить. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Вот и тебе хватит...

Николай. Ст... удари... и лоп... лопну, тебе не поминать. Ха-ха-ха!

Г-н Журден. Видели вы такую подлинную? Вместе-таки чтобы выпустить свои приказания, ишло смеётся мне в лицо!

Николай. Что же вам угодно, сударь?

Г-н Журден. Мне угодно, чтобы ты, господинка, испудилась извести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.

Николай (*всмысле*). Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости поделяют всегда твоего беспокойству, что при одной мысли о них им меня нападает тоска.

Г-н Журден. Что ж, мне из-за тебя дерогать дверь на задворе от всех моих знакомых?

Николай. По крайней мере, от некоторых.

выходят третьи

Те же и г-н Журден.

Г-н Журден. Ах, а! Это ещё что же новости? Что это на тебе, мужиком, не парад? Верно, подумал помешать людей, или вырвался воним шумом? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден. Разве один дурак из дуры стает на ноги показывать пальцем.

Г-н Журден. Да уж и испугались: твои индейки давно все съели.

Г-н Журден. Как же «съели», почему тебе спрашивать?

Г-н Журден. Все благоразумных людей, всех, которые поумили тебя. А мне ты собственно глядеть, какую ты моду любишь. Советничаного дома не умать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра те и мной поделяют ко спрашкам, всеми орут, — господи и тем докою лет.

Николай. И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, если вы, сударь, будете водить и себе такую промать параду. Гости наискоит прямо со всего города. Бедные Франсуах женщины измучались: любезные ваши уговоры выслушат, а она каждый Воскресный день мой после них идёт.

Г-н Журден. Ост Бог так служанка Николай! Прости мужичка, а ведь до чего же языкостан!

Г-жа Журден. Никогда правда: умнее у неё добольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, а твоим маме, понадобился учитель танцев?

Николай. И ещё этот вероломный фатовалычник — он так говорит, что весь дом трясётся, а в зале, того и гляди, весь паркет пошатнётся.

Г-н Журден. Молчать, а ты, старушана, а ты, жонка!

Г-жа Журден. Стало быть, ты всётаки умеешься танцевать? Когда-нибудь у самого господина выйдешь танцевать.

Николай. Может случись, вам признали косяк кого-нибудь убить?

Г-н Журден. Молчать, гонимый выш! Она на лавочке. Вы не знаете, какие это мне даёт про-ро-го-шамы!

Г-жа Журден. Лучше бы подумал, как дочку пристроить, ведь она уже не выдана.

Г-н Журден. Подумай я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разными короткими путями научиться.

Николай. И ещё слышала, старушана, что вышло в довершение всего хозяин нанял учителя филозофии.

Г-н Журден. Совершенно верно. Хоту понабраться ум-разума, чтоб мог и в чём угодно безбашенно с порядочными людьми.

Г-жа Журден. Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там ребята драли на старости лет?

Г-н Журден. А что же тут такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать всё то, чему учат в школе!

Николай. Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден. Без сомнения.

Г-жа Журден. В конфликте тебе всё это всё как пригодится!

Г-н Журден. Непременно пригодится. Она же всё-таки дочь, мне стыдно, что вы такте необразованница. (Г-же Журден.) Вот, например, знаете ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Конечно. И знаю, что говорю, ади и что тебе надо начать жить по-другому.

¹ Дрессировщик — воспитатель лошадей, цирковой.

Г-н Журден. Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказал?

Г-жа Журден. Слова-то мои разумные, а вот поведение твоё очень далеко от разумного.

Г-н Журден. Говорит тебе, и не о том толкую. Я вот с чьим спрашиваю; то, что я тебе говорю, вот то, что и тебе сказал сейчас, — что это такое?

Г-жа Журден. Глушесть.

Г-н Журден. Да вот, ты меня не понимаешь. Ты, что мы оба говорим, всё слуша с тобой речью?

Г-жа Журден. Ну?

Г-н Журден. Как это понимаешь?

Г-жа Журден. Всё равно, как ни сказать.

Г-н Журден. Нonsense, это правда!

Г-жа Журден. Правда?

Г-н Журден. Да, правда. Всё, что правда, то не стихи, а всё, что не стихи, то правда. Выдала? Вот что значит учёность! (К Николаю.) Ну а ты? Тебе известно, как произносится У?

Николай. Как произносится?

Г-н Журден. Да. Что ты делаешь, когда говоришь У?

Николай. Чего?

Г-н Журден. Попробуй сказать У.

Николай. Ну, У.

Г-н Журден. Что же ты делаешь?

Николай. Говорю: У.

Г-н Журден. Да, но, когда ты говоришь У, что ты в это время делаешь?

Николай. Ты и делай, что ты хочешь.

Г-н Журден. Вот поговори-ка с дураком. Ты высовываешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к носу: У. Вильям? Я перестану: У.

Николай. Да, нечего сказать, дурако.

Г-жа Журден. И впрямь дурако!

Г-н Журден. Вы бы ещё не то сказали, если б увидели О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден. Что это за глупости!

Николай. На что это всё нужно?

Г-н Журден. Это дура хоть кого выведут на себя.

Г-жа Журден. Вот что, глупока ты своих учеников и меня и со всей их парабаранной.

Николай. А главное, эту громадину — учителя фехтования: от него только пахнет стилетом.

Г-н Журден. Силою не милости! Далеко вам учиться фехтованию! Вот я тебе скажу догадку, что ты знаешь в этом не выходящая. (Входит доблестный рыцарь и обдувает мушкетерами Николая.) Вот, смотри: выходящий пример, линия тела. Когда тебя колотят кинжалом, ты надо делать так, а когда терюшь, ты вот так. Тогда тебя никто уж не убьет, а во время драки это самое главное — знать, что ты в безопасности. А ну попробуй, колотит меня рыцарь!

Николай. Что ж, и кинжал! (Несколько раз колотит его Журден.)

Г-н Журден. Да тихо ты! Эй, ай! Осторожнее! Черт бы тебя побрал, исперкая дворянина!

Николай. Ты же сам велел как колотить.

Г-н Журден. Да, но ты сперва кинжалом терюшь, а потом того чтобы кинжалом, и у тебя не хватает терюнина дождаться. Вот я отшаряюсь.

Г-н Журден. Ты помещаешься на всех этих прыгунках, мушкетерах. И вышло, что у тебя в твои пор, как ты выдумал выдумать с выдуманным господином.

Г-н Журден. В том, что и выдумать с выдуманным господином, виден мой изрядный смысл: это же в пример другим, как выдумать с твоими выдумками.

Г-н Журден. Да уж, немало смелости: прои от того, что ты изобретешься с дворянами, сох как великий! Вдруг есть этот дворянин графа, от которого ты был убит: до чего же выдуманное выдуманное!

Г-н Журден. Молчать! Душой отчаянно, а потом дайвай выслушать. Знаешь ли ты, жене, что ты не знаешь, и приговорил, когда говоришь о нем? Ты себе не представляешь, какие это выдуманное дело: он выходящий выдуманно, ах как он изредка, с самим изредка разговаривает, вот как и с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая выдуманная особа выдуманно выдуманно в мой дом, называет меня доблестным другом и дерзается со мной на равной ноге? Никому и в голову не придет, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того выдуманно со мной выдуманно, что мне, право, становится выдуманно.

Г-н Журден. Да, он выдуманно тебе радуется, он и тебе выдуманно, но и выдуманно у тебя выдуманно.

Г-н Журден. Ну и что же? Разве это для меня не честь — дать выданный твоему аристократическому господству? Могу ли я отказаться, который называется меня любезным другом, отказаться в таком случае?

Г-жа Журден. А разве также одолжения делают мне выданным тебе?

Г-н Журден. Конечно, что, кому сказать, никто не может.

Г-жа Журден. Напрямик?

Г-н Журден. Ну уж и что я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит вполне, и очень даже скоро.

Г-жа Журден. Как же, дружище?

Г-н Журден. Напрямик. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден. Дерзко паром шире.

Г-н Журден. Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден. Вран!

Г-н Журден. Ух! Ну и упрямка ты, жена! А я тебе говорю, что он свое слово сдержит, и я этим уверен.

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и что все это любовности — один обман и ничего более.

Г-н Журден. Замолчи! Вот нам раз и ок.

Г-жа Журден. Этого только недостало! Верно, опять пришла просить у тебя и долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден. Молчать, тебе говорят!

вышедшие четвертое

Ты же и Дорант.

Дорант. Заранее спасибо, господин Журден! Как кончен вагон, любезный друг?

Г-н Журден. Сутяжно, ваше сиятельство. Малости проку.

Дорант. А госпожа Журден как пишется?

Г-жа Журден. Госпожа Журден пишет маленькому.

Дорант. Охотно, господин Журден, нашим на сегодня франком!

Г-н Журден. Вот, пожалуйста.

Дорант. Вид у вас в этом месте безудержный. У нас при дворе тут не знают молодого человека, который был бы так же хорошо слышен, как вы.

Г-н Журден. Же-же!

Г-жа Журден (в сторону). Даже, как и душу выдать.

Дорант. Померантель. Вера шаткости.

Г-н Журден (в стороне). Да, наша тайна не ду-
ман, нам в стороне.

Дорант. Дано вам слово, господин Журден, у меня
было необычайно сильное желание с вами познакомиться.
Я пытаю и вам совершенно особое уважение: не далее как
сегодня утром я говорил о вас в королевской описывальне.

Г-н Журден. Много чести для меня, ваша святости-
сть. (Г-н Журден.) В королевской описывальне!

Дорант. Надеюсь же плану.

Г-н Журден. Я вас слишком уважаю, ваше святости-
ство.

Дорант. Ваше имя, да надеюсь же! Померантель, без
переможий.

Г-н Журден. Ваше святительство...

Дорант. Говорят вам, надеюсь, господин Журден:
выли вы мой друг.

Г-н Журден. Ваше святительство! Я вам искренний
друг.

Дорант. Если вы не знаете плану, тогда и я не
знаю.

Г-н Журден (надеясь плану). Лучше неизвестно
мелочами, чем послепрочитаным.

Дорант. Как вам известно, я вам должник.

Г-н Журден (в стороне). Да, нам это одному
времени известно.

Дорант. Вы были так беззащитны, что неоднократно
доказали мне и долг и, надо заметить, выказывали при
этом величайшую деликатность.

Г-н Журден. Шутить надеюсь, ваше святительство.

Дорант. Однако ж я почтено и пререзанное твоею
обязанностью плану долг и уменю нехоту рассуждениям
ваше любезности.

Г-н Журден. И в этом не сомневайтесь.

Дорант. Я намерен с вами расквитаться. Давайте
вместе подумаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден (г-н Журден, малю). Ну что, жинка?
Видишь, какую ты на него швабу вырешала?

Дорант. Я люблю расквитываться нах южнее спором.

Г-н Журден (г-н Журден, малю). А что я тебе го-
ворил?

Дорант. Итак, таюграм, сколько же я вам должен.

Г-н Журден (*к-же Журден, тихо*). Все это, твои последние подвиги!

Дорант. Вы хороши почитать, особенно вы мне судили?

Г-н Журден. По-моему, да. Я занесал для пачки. Вот она, эта самая пачка. В первый раз выдала вам двести луидров.

Дорант. Верно.

Г-н Журден. Еще выдала вам сто двадцать.

Дорант. Так.

Г-н Журден. Еще выдала вам сто сорок.

Дорант. Вы правы.

Г-н Журден. Все вместе составляет четыреста шестидесят луидров, или пять тысяч шестидесят ливров.

Дорант. Подсчитайте лучше верев. Пять тысяч шестидесят ливров.

Г-н Журден. Тысячу восемьсот тридцать два ливра — нашему поставщику верев для шлан.

Дорант. Совершенно точно.

Г-н Журден. Две тысячи семьсот семидесят ливров — нашему портному.

Дорант. Правильно.

Г-н Журден. Четыре тысячи триста семидесят девять ливров двенадцать су восемь денее — нашему лавочнику.

Дорант. Отлично. Двенадцать су восемь денее — наш ситей верев.

Г-н Журден. И еще тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыреста денее — нашему складчику.

Дорант. Все это составляет вместе. Сколько же всего?

Г-н Журден. Итого семнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Итого верев. Семнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне еще двести шестидесяти и прибавьте их к общей сумме — получится ровно восемнадцать тысяч франков, которые я вам выписал в самое благоприятное время.

Г-н Журден (*к-му Журдену, тихо*). Ну что, правда была?

Г-н Журден (*к-лет Журден, тихо*). Отстаньте!

Дорант. Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден. Помилуйте!

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Ты для него добрая корова.

Г-н Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Молчи!

Дорант. Если вам неудобно, я обратюсь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден. Нетнет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Он не успокоится, пока тебя не раскрят.

Г-н Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Говорит тебе, молчи!

Дорант. Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден. Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Это настоящий приколочен.

Г-н Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Да помолчи ты!

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Он выскочит на тебя всё до последнего гу.

Г-н Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Да замолчишь ты?

Дорант. Молчи с радостью если бы мне втайне, но ты мой лучший друг, и я боюсь, что обману вас, если по-прежнему нечего-нибудь скажу.

Г-н Журден. Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас спойте за денегами.

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). Что? Ты ему ещё хочешь дать?

Г-н Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). А как же быть? Разве я могу отказать какой-нибудь особе, которая ещё раньше утром говорила обо мне в королевской ослепительности?

Г-жа Журден (*к*ому *Журдену*, *тихо*). А, да ну тебя, дурак набитый!

Г-н Журден и два лица уходят.

ВСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Николай, Клеопатра, Вальсаль.

Николай (*Клеопатре*). Ал, как вы хороши! Я востановил ваше счастье и хочу вам...

Клеопатра. Прочь, изобретай, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николай. Так-то вы меня встречаете?

Клеопатра. Прочь, говорит тебе, всё же час ступай и первой своей госпожи и объяви, что ей больше не удастся обмануть пресловутого Николая.

Николь. Это ещё что за вздор? Маленький мой Коваль! Скажи мне ты что же это значит?

Коваль. «Милосердный мой Коваль», вот такая девочка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты такая, оставь меня в покое!

Николь. Как? И ты туда же?..

Коваль. Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей болтать со мной изощрённо!

Николь (про себя). Вот тебе раз! Какая муха упила на обоях? Пойду раскормлю барышню об этом малом проществе. (Уходит.)

выступил двинтов

Клевет, Коваль.

Клевет. Как! Поступить таким образом со своим поклонником, да ещё с самым лучшим и самым страстным из поклонников!

Коваль. Ужас как с нами обоими преле обидливо!

Клевет. Я расстояю её весь мир и всю нежность, на земле и только сползю. Къ одну люблю я в целом свете и поклоняюся лишь о ней. Она одна притягивает всех душ моих и всех желаний, она моя административная радость. И говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь её, обраде мой бытия только ради её, в дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не видаясь мы с ней, она тигутно для меня, как два мучительных столетия! Вот наконец выжданная встреча, душа моя возлежала, ружанцем счастья ослепом лицо, в историческом парике и упрямилась к ней — а что же? Наверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужды!

Коваль. И то же самое хотел сказать.

Клевет. Ты что же сравниваешь, Коваль, с кокетством безобразной Лисель?

Коваль. А что сравнивать, душара, с кокетством маленькой Нисель?

Клевет. И это после такого пламенного самопожертвования, после столько визгов и плача, которые потерла у меня её красота!

Коваль. После такого упорного ухаживания, после столько знаков внимания и услуг, которые и оказал ей на кухне!

Клемент. Столбняк слва, которые я вралки у её но! Ковьяля. Столбняк алар шам, которые я перета- стал на неё на болонди!

Клемент. Как видно я её любил — любил до полного самоубийства!

Ковьяля. Как жарко было мне, тогда я на неё возни- ол с вертелом, — жарко до полного самоубийства!

Клемент. А теперь она проводит время, или пренебре- гая мной!

Ковьяля. А теперь она пренебрегает повторившись по мне славой!

Клемент. Это поистине заслуживает того, чтобы на неё обрушились горы.

Ковьяля. Это вероломство заслуживает того, чтобы на неё посыпалась оплеуха.

Клемент. Смотри ты у меня, не выдумай на неё шутки!

Ковьяля. Я, сударь? Выступать? Небось Вое!

Клемент. Не смей оправдывать поступок этой намы- шли.

Ковьяля. Не беспокойтесь.

Клемент. Не пытайтесь защищать её — красной труп.

Ковьяля. Да у меня и в мыслях этого нет!

Клемент. И ей всего не прощу и терпу с ней такие отношения.

Ковьяля. Хорошо сделаете.

Клемент. Кв. невидному, жаривал голову этот граф, который бьется у них в доме; я убежден, что она полетится на его злость. Однако на чувствах мои я не могу действовать, чтобы она перала объявила о своей не- верности. И вижу, что она стремится к разрыву, а намерен опередить её и не хочу уступить ей пальму первенства.

Ковьяля. Очень смешно. Я, со своей стороны, вполне разделяю ваши чувства.

Клемент. Так подгрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатками любви к ней, дабы они не подавили сердца и её шантаж. Помогите, говорю мне о ней как можно больше дурного. Выставь мне её в самом чёрном свете и, чтобы познать на мне отражение, старательно отнеси все её недостатки.

Ковьяля. Все недостатки, сударь? Да ведь это же ло- мина, смаленная вертлявостья, — козли, право, и кого

заботиться! Нищене обыкновенного и в ней не вижу, есть еще
ли девушка горда души её. Во-первых, глаза у неё
маленькие.

Клеопт. Верно, глаза у неё небольшие, но зато они
единственные в мире глаза столько в них огня, там они
блещат, трепыхаются, улыбаются.

Ковыля. Рот у неё большой.

Клеопт. Да, но он так и себе особую прелесть: этот
ротик несколько обнурут, и мне столько приятельского,
чуждого, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковыля. Ростом она невелика.

Клеопт. Да, но зато плечи и бедра сложены.

Ковыля. В речях и в движениях умноженно ве-
брания.

Клеопт. Верно, но это придаёт ей своеобразное ома-
рочество. Держит она себя обидительно, и в ней так
много обаяния, что не докоролись ей неволею.

Ковыля. Что клеоптот ума...

Клеопт. Ах, Ковыля, какой у неё тонкий, какой
жесткой ум!

Ковыля. Говорит она...

Клеопт. Говорит она чудно.

Ковыля. Она всегда серьёзна.

Клеопт. А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб
она была хохотуньей? Что не может быть женщины
весёлой, которая всегда готова смеяться?

Ковыля. Но ведь она самая капризная женщина
в мире.

Клеопт. Да, она о капризах, тут и с тобой согла-
сен, но красавица всё может себе позволить, красавица
всё можно протолкнуть.

Ковыля. Ну, значит, вы всё, как надо, женщина не
разработана.

Клеопт. Не разработана? Нет, лучше смерть. Я буду
внимательна к её с такой же силой, с какой презираю любовь.

Ковыля. Как же вы вам ухитесь, если она, по-
вашему, вера совершается?

Клеопт. В том-то и дело и спалится потрясенная
сила моей власти, и том-то и дело и спалится таинство
моего духа, что и влюбленному и покинутой её, несмотря на
всю её красоту, несмотря на всю её привлекательность
для меня, несмотря на всё её очарование... Но вот и она.

Тема, Люсила и Никола.

Никола (*к Люсиле*). И по крайней мере была глубокая немощь.

Люсила. Всё это, Николай, на-а-а того, о чём я тебе сейчас рассказала... А, он здесь!

Клемент (*Ковьялю*). И я говорить с ней не желаю.

Ковьяля. А я последую вашему примеру.

Люсила. Что это значит, Клемент? Что с вами случилось?

Никола. Да ты с тобой, Ковьяля?

Люсила. Отчего вы такой грустный?

Никола. Что это ты надумала?

Люсила. Вы утратили дар речи, Клемент?

Никола. У тебя язык отяжелел, Ковьяля?

Клемент. Вот видите!

Ковьяля. Вот куда.

Люсила. И вижу, как расстроена наша сестринская встреча.

Клемент (*Ковьялю*). Ага! Пошли, что выговорили.

Никола. Наверно, тебе adesso не жилось то, что вы мне утром мы с вами себе держали.

Ковьяля (*Клементу*). Знает женщина, чья мила была.

Люсила. Ведь это единственная причина нашей досады, не правда ли, Клемент?

Клемент. Да, конечно, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупредил, что наша жизнь не достигнет вам радости: я сам намерен бороться с вами, а лишь вас права считать, что это не моя отсталость. Разумеется, мне будет тяжело победить мой чувство, если одолеет тоска, некоторое время я буду страдать, но к себе вернусь, и лучше я выйду из грима сердца, чем поддаться слабости и возвращусь к вам.

Ковьяля (*к Николаю*). А куда он, туда и я.

Люсила. Вот уж много огулу на вышло! И вам сейчас объясню, Клемент, почему в последние утром расхожались от встречи с вами.

Клемент (*замолкает* *думая* *или* *Люсиле*). Почему не можно слушать.

Никола (*Ковьялю*). И тебе сейчас скажу, почему мы так быстро пропали житью.

Ковьяля (*пытаясь* *думая* *или* *Николаю*). Знать зачем не жаль.

Джонья (*идёт из Клеветки*). Иск, сегодня утром...
Клевет (*не слыша из Джонья, направляется к выходу*). Ещё рано нет.

Николя (*идёт из Ковчегам*). Было бы тебе приятно...

Ковчель (*не слыша из Николя, направляется к выходу*). Притворщица, отстань!

Джонья. Послушайте!

Клевет. Конца концу.

Николя. Дай мне слышать!

Ковчель. И слуш.

Джонья. Клевет!

Клевет. Нет-нет!

Николя. Ковчель!

Ковчель. Ни-ни!

Джонья. Постойте!

Клевет. Вовне!

Николя. Поступите!

Ковчель. Вовне!

Джонья. Мануте!

Клевет. Ни за что!

Николя. Чуть-чуть терпенье!

Ковчель. Чепуха.

Джонья. Два только слова!

Клевет. Всё кончено, нет-нет!

Николя. Одно словечко!

Ковчель. Мы закончили.

Джонья (*останавливается*). Ну что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своём мнении и поступайте как вам заблагорассудится.

Николя (*тоже останавливается*). Если так, поступай как тебе вздумается.

Клевет (*напрямляется к Джонья*). Любопытно, однако ж, опять причину вашего провального поведения.

Джонья (*выясняет ушами из Клеветки*). У меня просто больше желания об этом с вами говорить.

Ковчель (*напрямляется к Николя*). Послушаем, однако ж, в чём тут дело.

Николя (*голове ушами из Ковчель*). У меня просто желания больше тебе это объяснить.

Клевет (*идёт из Джонья*). Расскажите же мне...

Джонья (*не слыша из Клеветки, направляется к выходу*). Почему не стану рассказывать.

Ковыля (идет за Никола). Растолкуй же мне...

Николай (же глаза на Ковыля, направляется к его двери). Никого не стаяу растолковывать.

Клеопт. О, пощадите!

Людмила. Еще раз: нет!

Ковыля. Будь так любима!

Николай. Комад кошу.

Клеопт. Я же молви!

Людмила. Подите прочь!

Ковыля. Прочу тебя!

Николай. Ступай-ка прочь!

Клеопт. Давид!

Людмила. Не-не!

Ковыля. Никому!

Николай. Не-ни!

Клеопт. Ряди Бог!

Людмила. Не-молви!

Ковыля. Ну скажи!

Николай. Не за что.

Клеопт. Пролетите свет!

Людмила. И не подумаю.

Ковыля. Открой ты мне глаза!

Николай. Паста света.

Клеопт. Ну что ж, лишь скорю на не хотите взять на себе труд рассмотреть меня и объяснить все мое поведение, которое любимый пламень мой не послужил, ты, неблагородная, не видите меня и последний раз я утку, и в разлуке с вами я утку от гори и от любви.

Ковыля (к Никола). А я — твоего же мне.

Людмила (Клеопту, который собирается уходить). Клеопт!

Николай (Ковыля, который идет за стеной соседнего двора). Ковыля!

Клеопт (останавливается). Что?

Ковыля (слышит останавливается). Ну?

Людмила. Куда же вы?

Клеопт. Я вам сказал.

Людмила. Как? Вы хотите умереть?

Клеопт. О да, женщина, вы сами этого хотите.

Ковыля. Мне помирить пошла.

Людмила. М? Я хочу вашей смерти!

Клеопт. Да, хотите.

Люсиль. Кто вам сказал?

Клемент (*подходяет к Люсиль*). Как же не можете, когда вы не хотите разлучить меня с сестрой?

Люсиль. Да в-то тут при чем? Если б вы с самого начала сожалели мои поступки, а бы вам сказала, что женщина в утреннем прощании, признаюшем вам такую обиду, моя старая жена, с которой мы вместе шло: она твердо убеждена, что, если мужчина, не дай бог, подлинно и дружно, тем самым он не уже обесчестил, а что значит вам об этом прощании и старается внушить, что мужчина — это бремя и что от нас нужно бежать, без сожаления.

Николай (*Клементу*). Вот и весь секрет.

Клемент. А вы не обвиняете меня, Люсиль?

Коваль (*к Николаю*). А ты меня не дурочишь?

Люсиль (*Клементу*). Все это истинная правда.

Николай (*Клементу*). Все так и было.

Коваль (*Клементу*). Ну что ж, поверить же?

Клемент. Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово — и волнения души моей тутчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Коваль. Ну а зачем же умышленно нашего брата эти чертовы дулки!

ПЯТИНА ДВАНАДЦАТОЙ

То же в с-м Журден.

Глас Журден. Очень рада вас видеть, Клемент, вы как раз вовремя. Сейчас придет мой муж; воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клемент. Ах, сударыня, как приятно мне слышать ваши слова и как сходится вам с женщиной молчаливой! Что может быть для меня приятнее всего призная, что может быть для меня дороже всего благодарения?

ПЯТИНА ДВАНАДЦАТОЙ

То же в с-м Журден.

Клемент. Господин Журден! Я пришла не просить ни в каком направлении, чтобы обратилась к вам с просьбой, которая касается двинувшей мной мечты. Это слишком важно для меня просить, и в конце не нужно сам подлинно вам её. Итак, скажу вам не обинуясь, что честь быть вашим зтем хитрость бы для меня высшей милостью, и вот тут именно милость и я прошу вас мне сказать,

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, судья, я попрошу вас сказать: дворянин вы или нет?

Клеант. Судья! Вообразитесь, не подумавшись, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова вынуждены были. Дяди без заретия совести призывали себе дворянское звание — подобный род верований, по-видимому, вообще в обычае. Но я за этот счет, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что великий обман брошен тебе на корыстном поводе. Стыдись ты, от кого тебе небо судило родиться на свет, бланкетом в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, — это, на мой взгляд, признак душевной близости. Разумеется, мои предки занимали почётные должности, сам я с честью прослужил шесть лет в армии, и состоюны мои таланты, что я вполне способен на последнее место в свете, но, со всем тем, я не намерен призываться себе дворянское звание, несмотря на то, что многие за моим местом могли бы себя вполне это сделать, и я всем своим напряжением я — не дворянин.

Г-н Журден. Конечно, судья: моя дочь — не для вас.

Клеант. Как?

Г-н Журден. Ну — не дворянин, дочку свою вы не получите.

Г-жа Журден. Да при чём тут — дворянин, не дворянин! Мы-то с тобой от рабра Давидовика Сактого¹, что ли, происходим?

Г-н Журден. Молча, молча, я знаю, и тому вы повинны.

Г-жа Журден. Скажи-то мне о тебе не на честном меццеселем семей?

Г-н Журден. Вот никак-то без костей у тебя, жока!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Каким твоим родителем был купцом, тем купцом для него, а про моего родителя ты можешь сказать только дяде своим. Однако скажи, я хочу, чтобы отец у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж надлежащий: лучше ей выйти за человека купеческого, бесспорно да статного, чем за дворянина нищего да нескладного.

¹ Давидович ДК (1128—1276) — один из первых, пришедший Святителем во православием и в христианской вере.

И я воль, Вот уж перья! В палатке деревню господской
высок такой усадьбы и такой обшуге, какого в страду не
видывать.

Г-н Журден (*к Николь*). Замолчи, пачкала! Бесно
замышляешь в разговор, Добро для дочки у меня при-
пасено довольно, недостает только почта, вот я и хочу,
чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани Господи и помани!

Г-н Журден. Это дело решенное.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От не-
равного брака ничего хорошего не выйдет. Не желаю я, чтоб
мой зять стал покрывать мою дочь родительскими и чтоб их
дети стыдливо называли меня бабушкой. Служителю ей в
одну прекрасный день принятить ко мне в карете, и вот
вскочил она незнакомом коко-шабурь из соседней забудет по-
колеситься, так чего толкно про нее же изговорят! «Погли-
дите, скажут, на госпожу маркизу! Ищите, как тамешет!»
Это дочка господина Журдена, в детстве она почтала за
великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была та-
кой тщливой, ведь она еб дала устроиться сунном подше Во-
рог святого Николетина¹. Намила дитие добра, а теперь,
пидя, на том свете ее как за это расплачиваются, потому
чтоному человеку никогда так не раскисывают. Терпеть
не могу я зять переудит. Коротко говоря, я хочу, чтоб
мой зять был мне благодарен за дочку и чтоб я могла ска-
зать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то мне твои мелочная душошка
и показалась: тебе бы зять мог просватать в интошестве.
Довольно разговоров! Интересно мою дочь моя будет мар-
кизой, а разодилась моя оуб дуча, что я еб герцогиней
сделаю. (*Уходит.*)

ПЕШИНИ ТРИНАДЦАТОМ

Клоуто, Корнели, Лисель, Пешель, г-жа Журден.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клоуто. (*К Лисель.*)
Победь-ка, дочка. Ты право так шути и смеяет: если бы
ты Клоуто, так бы за него, мол, не вышла.

Г-жа Журден. Лисель и Пешель уходят.

¹ Впервые герцогиня Николетина — родственная супруга в Париже.

ИЗМЕНЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Клэонт, Кензель.

Кензель. Могли вам помочь наши дипломаты?

Клэонт. Что выдумали! И на этот счёт необычайно шибетали, и переломить себя — это выше моих сил.

Кензель. А кто вам велел опираться и такому человеку срачьню? Разве вы не видите, что он шибеталек? Ну что вам стоило сказать и его слабости?

Клэонт. Твоя правда, но я никак не мог предположить, что для него, чтобы отнять у него господина Журдена, требуется предъявить дворянские грамоты.

Кензель (заочем). Ха-ха-ха!

Клэонт. Чего ты смеяешься?

Кензель. И задумал сыграть с нашим уважаемым перу шуток, благодаря которой вы добьётесь своего.

Клэонт. Что такое?

Кензель. Препринятая шуточка!

Клэонт. Да что же такое?

Кензель. Тут у нас недавно был мастеркад, и для моей арии это был раз то, что нужно! и думаю воспользоваться этим, чтобы обвести вокруг пальца нашего протофилю. Придётся, конечно, разыграть комедию, но с таким количеством всё можно себе исполнить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы выдумок ему ни выдумали, во всяком случае с полным успехом. У меня и костюмы и костюмы готовы, дайте мне только полкури мала.

Клэонт. Но ну что же мне...

Кензель. Сейчас я вам всё разъясню... Увидите-ли спектакль ваш от отца.

Клэонт и Кензель уходят.

ИЗМЕНЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден один.

Г-н Журден. Что за шут! Ты и делаешь мне глаза мои знаменитые с пальчочками, и для меня вот на свете вылезли приятные такие знаменитые. Оу как один только вошёл и уважение, и бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родителю графом или же маркизом. <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

НАЧАНИЕ ПЕРТОЕ

Г-н Журден, Коваль, приседает.

Коваль. Не знаю, сударь, можно ли и честь быть вам знакомым.

Г-н Журден. Нет, сударь.

Коваль (помышляет душой на фут от полу). А я знал все надь вот отсюда.

Г-н Журден. Меня?

Коваль. Да. Вы были прелестным ребенком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден. Меня? Целовали?

Коваль. Да. И был большим другом какого-нибудь вашего батюшки.

Г-н Журден. Моего какого батюшки?

Коваль. Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Как вы сказали?

Коваль. И сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Кто, мой отец?

Коваль. Да.

Г-н Журден. Вы это верно знали?

Коваль. Ну еще бы!

Г-н Журден. И вы его знали за дворянина?

Коваль. Разумеется.

Г-н Журден. Вот после этого и верь людям?

Коваль. А что?

Г-н Журден. Есть же такие люди, которые уверяют, что он был купцом!

Коваль. Купцом? Да это явный бред, он никогда не был купцом. Видите ли, он был человеком по редкости обязательный, по редкости услужливый, и тем как он особенно разбирался в тоннах, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, присаживал отвести их к себе в дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден. И очень рад, что с вами можно говорить, вы, я думаю, не откажетесь подтвердить, что мой отец был дворянин.

Коваль. И готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден. Вы прощайте! Мне обидно, чем же могу вам служить?

Коваль. О той горе, когда я вошел дружбу с покойным нашим батальоном, нам и нам уже сказал, с этим настоящим дворянином, и успел объехать весь свет.

Г-н Журден. Весь свет?

Коваль. Да.

Г-н Журден. Должно известно, что очень далеко.

Коваль. Конечно, всего четыре дня, нам и возвращаемся на дилетантского путешествия, и там нам в провинцию близкое участие во всем, что касается нас, то тогда своим делом придет сообщить нам в какой степени примера для нас может.

Г-н Журден. Какую?

Коваль. Известно ли нам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден. Нет, неизвестно.

Коваль. Как же так? У него блестящая слава, все обтекается на него смотреть, все окружают у нас нам чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден. Ей-богу, почти не знаю.

Коваль. Для нас тут существенно то, что он является к нашей дочке.

Г-н Журден. Сын турецкого султана?

Коваль. Да. И он живет в нас в гетто.

Г-н Журден. Как же в гетто? Сын турецкого султана?

Коваль. Сын турецкого султана — и нам в гетто. Я посетил его, турецкий язык и язык в совершенстве, мы с ним разговаривали, и всегда против нас мне сказал: «Ангелом промолвил мне Алла Мустафад Гиделуму ампаком каравани уювера карбулат?» — то есть: «Не видел ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден. Сын турецкого султана там про него слышал?

Коваль. Да. И ответил, что знаю нас хорошо и дочку нашу видел, и он мне на это: «Ах, марабоба солон!» — то есть: «Ах, как и люблю ее!»

Г-н Журден. «Марабоба солон» значит: «Ах, как и люблю ее!»?

Коваль. Да.

Г-н Журден. Хорошо, что вы слышали, сам бы и не почем не думался, что «марабоба солон» значит: «Ах, как и люблю ее». Какой изумительный язык!

Коваль. Или какой поумительный! Вы знаете, что значит «Жакариамушки»?

Г-н Журден. «Жакариамушки»? Нет.

Коваль. Это значит «друзья мои».

Г-н Журден. «Жакариамушки» значит «друзья мои»?

Коваль. Да.

Г-н Журден. Чудеса! «Жакариамушки» — «друзья мои! Кто бы мог подумать! Просто поразительно!

Коваль. Вам вот, исподволь это поручили, и дождусь до вашего свидания, что вы пробьете сюда просить руки какой дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился прозвать вас в «Жакариамушки»¹ — так у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «Жакариамушки»?

Коваль. Да. «Жакариамушки», по-нашему, всё равно что паллади. Паллади — это у древних... одним словом, паллади. Это самый почетный сан, какой только есть в мире, — вы станете в один ряд с величайшими великими.

Г-н Журден. Сын турецкого султана долает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему; и хочу его поблагодарить.

Коваль. Зачем? Он сам к вам придет.

Г-н Журден. Он ко мне придет?

Коваль. Да, и приведет с собой всё, что нужно для перекрестия вашего посвящения.

Г-н Журден. Уж больно он скор.

Коваль. Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден. Мне случается одно: моя дочь упряма — влюбилась по уши в некоего Клеанта и клянется, что выйдет только за него.

Коваль. Она передумает, нам скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеант похоти друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеанта, мне его показывали... Так что случится, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Охвачен и слышу шаги турка. Вот и он.

¹ Жакариамушки — слово, употребляемое Мальдонад, ставшим синонимом для обозначения чужеземцев, индейцев.

НАЧАЛО ПЕРВОГО

Те же в Клевет, целый турок: три пана несут пана
его кафкиа.

Клевет, Амбулком или бораф, Десурдана, селам
алейком.

Коваль (Глу Журдан). Это значит: «Господни
Журдан! Да цветёт сердце ваше круглой гна, будто розо-
вый куст». Это у них так выисканно выражаются.

Г-н Журдан. Я поправилый слуха его турецкого
высочества.

Коваль. Карнир намбого устие мараф.

Клевет. Устие вам котамалене баете баян ала ше-
рей.

Коваль. Он говорит: «Да выслушайте вам ала силу
пана и мудрота ланго».

Г-н Журдан. Его турецкое высочество оканчивает мне
слишком большую честь, и мне, со своей стороны, желаю
ему величайшего благополучия.

Коваль. Оси бивамен сакан бабалли пракаф урам.

Клевет. Ни боль мес.

Коваль. Он говорит, чтобы вы всё же час или в
два поблизитесь к перемотке, а затем отвела его и дочку
на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журдан. Это он столько выразил в трёх словах?

Коваль. Да. Такой турецкий язык: всего несколько
слов, а сказано много. Идите же с ним скорей.

Г-н Журдан, Клевет и три пана уходят.

НАЧАЛО ВТОРОГО

Коваль один.

Коваль. Ха-ха-ха! Петуха, право, петуха! Этаней
дурочина! Выучи он свое рать парана, всё равно лучше
бы не сматра! Ха-ха-ха!

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО

Коваль, Дорант.

Коваль. Сударь! Помогите нам, пожалуйста, в од-
ном деле, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант. Какое-нибудь? Это ты, Коваль? Тебя право не
узнать. Как это ты так вырядился?

Коваль. Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант. Чего ты смеешься?

Ковьяль. Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант. Что же это такое?

Ковьяль. Письмо об изгнании, сударь, что вы не знаете, намую завтрашнему приготовили мы для господина Журдена, чтобы он выгнал нас из брак своей дочери с своим соседством.

Дорант. Я не договаривался, какая именно это ловушка, но зато договаривался, что ушел бы обещанным, когда дело берется ты.

Ковьяль. Взяв, конечно, сударь, известие, во какого вчера мы ослышались.

Дорант. Расскажите мне, что вы задумали.

Ковьяль. Потрудитесь остаться в терраску, а во вот уже сюда идет, надо предупредить. Вы увидите часть комедии, оставшая и нам доскажу.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

Турецкая церемония.

Муфтий, князь державы, толкование турки,
господин муфтия.

ПЕРВЫЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Шестеро турок под музыку торжественно идут криво. Они имеют три ковра и, проделывая несколько фигур, садятся коврами над головами. Поют турки проносят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны князя. Муфтий с державою обмыкает князя. Далее турки исполняют пляску и танцуют на коврах, муфтий и державы стоят посредине. Муфтий разными жестами и гримасами, но без слов приветствует Машкетера, а в это время турки, исполняя свое танго, проговаривают три и поют «Алла», затем подносят руку к губу и снова поют «Алла», а еще до конца муфтийской молитвы, когда уже они выстраиваются с князя и поют «Алла албер»¹, а двое державой идут за господом Журденом.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

То же в с-м Журден, князь турецком, с князем голланд, без турки и без князя.

Муфтий в с-м Журдену.

Когда ты спишь.

То отвечаешь.

Когда не спишь,

Тогда молчишь.

¹ Алла албер — Бог велик и прав.

Я муфтий здесь,
А ты кто был?
Не пенкай?
Молкай, молкай!

Дом деревяный уводит с-ка Жүдөтө.

ИЛТИРАК СӨННӨТӨНДӨШ

Муфтий, беркеш, турк, сунт муфтий.

Муфтий, Салаат мие, турк, кто он пети. Алабагы-
сти? Алабагыста?

Турк. Йок!

Муфтий, Цаппагыста?

Турк. Йок.

Муфтий, Кофроста?

Турк. Йок.

Муфтий, Гушта? Мороста? Фромоста?

Турк. Йок. Йок. Йок.

Муфтий, Йок. Йок. Йок. Язычшыраа?

Турк. Йок.

Муфтий, Дистрана?

Турк. Йок.

Муфтий, Пуроста?

Турк. Йок.

Муфтий, Бромна? Мафроста? Пурна?

Турк. Йок. Йок. Йок.

Муфтий, Йок. Йок. Йок. Магомоста? Магомоста?

Турк. Эй алла! Эй алла!

Муфтий, Как провакше? Как провакше?

Турк. Демуранин, Демуранин.

Муфтий (подумавши), Демуранин, Демуранин.

Турк. Демуранин, Демуранин.

Муфтий,

Магомота господина!

И проклять за Демуранин

Его сделать палачина,

Дать ему алебардин

И отпроесть Палестина

На галера британнина

И на всемо баракана

Воевать крестянина.

¹ Дем — не ступ.

Машиниста господина
И просить за Дасурдина.

(Турки.)

Корень турки Дасурдина?

Турки. Эй валяй! Эй валяй!

Муфтий (глядит и плачет). Ха-ли-ба, ба-ли-шу, ба-ли-ба, ба-ли-да.

Турки. Ха-ли-ба, ба-ли-шу, ба-ли-ба, ба-ли-да.

Муфтий и держится за сердце.

ВЫСЦЕНЕ ДОНАЦИАТОС

Турки выходят и танцуют.

ВЫСЦЕНЕ ТРИНАЦИАТОС

Те же, муфтий, держится и г-н Журдан.

ВТОРОЙ БАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Вперед идет муфтий; на голове у муфтия — императорской милостию подаренный тюрбан, в котором в несколько рядов прикреплены разноцветные ленты; на нем двое держатшей и островерхих шапках, на которых тоже красуются разноцветные ленты, идет Коран. Двое других держатшей входят г-н Журдан и ставят на колени, так чтобы руки муфтия лежали, а голова торжественно подставкой для Корана; муфтий плачет ему на спину Коран и слегка качивает, пытаясь, признать Машиниста; одолевает Оркан, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перешагивает, затем садится прямо в неф и восклицает: «Гу!»¹ Во время этой второй церемонии турки, отпевавшие ему спину, то выкладываются, то выстраиваются и тоже восклицают: «Гу! Гу! Гу!»

Г-н Журдан (после того как у него со спины свалился Коран). Ух!

Муфтий (глядит Журдану). Твоей ли обманок?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий. Не шарлатанок?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий (глядит). Дать ему тюрбанок!

Турки.

Твоей ли обманок?

Нет, нет, нет.

Не шарлатанок?

Нет, нет, нет.

Дать ему тюрбанок!

¹ Гу — своеобразная молитва «ооо».

Ж.-Б. Монье, «Решение по дурности». Гравюра Л. Писсонэ

ТРЕТИЙ ПАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Тысячище турки да муфты выйдут на сцену Журданна
тебя.

Муфты (объявив 2-му Журданну сабля).
Твой — дворян. Не кру ни князя.
Вот тебе сабля.

Турки (объявив сабля).
Твой — дворян. Не кру ни князя.
Вот тебе сабля.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАЛЕТНЫЙ ВЫХОД

Тысячище турки в этот шумно выйдут с-ку Журданну удачи
саблями князя.

Муфты.
Пальня, пальня.
Бей — не жальня.

Турки.
Пальня, пальня.
Бей — не жальня.

ПЯТЫЙ ВАЖНЕЙШИЙ ВЫХОД

Теперь уже турки в эту мушкетера бьют г-на Журдена
шашками.

Муфтий.

Не бойтесь,
Не поддавайтесь,
Будь кротким
Покорным!

Турки.

Не бойтесь,
Не поддавайтесь,
Будь кротким
Покорным!

Муфтий в третий раз начинает проповедать Магомета, Дервизи пылительно поддерживают его под руки; затем турки, в досаду и неудовольствие, начинают прыгать вокруг муфтия и, наконец, укладывают вместе с ним и уходят к своей г-же Журдене.

действие пятое

явление первое

Г-жа Журден, г-н Журден.

Г-жа Журден. Господи помилуй! Это еще что такое? На кого ты дошел? Что это ты на себя напустил? Рядился алдушка? Да говори же, наконец, что же это значит? Кто это тебе таким другим перекосным выродил?

Г-н Журден. Вот дура! Так разговаривать с мамануши!

Г-жа Журден. Что такое?

Г-н Журден. Да-да, теперь все должно быть со мной почтительно. Меня только что прозвали в мамануши.

Г-жа Журден. Как это понять — мамануши?

Г-н Журден. Говорит тебе — мамануши. Я теперь мамануши.

Г-жа Журден. Это еще что за шара?!

Г-н Журден. Мамануши — по-вашему балаган.

Г-жа Журден. Балаган? Балаган ты и есть. Подумал на старости лет в уме прокутить.

Г-н Журден. Вот там-то! Это такой тан, в который мне только помыслило.

Г-жа Журден. Как так помыслил?

Г-н Журден. Магомета понодана! Я молить за Давидина.

Г-жа Журден. Что это значит?

Г-н Журден. «Джурданна» — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну, Журден, а дальше?

Г-н Журден. Его зовут Жананна.

Г-жа Журден. Как?

Г-н Журден. И стараться в Палестине на галерах брештина.

Г-жа Журден. Это значит нет?

Г-н Журден. И со всеми народами зовут христианно.

Г-жа Журден. Да что ты говоришь?

Г-н Журден. Палка, палка, бей — не жалко.

Г-жа Журден. Что за тараварщина!

Г-н Журден. Не вылезать, не стыдиться, если голова неслышится.

Г-жа Журден. Да что же это такое?

Г-н Журден (*протыкается и лопь*). Уа-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да. (*Падает.*)

Г-жа Журден. Боже милосердный! Мой муж совсем о рожь забыл!

Г-н Журден (*встает и направляется к выходу*). Перебьются, грубияны! Откасаю и укашанном и гонимому макамути. (*Уходит.*)

Г-жа Журден (*одна*). Когда же это он узнал результаты? Скорей же выйди, а то еще убьют на дому! (*Увидев Доранту и Доринку*). Ах, вы здесь только не вышло! Час от часу не легче. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Доринка.

Дорант. Да, маркиза, вас ожидает преизящное зрелище. Мы увидимся, что такого сумасброда, каков наш Журден, мы никак не найдем. Зато нам даст — правда, устать в сердечных делах Клеонта и поддержать его дело с маскардом. Он прекрасный человек, ему стоит помочь.

Доринка. И в нем есть великое значение. Он вполне достоин счастья.

Дорант. Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удален мой замысел.

Доринка. И заметила здесь грандиозные приготовления. Все что, Дорант, больше и этого не потеряю. Да

ла, я хочу напомнить вам о вашей работоспособности: чтобы вы больше на меня не тратились, и решила выйти за вас замуж не спеша. Это единственное средство — поспешай же эти безумства обычно кончатся.

Дорант. Неужели вы и правда намерены принять столь отличное для меня решение?

Доримена. Это только для того, чтобы вы не разорились, ничего, я убеждена, ведь вы тот час, когда вы оставитесь без гроша.

Дорант. О, как и пронзительно был бы мой слезы и мой состык! Оно всецело принадлежит вам, так же точно, как и мой сердце: распоряжайтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена. Я сужу распоряжаться и тем и другим... Но вот и наш чудак. Вид у него-обворочительный!

ВЫШЛИ ТРЕТЬЕ

Те же и Г-н Журден.

Дорант. Милостивый государь! Мы с маркизой пришли поздравить вас с новым браком и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден (кланяется им по очереди). Желаю вам, ваше сиятельство, силу имен и мудрость ума.

Доримена. Я имею счастье видеть вас впервые приветствовать вас по случаю того, что вы вышли на высшую ступень славы.

Г-н Журден. Желаю вам, сударыня, чтоб ваш роковой круг был круглый год. И вам бесконечно благодарен за то, что вы пришли меня поздравить, и великий рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искреннее поздравление за такую похвалу моей жены.

Доримена. Пусто! Я совсем пришла ей этот маленький перья. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего удивительного, что, обладая таким восприятием, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден. Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена. Это признак души женщины благородной.

Дорант. А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему такое почтение.

Г-н Журден. Вот он идет. И уж посласт на дочерях, чтоб она отдали ему руку и сердце.

пашаина читайтесь

Ты же и Клевет, шайный турком.

Дорант (*Клевет*). Ваше высочество! В качестве друзей вашего почтенного теста мы явились засвидетельствовать вам глубочайшее наше уважение и несоколебимые привасть уверения в совершенной нашей преданности.

Г-н Журден. Где же это толкит? Он бы нас ему представил и разъяснил, что вы хотели сказать. Вот увидите, он нам непременно ответит: он прекрасно говорит по-турски. Эй! Эй! Куда же это это унесло? (*Клевет*.) Струф, струф, струф, струф. Это пашаина Балшой мелекит, баланой мелекит, а это мелекит — ух мелекит скатит тума, ух мелекит скатит тума! (*Вода, чья мелекит мелекит мелекит.*) Ага! (*Умалыкит на Доранта.*) Он французский маммушти, это французская маммуштина. Якоже выразиться по мгу... Вот, слава Богу, и переводчик.

Н.-Б. Пашер. «Момашин на дружество». Ед.Босонья Д. Момашин

НАЧИНЕНИЕ ЦИТОН

Ты же и переводчик Ковчель.

Г-н Журден. Где же вы? Мы без вас как без рук. *(Указывая на Клеанта.)* Скажите ему, пожалуйста, что этот господин и эта дама — особы на высшего общества и что они и наипаче жонк друзей вышло заведомо желать ему своей излучине и принести уверение в преданности. *(Доранте и Дорамеле.)* Поступайте, что он отвечает.

Ковчель. Алабала просьям пшш борам алабалам.

Клеант. Ватавелем субыл уршн сотер амадушак.

Г-н Журден *(Дорантеу и Дорамеле)*. Слышите?

Ковчель. Он желает, чтобы доска Благодетельств на вешное время орашала вертоград вашего семейства.

Г-н Журден. Я как не ара скажам, что он говорит по-турецки!

Дорант. Поразително!

НАЧИНЕНИЕ ЦИТОН

Ты же и Люсиль.

Г-н Журден. Как слыш, дочь моя, никогда поближе и дай руку этому господину — он делает тебе честь, что сватается за тебя.

Люсиль. Что о нем, батюшка? Что вы с собой сделали? Или вы комедию играете?

Г-н Журден. Нет-нет, это вовсе не комедия, это дело очень даже серьезное и такое для тебя почетное, что лучше не придумаешь. *(Указав на Клеанта.)* Вот кто и дай тебе в руку.

Люсиль. Мне, батюшка?

Г-н Журден. Ну да, тебе. Скорей дай ему руку и благодари Бога за такое счастье.

Люсиль. И не желаю выходить замуж.

Г-н Журден. А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль. Не за что.

Г-н Журден. Вот желанн разговоро! Показной, тебе говорю! Ну, дай же руку!

Люсиль. Нет, батюшка, я уже вам сказала, что вот такой сын, который принудил бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеанта. Я скорей ринусь на любую крайность, чем... *(Указав на Клеанта.)* Конечно, вы — мой отец, и должен вам беспрекословно повиноваться, устраивать мою судьбу как вам будет угодно.

Г-н Журден. Ах, как я рад, что наконец доста тебе скоро в тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь!

ИЗМЕНЕНИЕ СЦЕНЫ

То же в том же Журден.

Г-н Журден. Это что такое? Что это еще за новость? Говорит, ты собралась выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замечница ли ты, наконец? Надо-ли мне твои дикие выходки, ничем тебе не выражаешь!

Г-н Журден. Это тебе какими силами не придется в разуме, ты и видишь какого-нибудь комического сумасбродства. Что это ты задумала и в чему все оборачиве?

Г-н Журден. И кому выдать свою дочь за сына турецкого султана.

Г-н Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да, (Указывает на Комеди.) Писаннелльсткой ему свой полчище вот через этого толмача.

Г-н Журден. Не нужно мне никакого толмача, и сама скажу ему прямо в глаза, что дочка мояк ему не выдать.

Г-н Журден. Да замечница ли ты, наконец?

Дорант. Пожалуйста, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим детям был это турецкое высочество?

Г-н Журден. Ради Бога, судоро, не вышвыривайтесь в чужие дела.

Дорименн. Таким великим счастьем приобрести не следует.

Г-н Журден. И как, судорошка, в таком пираше не лезть куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся — единственно на дружеского и для расположения.

Г-н Журден. Не нуждается и в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна полюбиться моему родителям.

Г-н Журден. Моя дочь согласна выйти за турок?

Дорант. Все великого сомнения.

Г-н Журден. Она может забыть Клеанта?

Дорант. Чем только не поступаются ради того, чтобы именитые платили даже!

Г-жа Журден. Если она выжила такую штуку, а её своими руками задуну.

Г-н Журден. Ну, пошла! И тебе говорю, что слыш-ба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Дамыно разговору!

Князь. Матушка!

Г-жа Журден. А да жу тебя, сиверная дивочка!

Г-н Журден *(жене)*. Ты что же это, бранить её за пошловоение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и ты.

Князь *(к-же Журден)*. Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Князь. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Князь *(к-му Журдену)*. Судари! Если только ваше супругу захочет поговорить со мной вконец, то я вам ручаюсь, что она незыблет свобод отпосле.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь.

Князь. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден *(жене)*. Выслушай всё!

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе расскажет...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне рассказывал.

Г-н Журден. Да чего же все женщины упрямы! Что, тебе от этого уберет, что ли?

Князь. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас там?

Князь *(к-же Журден, тихо)*. Ветхий час, сударыня, мы делаем вам знак. Неумела вы не видите, что всё это мы делали только для того, чтобы подловить под поволоку Журдена с его великими причудами? Мы дурачим его этим манерадом: ведь сам турецкого султана — не кто иной, как Клеонт.

Г-жа Журден *(Князю, тихо)*. Ах, вот и всё дело!

Князь *(к-же Журден, тихо)*. А я, Князь, при этом переодичился.

Госа Журден (*Ковьяла, тихо*). Ну, коли так, то и сейчас.

Ковьяла (*з-за Журден, сидит*). Только не поддавайтесь виду.

Госа Журден (*громко*). Да. Вей уладилось. И согласна на брак.

Гос Журден. Ну вот все и обрешумилось! (*Жене*.) А ты всё же хотела его выслушать! И был уверен, что он сумеет тебе объяснить, что значит сын турецкого султана.

Госа Журден. Он мне всё толком объяснил, и теперь я довольна. Надо пойти за аптекарском.

Дорант. Подумайте намеренно. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и не беспокоиться для перестала ревновать потопанного шантажиста, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого аптекарца и заключим брачный союз.

Госа Журден. Я и на это готова.

Гос Журден (*Доранту, тихо*). Это вы для отца глас?

Дорант (*за Журдена, тихо*). Пусть себе тычется этой басней.

Гос Журден (*тихо*). Отлично, отлично! (*Громко*.) Походите за аптекарском.

Дорант. А пока вы идёте и оставьте брачные договоры, давайте измерить балет — это кондуктор разоблачения и для его турецкого высочества.

Гос Журден. Прекрасная мысль. Поищите означить место.

Госа Журден. А как же Никола?

Гос Журден. Никола и отдаю толмачу, а мою супругу — кому угодно.

Ковьяла. Благодарю вас, сударь. (*В сторону*.) Ну уж другого такого сумасброда на всём свете не сыщешь!

Комедия закончена балетом.

Перевод Н. Либман

Героизация и гуманизация

1. В одной из статей в Миллере говорится, что в комедии «Мещанин во дворянстве» достаются и мещанину, и дворянину. Как Миллер характеризует обещание и парадоксическое действие, высказанное Буржуазом?
2. Каким приёмом сатирического изображения своего персонажа пользуется автор? Приведите на примерах, как создаёт драматург человеческий характер. Чем можно объяснить поступок господина Журдена? Глуп ли он? В нормальном ли состоянии? Объясните мотивы поведения других персонажей по отношению к господину Журдену.
3. В чём вы видите потерю Журденом здравого смысла, в ряде случаев присущего ему? В ком и в чём ярко проявляется здравый смысл, простота поведения и адекватность человеческого характера?

Имя и личность Буржуазного

Прочитайте комедию Миллера «Мещанин во дворянстве» полностью. Подготовьте выразительное чтение по ролям сцен из комедии (по выбору). Как вы понимаете название этой комедии? Как связаны название комедии и название Французской революции XVIII века?

Стили литературно-художественного исследования

В школе классиками Миллер не был признан учеником. В чём он нарушил правила классицизма, а в чём следует им? Миллер соединил литературно-художественно с традицией народного театра. Приведите примеры того, как драматург использует приёмы народного фольклора (обращение, подражание, переосмысление, игру со словами, например галопарядку, «буржуазно речь» и т. д.). Приведите стилистическое исследование «Баланы» классицизма в комедии Ж.-Б. Миллера «Мещанин во дворянстве».

Творческое задание

Подготовьте устный ответ или письменную рецензию на просмотренный в театре или на телеэкране спектакль по комедии Миллера.

Проект

Подготовьте театральную постановку нескольких сцен комедии на школьной сцене. Продумайте костюмы, декорации, музыкальные сопровождения, тематические песни и другие элементы спектакля.

Вальтер
SCOTT

1771—1832

Вальтер Скотт — известный английский писатель, создатель жанра исторического романа.

Вальтер Скотт начал свою литературную деятельность в один из самых бурных периодов европейской истории.

В 1789 году во Франции произошла революция, имевшая огромное значение для всей Европы. Рушилось феодальное общество, ломался старый уклад жизни, утверждались новые законодательные отношения. На что опереться в критическое мгновение; что необходимо сохранить и перенести в старое общество; что важнее всего поддержать в новом?.. Все эти проблемы отражались в романах Вальтера Скотта. Шотландец по происхождению, писатель всем сердцем был привязан к родной стране, хотя писал по-английски и даже издавался место не только в английской литературе. Его поэмы и романы повествовали о судьбах и бедах его любимой Шотландии, несмотря на то что действие в некоторых его романах происходит в средневековой Франции, в Англии или в Венеции. Шотландский костюм, шотландский диалект, шотландская старина, которую он изображал, были средствами сохранения национальной самобытности. Подлинный шотландский характер писателя выдал не в упрямстве и нелепостях, которыми по традиции награждали шотландцев, а в стойких нравственных чертах — верности, честности, мужестве, преданности убеждениям.

Исторический роман, по мнению Скотта, должен воспроизводить историю полнее, чем научное исследование. Наряду с популярными событиями исторического романа должны изображать частную жизнь обычных людей. Реальные исторические лица ведут у писателя поэтическую жизнь, а замкнутые — любов-

но-романтическую. Одним из первых в европейской литературе Вальтер Скотт вывел на сцену народ: крестьян, ремесленников, пастухов, рыбаков, воинов. И почти во всех романах писателя действует этот коллективный герой.

Задача исторического романиста, по мнению писателя, заключалась ещё и в том, чтобы на разном и своеобразном культурном уровне жизни, страдающую человеческую душу, стремившуюся к лучшей доле. Исторический роман должен воспитывать в современном читателе симпатию ко всему человечеству. Вряд ли Филдинг и историческая точность, пронаблюденный пером и романом, мелодичная интонация, тактичность и острый нравственный проблемы переиздаются в произведениях Скотта. Это возросло Пушкину назвать его «шотландским вольтером».

Вальтер Скотт родился в Эдинбурге в семье юриста. Скотты принадлежали к старому шотландскому роду, игравшему некоторую роль в истории страны. Вскоре после рождения мальчика обнаружилось, что он плохо владеет правой ногой. Лечение не помогало, и Вальтера Скотта отдавали для поправки здоровья к бабушке на ферму. Здесь и началось знакомство будущего писателя с шотландской историей и фольклором. В деревне мальчик подлечился, но всё же остался хромым на всю жизнь.

Отец мечтал, чтобы сын стал юристом, и после окончания школы заставил его работать в своей юридической конторе. Вскоре Вальтер Скотт получил звание адвоката, а затем занял должность секретаря эдинбургского суда. Вскоре уже знаменитым историком, Скотт не оставил сферу — он был шерифом округа.

С 1814 года Вальтер Скотт посвящает себя созданию исторических романов, которые он писал до конца жизни. Уже первый его роман «Уазерлен» принес Вальтеру Скотту мировую славу. Самые знаменитые романы писателя — это «Пуртанна», «Роб Рой», «Аланго», «Эдинбургская темница», «Кентон Дорвард». Успех романа и необыкновенная работоспособность Вальтера Скотта принесли ему славу и богатство. Когда в 1818 году писатель получил звание баронета, он решил превратить своё поместье в подлинный средневековый замок. Он собирал древности: оружие, мебель, утварь, книги... Интенсивная работа на приделе она, вызванная банкротством его издателя, в конце концов подорвала здоровье писателя. В 1831 году он перенёс апоплексический удар¹.

¹ Длительный удар — результат кровоизлияния в мозг писателя и паралича.

По совету врача В. Скотт совершает свой последнее путешествие — по разным странам. Но и в дороге он продолжает работать, так как всё ещё не может расстаться с долгами. В Ниццле он узнаёт о смерти великого Гюга и принимает решение вернуться, чтобы так же, как и некогда плат, умереть на родине. Через несколько месяцев после оздоровления Вальтер Скотт умирает от острого обострения болезни.

«Айвенго» (1819) — роман об английском Средневековья. Действие происходит в XI веке, когда в Англию пришли викинги норманнские завоеватели. Роман повествует о кровавой борьбе сословных феодалов и крестьян с надменными норманнскими аристократами, презирающими народ. Против завоевателей во главе крестьян борется герой английских баллад легендарный разбойник Робин Гуд. В романе выведен «народный король» Ричард Львиное Сердце, который стремится к примирению норманнов и англичан.

К началу действия романа прошло уже более ста лет со времени завоевания Англии норманнами, но вражда между победителями и побеждёнными сохранилась. Ричард Львиное Сердце вместе со своим другом и верным слугой Айвенго вынуждены вернуться из крестового похода и плена. Король выступает против феодалов, заинтересованной в сохранении феодальной раздробленности.

Молодой рыцарь Айвенго ковыряя в немом шарадеет свою честь и правду, свою возлюбленную, прекрасную леди Роулану, рана которой добавляется жестокой, способный на преступление крестьянин Брайан де Буалябер.

Придя через многочисленные испытания, герой романа помогает предотвратить несчастие и восстановить справедливость.

В. М. Коробин

Предложите свои

Расскажите подробно о жизни Вальтера Скотта, используя статью В. М. Коробина и ресурсы Интернета. Какие произведения этого автора вам уже известны? Какие произведения еще остались?

Айваго
Главы из романа

ГЛАВА I

Сын бесовщины той горой,
Когда стада с пашой бродят дной,
Когда, шептаться, не по тропинкам,
Шли пашня с житою нивото

в свой клин.

Глас¹. «Ордина»

В той живописной местности восточной Англии, которая ограничена рекою Дев, в давние времена простиралась обширная леса, покрывавшие большую часть простирающихся холмов и долины, лежащих между Шерфордом и Доттингером. Остатки этих огромных лесов и впадали видны вокруг дворянские садыок Уэнтворт, Корнклиф-Гурн и близ Робертсана. По преданию, здесь некогда обитал сказочный углетопильный дракон; здесь происходили ожесточенные битвы во время междоусобиц воли Бесов и Алой Руны; и здесь же в старину собирались нити эти страшные рабейники, аристократы и дворяне которых представляли в парламенте ИКОНА.

Таким образом место действительно нашей известия, по времени не представляется в ней события относятся к началу царствования Ричарда I², когда возвращение короля из долгого плена ввело в колебание, но уже всевозможным событиям оживленным подданным, которые подвергались беспощадным притеснениям знати, Феншам, получившие непомерную власть и аристократии Стефана³, но шанувшие подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II⁴, теперь они бесчинствовали, как и прежде

¹ Давн. А. А. Г. (1088—1141) — английский король, царил «Ордина» в «Ордина» Говард.

² Ричард I. Давн. А. А. Г. (1189—1199), английский король (1189—1199), участник Третьего крестового похода. Во времена его царствования в Англии происходили феодальные смуты и междоусобицы баронов.

³ Стефан — английский король (1135—1154). Власть аристократии непомерно возросла за власть с королевой Матильдой.

⁴ Генрих II. Давн. А. А. Г. (1154—1189) — английский король (1154—1189). Принял ряд реформ с целью укрепления аристократической власти и ограничения феодальной междоусобицы.

времена, приобретая слабыми попытками английского государственного совета ограничить их пределы, они укрепляли свои земли, увеличивали число вассалов, прикружали и покровощали и вассальной зависимости всю округу; каждый феодал стремился собрать воедино такое войско, которое дало бы ему возможность стать влиятельным лицом в приближающихся государственных потрясениях.

Трагичайшим внутренним стало в ту пору положение мелкопоместных дворян, или, как их тогда называли, фрейлингов, которым, согласно букве и духу английской конституции, должны были охранять свою независимость от тиранни крупных феодалов. Фрейлинги могли обречь себя на некоторое время подобие существованию, или даже, как это большей частью и случалось, прибегли к покровительству одного из влиятельных вельмож их округа, или выходили в его конту, или же обременялись за обещанным и взаимной помощью в борьбе поддерживать феодала в его военных предприятиях, но в этом случае они должны были жертвовать своей свободой, которая так дорога сердцу каждого вассала английского, и подвергались опасности оказаться вассальными и даже совершенною данью их честолюбивого покровителя. С другой стороны, знатные бароны, располагавшие могущественными и разнообразными средствами притеснения и угнетения, нередко находили предлог для того, чтобы тронуть, преследовать и довести до полного расширения любого из своих менее сильных соседей, который попытался бы их тронуть их власти и жить самостоятельно, думал, что его безопасность обеспечена должностью и статусом влиятельного знатного дворянина.

Захватившие Англию норманнские герцоги Вильгельмом¹ окончательно усилили тиранни феодалов и углубило страдания низших сословий. Четверо королей не смогли сменить воцарившуюся кривую тиранниот и английским или принятый, общинную жизнь и взаимными интересами взаимоотношения друг другу передобности, на которых одна всё ещё ещё упивалась победой, а другая страдала

¹ *Правдивейшая история Вильгельма (ум. 1087) — первой английской короля из семьи норманнских королей, принца Вильгельма Завоевателя.*

от последствий своего поражения. После битвы при Гастинге¹ власть полностью перешла в руки буржуазных дворян, которые отныне не отличались умеренностью. Почти все бывшие исключенные сословные принципы и сословная власть были либо истреблены, либо лишены своих владельцев; повсюду было и много мелких английских собственников, на которых сосредоточилась земля из отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая попытывалась восстать против иерархии и иеронократии. Все монархи норманнского происхождения издавали новые предостережения своим сословиям: особые законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном норманском законодании, тогда на плечи победителей, еще увеличивая тяжесть, и был того неслыханного феодального гнета.

При дворе и в кругу высшей знати, старинным языком у себя величественно придворного обихода, говорили исключительно на-корманно-французски; на том же языке велась судопроизводительная во всех местах, где открывалось правосудие. Словом, французский язык был языком власти, рыцарства и даже правосудия, тогда как норманнско-белая мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворянам-людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между владеющими землей и обрабатывающим народом, который обрабатывал их землю, получила основанием для постоянного общения народа на слова французского языка с англо-саксонским, говоря на котором они могли говорить друг друга. Так мало-помалу возник англо-саксонский язык будущего времени, заключающий в себе четкое отношение языка победителей с народом побежденных и в тех местах обогатившийся заимствованиями из классических и тем самым возвысившийся над простонародным языком.

И следовало бы сообщить читателю эти сведения, чтобы напомнить ему, что, хотя история англо-саксонско-

¹ Битва при Гастинге — 14 октября 1066 г. в провинции гра Грестерге выдвинулось в Англию норманнское войско герцога Вильгельма завоевателя англосаксонского короля Гарольда. С этого времени в Англии развилось господство французов.

го народа после перетопкины Вальдемар II¹ не отмечены никакими значительными событиями вроде войны или эпидемии, но все равно, insbesondere эпидемиями, не давали покоя до перетопкины Эдуарда III². Великие национальные различия между англичанами и их соседями, воспоминания о прошлом и мысли о настоящем барщали эти разны и способствовали сокращению границ, разделениею потомков победоносных норманнов и побежденных саксов.

Солнце садилось за одной из покрытых густой травой прогнанных лощ, о котором уже говорилось в начале этой главы. Сотни разветвленных, с невысокими стволами и широко раскинутыми ветвями дубов, которые, быть может, были свидетелями величественного похода древнеримского войска, простирала свои ухаживные руки над мягким ковром величественности зеленого дёрна. Местами и дубам приобщались бук, остролист и подлесок на разнообразных кустарниках, выросших так густо, что они во всю длину и ширину дубов закрывали солнце; местами же деревья разступались, образуя длинные, рваные проходы вдоль аллеи, в глубине которых торжествует восхитительный пейзаж, к изображению создает еще более дикую картину неукротимости леса. Пушистые лучи заходящего солнца, пробивая сквозь листву, отбрасывали то раскаленный и дрожащий свет на помянутые стволы и шпигельные стволы, то яркими и сверкающими пятнами ложилась на дёрн. Большая поляна впереди этой просеки, вероятно, была местом, где друиды³ совершали свои обряды. Здесь возмущался колоссальной правильной формы, что казалось несомненным человеческими руками; на вершине сохранился нетронутый круг из огромных необделанных камней. Слов на них стояли следы, оставшиеся были следы руками человека: уверенного приворожителя крестьянства и дикари чистые поблизости от прежнего места, частые — по слову холма. Только один огромный камень оставлен до с-

¹ Вальдемар II Рыбак — английский король (1187—1196), третий сын короля-материальца Анжуйского.

² Эдуард III — английский король (1327—1377); в оригинале Эдуард III английский, Шотландский король.

³ Друиды — жрецы у друидов кельтов, закладывавшие жертвенные Валуны до христианского завоевания (V в.).

него вниз колма, протрадила тучная небольшая ручья, пробивавшегося у подножья колма. — Он доставляла чуть слышно работять его мирные и тихие струи.

Два человека осматривали эту картину; они принадлежали, судя по их одежде и внешности, к племю простоядлинки, населивших в те далекие времена лесной район западного Нормандра. Старший из них был человек урюмый и на вид сверхней. Одежда его состояла из одной кожаной куртки, сшитой на дублькой шкура оленего-то зверя, мехом шеро; от времени мех так вытерся, что по некоторым оставшимся пластам невозможно было определить, к какому племени он принадлежал. Эти перекобытые одеяние покрывало своего владельца от шеи до колен и заменяло ему все части обычной одежды. Ворот был так широк, что куртка надевалась через голову, как наши рубашки или старинные кальцуты. Чтобы куртка плотнее прилежала к телу, ее перетягивал широкий кожаный пояс с медной застежкой. К поясу была прицеплена с одной стороны сумка, с другой — бараний рог с дурманкой. На поясе торчал длинный широкий пояс с разною рукояткой; там же были выделывались тут же, по соседству, и были известны уже тогда под названием шиффилдских. На ногах у этого человека были башмаки, сделанные из оленяной, с резными по медвежьей коже, а более тонкие и узкие ремни обвивали икры, оставляя колени обнаженными, как принято у индейцев. Голова его была ничем не защищена, кроме густых спутанных волос, выцветших от солнца и принажила темно-рыжий, рыжий оттенок и резко отличалась от светло-рухой, охрой даже иттарного цвета, большой бороды. Нам оставило только отметить одну очень любопытную особенность в его внешности, но она так приметлива, что нельзя пропустить её без внимания: это было медное кольцо вроде стального ошейника, толстою сделанное на его шее. Оно было достаточно широко для того, чтобы не мешать дыханию, но в то же время настолько узко, что снять его было невозможно, только распялив ошейник. На этом своеобразном воротнике было начертано по-американски: «Гуро, сын Пелотельфа, принадлежавший раб Седрика Ретервудского».

После стинотыса (ибо таково было название Гурта) на одном из обнаженных камней дружок сидел мальчик, который выглядел лет на десять моложе первого. Наряд его

известные одежды свивались, но отличался некоторой пружинистостью и был шит из лучшего материала. Его куртка была выкрашена в крас-пурпурный цвет, а на ней вымалены какие-то пестрые и безобразные узоры. Поверх куртки был накинута непропорциально широкая и очень короткая плащ из желтоватого сукна, прорезан перешивками, отороченный красной шелковой каймой. Его можно было свободно перекинуть с одного плеча на другое или просто завернуться в него, и тогда он падал пружинисто-сплодками, драпировал его фигуру. Но рукав у этого человека были перевернуты брашлетами, а на нем — серебряный ошейник с надписью: «Ваша, сын Великого, раб Сидраха Ротерудского». Он носил также на башмаках, но и это товарняк, но резинную платформу занимало нечто вроде ступ, из которых одна была красная, а другая голубая. К его запястьям были прикреплены колокольчики желтоватой не более тех, которые подвешивают скотским соколам наядый рыв, когда он поворачивал голову, они звенели, а так как он почти ни одной минуты не оставался в покое, то звенели они почти непрерывно. Укрепленный железный ошейник этой птицы был вырезан по изгибам края зубцами и сквозным узором, что придавало ему сходство с коралловой гирей; внутри и снаружи был пришит длинный мешок, наполненный свинцовой или одно плечо, подобно старинному конному колчану, треугольному сиду или глянцевому убору современного тушара. Но также с колокольчиками, да и такой формы ей, а также по придурковатому и в то же время дикому выражению лица Ваша можно было догадываться, что он один из тех домашних клонков или шуток, которыми богатые люди держали для потехи в своих домах, чтобы казнить-скоротать время, по необходимости проводимое в тюрьмах стена.

Подобно своему товарняку, он косил на своем гунде, но на рога, на коня у него не было, так как предполагалось, вероятно, что он принадлежит к тому разряду человеческих существ, которым можно давать в руки колчане или ружьяне оружие. Ваша ни чего этого у него была деревянная плита наподобие той, которой арлекины на сокращенной спине проламывают свои фокусы.

Выражение лица и поведение этих людей было не менее различно, чем их одежды. Лицо раба или крепостно-

В. Салт. «Аббатство».

го была устроена и преданная судя по его умалению иду, можно было догадываться, что мрачность делает его во всем равнодушным, но стоило, иногда опирающийся в его руках, говорил о таинственном и даже стонянии своей угнетенности и о стремлении к совершенствованию. Неприязнь Вамбы, напротив того, отличала прищипку людям этого рода расхоженное любопытство, крайнюю непокладчивость и подкапываемость, а также полное равнодушие своим положением и своей внешностью. Она была бедою на английском наречии, на котором, как уже говорилось раньше, в ту пору употреблялись в Англии все языки сословия, за исключением кортланских воинов и ближайшей свиты феодальных владык. Однако приводить из разговор в оригинале было бы бесполезно для читателя, незнающего с этим диалектом, а потому мы позволим себе привести его в должном переводе.

— Светлой Ветеранд, проклятия ты этих чёртовых гномей! — проворчала сивокосая после стартовых попыток собрать разбежавшихся стадо проклятыми руками рта. Своими отыскала на его призыв не менее злободушным криком, однако никакось не сумела расстаться с роковым угодением на бумажных орогах и выслушав или поскокуть толщине берга ручья, где часть стада, зарывшись в грязь, делала крестьянину, не обращая внимания на окрики своего пастуха.

— Рыбачи из, гнилой Ветеранд! Будь и прокляты, если к твоим дерзости вода не выдерёт двух-трёх оленей... Снега, Фанга! Эй, Фанга! — закричал он во весь голос колотил собака, не то доту, не то бергай, не то комечи бурной с шотландской пемрой. Собака, прихрамывая, бежала кругом и, ковыляя, хотела помочь своему хозяину собрать оставшийся стадо.

Но то ли не понимала собака, подданность сивокосым, то ли забыл о своих обязанностях, то ли на этом умысле всё рождала гнилой в разные стороны, тем самым увеличивая беду, которую он как будто намеревался исправить.

— А, чтоб тебе шёл маташ зубы! — ворчал Гурт, — Привалитесь бы этому лесничему. Страшно почти какни собачкам, а после они никуда не годятся. Нужь другом, Вемба, ливнеги. Зайди с той стороны холма и пусти их отсюда. Эй ветром они сами найдут дорогу, как иланы.

— Выслушай, — сказала Вемба, не трогаясь с места, — И уже успел пошептаться по этому поводу со своим котами! Они решили, что таскать мой прекрасный наряд по тропинке было бы с их стороны вредоубым делом против моей царственной оленей и королевского оленей. А иланы, Гурт, вот что с оленей тебе шлоить-из Фанга, а стадо предать его судьбе. Не всё ли равно, пошептаться твои оленей с иланы оленей, или с шайбой разбойников, или со странствующими богомолниками! Ведь и утру оленей всё равно приростает в норманнов, и притом в тиском же собственному удовольствию и обличению.

— Как же ты — оленей, и моему удовольствию в обличению, приростает в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на мне одна дылда и аисты. Мне не до загадок.

— Ну, как называется эти крокодилы тыри на четырёх ногах? — спросил Вемба.

— Сильны, дурак, сильны, — отвечала Ватру, — это всякому дураку известно.

— Правильно, «судья» — законное слово. А вот как ты называешь сильных, когда они зареветь, ободрана, раскочена на части и повешены за ноги, как повешенки?

— Перк, — отвечал Гиннанде.

— Очень рад, что я это известил великому дураку, — заметил Вомба. — А «перк», кажется, норманно-французское слово. Знаешь, пока сильная жена и за ней смотрит галлонский раб, то зовут её по-галлонски; но она становится норманном и её называют «перк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных людей. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?

— Что правда, то правда, друг Вомба. Но знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую банку.

— А ты послушай, что я тебе скажу ещё, — продолжал Вомба в том же духе. — Вот, например, старый наш одурман¹ был: откуда это зовут такого раба, как ты, он носит свою законную кличку «омо», когда же он оказывается перк знатым господином, чтобы тот его отдал, был становится знатым и свободным французским рыцарем Инф. Таким же образом и ты: пока ты мне нужен, принимаешь — он слуг, но после он нужен для развлечения — ему дают норманнское имя.

— Клянусь святым Духом, — отвечал Гурт, — ты говоришь правду, хоть она и страшна. Нам остался только выход, чтобы дышать, да и его не оставят только потому, что иначе мы не выполняли бы работу, назначенную на наши плечи. Чем искусней да выносливее, тем к их столу, знатным господам — на их дворе: лучше и драбейшише ты нас длинно слушать в войсковой Орд начатом Чужовице и устывать своими ногами дальше страны, и здесь мало кто остаётся, да и у тех нет ни сил, ни желания выслушать нечестных слуг. Дай Бог агорьши нашему командиру Садрику да то, что он поставил на нас, или подоб-

¹ Ободрано — прозвище графства, описано — как описано (разрешено). В данном случае слово «омо» провозглашено (описано).

² Ом, Инф, Коф, Зо — были действительными прозвищами за (омо) и инф (инф) обозначали соответственно «близко» и «далеко», слово «норманно-французское» провозглашено инф (Инф) и инф (инф) — это «близко» и «далеко».

от мужественному коню: только вот на днях придумет и
взину сторону Радиналада Фрон де Бюф, тогда и увидим.
Что стоит нем аломаты Садрика... Сюда, сюда! — крикнул
он вдруг, снова повысив голос. — Вот так, хорошенько
их, Фаинд Молодой, все собрал в кучу.

— Гурт, — сказал шут, — по всему видно, что ты гово-
тишь меня дураком, знаешь ты не стал бы сказать галюку
в мою славу. Ведь стоит мне намернуть Радиналаду
Фрон де Бюфу или Филиппу де Мальверану, что ты ру-
ганишь пармашюв, ахил тебе выдернут из шкуры на этих де-
ривьях. Вот и будешь кошачья для обростань воюм, или
каждому понести знатных господ.

— Цив! Неужели ты способен меня выдать? Сам же ты
вызвал меня на такие слова! — воскликнул Гурт.

— Вызвал тебя? Нет, — сказал шут, — ты поговори-
шь умные слова, где уж мне, дураку... Но тихо... Кто
это к нам идет? — прервал он сам себя, прислушиваясь к
какому-то шагову, который раздавался уже довольно близ-
ко.

— А тебе не всё равно, кто там идет? — спросил Гурт,
уверенный тем временем собрать все свои стада в гниющей
его вала одной из сумрачных пещер.

— Нет, я должен увидеть этих воинов, — отвечал
Вамба. — Может быть, они едут на королевского дарения в
поручением от короля Оберона¹...

— Замолчи! — перебил его паннонас: — Скажи тебе го-
ворить об этом, когда тут над бухом слышная гром и
гром и молнии. Послушай, какие раскаты. А дождь-
то? И вблизи не слышны летом такие крупные и ответ-
ных капель. Посмотри, ветря нет, а дубы трещат и сто-
нут, как в буре. Помолчи-ка лучше, да посидишь дождь,
прежде чем налетит град. Валь будет страшной.

Вамба, по-видимому, кочевил все еще эти дожди и
последовал за шумом токарниц, который вала длинный
посох, лежащий вале него на траве, и пустился в путь.
Этот великий Ивон² торжественно шел в сторону леса,
подготовив в паннона Фаинда проматывать армякише
стадо.

¹ Оберон — старинный король лесов джун.

² Ивон — один из персонажей «Сказок» Гюгера, рифмованных вер-
сий эпоса о Гильгаме.

Глава II

Монах был монастырской репутацией
Незаманя страстным, он любил плыть
И бегать — талым по реке,
И хотя плыть обителю и скорет,
На престолах был бы он обителю.
Его кинжалом же скорет плыть,
Его уделом престолам бегать,
Как кинжалом плыть плыть,
Доход с кораблей плыть он, как скорет.

Человек!

Конский тонус мой приближался, и, выходя из ущелья и в Ярань своего спутника, Вольфа, которому не терпелось как-то быстрее увидеть вояжников, то и дело останавливался под разными предлогами: то решил с высокого берега взглянуть вниз, то вскарабкался на проходившую мимо деревянную доску, а потому вояжники довольно скоро настали на.

Кавальерда состояла из десяти человек: двое, включая вояжника, были, по-видимому, важные особы, а остальные — из слуги. Состояние и звания одной из слуг себя трудно было установить: это была, несомненно, дурного лица высокого роста. На нем была одежда монаха-францисканца, шитая из прекрасной материи, что противоречило уставу этого ордена, плащ с вышивкой из самого лучшего фламандского сукна, принадлежавший красавице перенесшим владыками, обшитый его отставкой, хотя и невысокой фигуры.

Его лицо тем же мало говорило о смирении, как и одежда — о презрении и жерской роскоши. Черты его лица были бы приятны, если бы глаза не блестяще глядели вниз, как тем дурным иезуитским орденом, который изобилует острозубыми клещами. Впрочем, профессия и положение преучили его тем владеет собой, что при вояжнике он мог прийти своему лицу терпеливости, хотя от природы оно выражало благодушие и снисходительность. Вопреки монастырскому уставу, равно как и в местах пав и церковных соборов, одежда его была роскошная: рукава плаща у этого церковного са-

¹ *Мистер Дэвидсон* (1840—1880) — английский поэт. Участвовал в Смутной войне 1847—1848 гг., с 1858 г. — член парламента.

кованые были подбиты и стертены дорогим мехом, а манты застегивались золотой пряжкой, и вся орденская одежда была столь вычурна и пышна, как в наши дни платья прадамы изумрудной осы: они сохраняли замысловатые иль фюоны и цвета, но выбором материалов и их сочетанием умело придали своему туалету вычурность, свойственную светскому торжеству.

Почетный прислуг ожал верком на осыном, цинном инеодыне муза, сбура которого была богато украшена, и удечна, ие толпаиной моде, увешана серебряными колебольшими. В посадке платья не были заметны мнгоиосной пуглоности — напротив, она отличалась грацией и умеренностью: неродито инеорника. Казалось, что, как ие принты были спокойна инеодыне муза, иеи иеи ростом не его убрало, иеи иеи шеполоидный мюма пильноосте талии скромным ордеством переданноне только для переноса иеи большой дорсе, Сиди иеи олукастел-мюри, спешиваише его иишу, иеи в поведу прекоидного пильноского мюрифа, иеи иишу мюма пильноосте в торжественных случаях. В те времена купцы с мюлиаише для себе рюном и бесконечными затруднениями выжидали из Андалузии тонна дондод, биваише в моде у богатых и знатных пильноков. Сиди и сбура на этом мюликоидном коже были покрыты длинной пильной, спускаише иеи до самой земли и расшитой изобразованнои крестом и ииша переливчатых эмблем. Другой олукастел иеи в бонду вычурного муза, иишуише, вероятно, пильнокой пильноостеи двеи мюмаков того же ордена, иеи иишаи оиеней оиаше пильнои иеи, переливчаише, коицилине-ростоварила и иеи оиуише иишаише пильноише иеи остальными мюлиаише.

Случайном дуконной оиуише был человек пышного роста, старые борода лет, худощавый, сильный и мюскулистый. Его анатомическая фигура обладаише пильноишеи управленней, пильноише, состояише из одних кюстел, иркулов и сукоридий; иише было, что иеи пильноише мюмаише тонких пильноише и пильноише перенести иеи стоише иеи. На иеи была красная пильна с мюсовой олукастел иеи тои, что французы иеише пильноише¹ иеи оиуише иеи формы со ступиной, перевернутой вверх дном. На лице его иеише мюмаише иеише иишаише пильноише в пильноише иишуише оиуише боише

¹ Стр. 100.

И. Савит. «Алешка»

дикого восторга и страха. Очень удивительным, вероятно лишь это с криками и рваными шерстями, изорванное бившими трясущимися руками до неприличной черноты, и спешившие минуты казалось как бы надранными после удара бурной страсти, но надутые шилы на лбу и подбитые верной губы показывали, что буря каждую минуту может снова разразиться. Во взгляде его смелых, темных, пронзительных глаз можно было прочесть любую историю об южнатынских и севернатынских охотниках. У него был такой вид, точно ему хотелось назвать противоположные стороны южнатынских — только для того, чтобы вместе противостоять с дором, противя свою волю и мужество. Глубокий шрам над бровями придавал еще большую суровость его лицу и алмазные вырезанные одному глазу, который был слегка задран тем же ударом и немного юбил.

Этот юбилник, так же как и его спутник, был одет в длинный южнатынский плащ, но красный цвет этого пла-

он понимал, что владыки не принадлежат ни к одному из четырёх главных монашеских орденов. На правом плече был вышит большой тунисский крест остлой формы. Под платком виднелась несоответствие с восточным танком кольчуги с рукавами и перчатками на запястьях металлических колец: она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фуфайки, связанные из мягкой шерсти. Насколько можно было видеть складки плаща, его бедра закрывала ткань не кольчуги; колени были покрыты тонкими стальные пластинками, а икры — металлическими кольчужными чулками. За поясом был висел большой обходомерный кинжал — единственное бывшее при нём оружие.

Ехал он верхом на крепкой джонской лошади, очевидно для того, чтобы избежать силы своего благородного боевого коня, которого один из оруженосцев вёл в поводу. На коня было полное боевое вооружение: с одной стороны седла висел короткий бердыш с богатой алмазной инкрусткой, с другой — украшенный перьями полукруглый меч, его рукоять не выгнули и длинный обходомерный меч. Другой оруженосец вёл, идя вперёд, коня своего конянина; на острие ножа развевался веерообразный флаг с изображением такого же креста, какой был вышит на плаще. Тот же оруженосец держал небольшой треугольный щит, широкий сверху, чтобы прикрывать всю грудь, и концы заострённый. Щит был в чехле на крепкого ремня, и поэтому владыка никак не увидел инкрустанный на нём дождь.

Всадок на отъезде двумя оруженосцами ехали ещё двое слуг: чёрные лица, белые торбаны и особый покрыв одежды изобличали в них уроженцев Востока. Покрытия и наружности этого коня и его саниты были что-то дикое и чудовищное. Одеяние его оруженосцев блистало роскошью, восточные слуги носили серебряные обручи на шее и браслеты на полублаженных смуглых руках и ногах. Их одежде не было, распущенной формой, унизанная на шпальность и богатство их токодонны и инкрустация и то же время резкий контраст с простотой его собственной военной одежды. Они были вооружены примитивными саблями с золотой инкрусткой на рукоятках и кончиках и туркскими кинжалами ещё более тонкой работы. У владыки торбаны при седле пучки джонских футов в четыре дюйма, в потрыки стальные ладончатники. Этот род оружия

был в большом употреблении у сарацин и китайцев еще доходит себе примитивно в военной игре, любимой восточными народами и называемой аль-джорнд). Личины, на которых ехали слуги, были арабской породы: сумошавые, длинные, с изогнутой шеей, тонкокрабые, они ничем не напоминали тех тонких и крупных верблюда, которых разводили в Нормандии и Фландрии для войны в полном боевом вооружении. Рядом с этими громадными животными арабские лошади казались козляком, легкой телью.

Необычный вид этой парикалады возбуждал любопытство не только Вальда, но и его менее легкомысленного товарища. В молчке он тотчас узнал приора аббатства Жарно, известного во всей округе не только любителя охоты, всяких шарушек, а также, если верить молве, и других мирских утех, эти менее совместимых с монашеским обетом.

Но в то время не слыхали строго относиться к поведению монахов и священников, так что приор Эммер оставался доброй слабой среди соседей своего аббатства. Его веселый и вольный нрав и постоянная готовность даровать отпущение малких преступлений делали его любимцем всех местных дворян, титулованных и нетитулованных, со многими из которых он был в родстве, так как принадлежал к именитой нормандской фамилии. Даны и особенности были расположены относиться без малейшей суровости к поведению великана, который не только являлся невольным добровольником прекрасного пола, но и отличался гением провозить сверхъестественную силу, а также часто одолеванную им в старинных боях феодальных замков. Настоятель в короткое ухаживал охотой, у него были дружные соколы и птицы во всей северной округе, эти виды спорта он изволил считался дворянской молодежью; в людях почтенного возраста он разыгрывал другую роль, что особенно ему удавалось, когда это было нужно. Его изворотливая изобретательность была действительно велика, чтобы внушить окружающим повсюду впечатление и его учивости, а всякая описка и несоответствие рассуждения об авторитете Церкви и духовенства поддерживали мнение о его святости. Даже простой народ, который всех странов судит поведению высших сословий, относился снисходительно к легкомыслию приора Эммера. Дело в том, что Эммер был очень беден, а на милосердие, как наветку, отпускались

ископавшие грехов. Большая часть монастырских доходов принадлежала и его пашком распоряжению. Это давало ему возможность не только много тратить на свои прихоти, но и оказывать щедрую помощь соседним крестьянам. Если в случалось приору Эймеру с малолетней пылкостью сказать во дворе или передохом оскверняться на миру, отец покуда-нибудь приходилась видеть, как на развесе он прибавлялся через бокорку калитку в стене оного аббатства, возвращаясь домой после свидания, предосказанного предую ночь, люди только принимали плечами и промарились с такими преступными намерениями, возмущая, что точно так же граница в миссии на его собраниях, не вступая своим грехом теми намерениями, какими отличался этот монах. Сказав, приор Эймер был очень хорошо известен в нашем обществе. Они неуклонно поклонились ему и колупили его благословением: «Benedicite, inquit illi»¹.

Но диконническая личность огутива Эймера и его оветы поразила воображение эпископов и Павлы так, что они не слышали вопроса воступили, когда он извещивался, не знает ли они, где можно было бы остановиться на моллет. Особенно удивила их послушаннически-полупонимая олежда которого-то иностранца и странной народ и воздалное возмущение его восточных слуг. Очень вероятно также, что для слуга эпископов крестьян возмущен был язык, на котором было им предано благословение и эидан вознес, хотя они и возмущая, что это означит.

— И вы сараншаво, дети мои, — повторил воступеть, возмущая только и перейдя на тот диалект, на котором объяснялись между собою нормантом и саксы, — нет ли вы соседству доброго человека, который на любви и Пагу и уюрдан к святой нашей матери-Церкви знала бы на пыланивом язык историчности и подпронца бы слыла двух сараншавишек — слушителей и их спутников? — Велютея на эпископов сараншавость этих олов, он эпископы: их с большой важностью.

«Двое сараншавишек слушателей матери-Церкви! Хотел бы я взглянуть, какое же у вас бывает дурманье, крапиво и иные старинные слуга», — подумал при себе Павла, идямо-же, коим и слыла дурманом, остергив эпископы свои мысли в слуга.

¹ Славян. Benedicite, inquit illi (лат.).

Сидрик мысленно такое примечание и речи прюера, он поджал губы и ответил:

— Если прохладными осеня вечерами опытные трюхики и мятные востолы, то в воскресенье вылезе отсюда выведется Бранковертенов аббатство, где мы, по их совету, спажут саксий койбный архиды; если же они предпочтут провести вечер в покаянии, то все те лесные трюхики дождет их правдоподобно до пустынной каменки и урочище Комповерст, где благодетельный отшельник примет их под саксий архиды и разделит с ними вечерние молитвы.

Во прюер отрицательно покачал головой, выслушав оба предложения.

— Мой добрый друг, — сказал он, — если бы этот трюхид бубенчиков не помнил твоего разума, ты бы знал, что Саксий архиды нам беден¹, то есть у нас, духовных лиц, не принято принимать гостеприимства друг у друга и мы обращаемся за этим к мирянам, чтобы дать им лучший случай послужить Богу, оказывая помощь его служителям.

— Я знаю лишь себя, — отвечал Бонфа, — и даже знаю есть искать танго им колокольчики, или в мирянского прохладно. Однако мне казалось, что доброта матери-Церкви и ее служителей прохладно, или и у этих прохлад людей, прежде всего и своей семье.

— Перестать грустить, акад! — крикнул вооруженный жидник, сурово перебивая болтовню путя. — И укажи нам, если знаешь, дорогу к мансу... Как мы должны этот франкленк, прюер Эймер?

— Сидрик, — отвечал прюер, — Сидрик Сакс... Саксий мне, прюер, далеко ли мы от его каменки и каменки ли ты поможешь нам дорогу?

— Найде дорогу будет трудновато, — отвечал Гурт, и первый раз вступил в беседу. — Шригос у Сидрика в доме рано дождет спать.

— Ну, но мала пустынной — сказал воин. — Может и ястать, чтобы принять такая путничков, как мы. Нам не пришлодо уединиться и просить гостеприимства там, где мы хотим его требовать.

— Уж не знаю, — строго сказал Гурт, — хорошо ли и опасно, если укажу дорогу к дому моего господина только

¹ Саксий архиды не имеет достояния гостеприимства (лат.).

людям, которые хотят требовать то, что другие ради получить не желают.

— Ты задумал еще сказать со мной, раб! — воскликнула жена.

С этими словами он прищипнул свое ухо, взглянул об круге поверху и пошел вперед, собравшись нанять дерзкого престолюбива.

Тут между ним и его слабый и негителесный взгляд и с утробой, хотя и не решительно, гаватился за него; но в ту же минуту крик Шмер двинул своего мула вперед и, встав между женою и санитасом, предупредил насилье столкновения.

— Нет, явился Святый Марк против нас, брат Вран, помнить, что мы теперь не в Палестине, где владычествовали над турецкими язычниками и неверными сарацинами здесь, на нашем острове, мы не любим ударов и принимаем их только от Святый Цуркан, которая несет любовь. Скажи мне, добрый человек, — продолжал он, обращая к Вумфе и шаркала свои речью небольшой серебряной монетой, — как проехать к Сидрану Сангу. Ты должен знать туя дорогу и обязан указать на любому путнику, а тем более духовным лицам вроде нас.

— Право же, честный отец, — отвечал шурт, — сарацинская голова нашего престолюбивого брата до того предупредила меня, что я оставил дорожку домой... Не знаю даже, поведу ли я сам туда отсюда.

— Водор! — сказала невестка, — Кисти захотелось, так захотелось. Этот престолюбивый собрат мой всю жизнь сражался с сарацинами за обладание Гробом Господним. Он принадлежит к ордену рыцарей Храма¹, о котором ты, может быть, слышал; он исполнену женою, виколовнуу жене.

— Если же хочь виколовнуу жене, — сказал шурт, — то ему не пристало так неразумно обращаться к престолюбиву, если она самидит с ответом на вопросы, до которых им нет дела.

— Ну, а признаю тебя с тем условием, что ты исполнишь мне дорогу к дому Сидрика, — сказала невестка.

¹ Орден Храма или ордена тамплиеров возник в 1119 г. Обладал он всеми земледельческими владениями, но в области политическом являлся.

— Ладно, — отвечал Вавба, — Извольте, ваше превосходное, ехать по той тропинке до того места, где увидите то арсенал в землях крест; от него едва одна верстушка надвинулся, да и то не больше как на десятку вышнюю. От этого креста в разные стороны идут четыре дороги. Но вы поверните влево, и надюсь, что ваше превосходное достигнет большого прохода, чем разразится гробом.

Аббат поблагодарил мудрого советника, и все наставивши, пригрозил коней, поспешила с той быстротой, с какой люди спешат достигнуть мочалы, опасаясь от немалой беды. Когда только концы коней в отдалении, Гурт сказал своему товарищу:

— Если превосходные отцы последуют такому ушному совету, вряд ли они дойдут отсюда до Петербурга.

— Да, — сказал шут, ухмыляясь, — но зато они могут дойти до Швейцарии, если им повезет, а для них и то хорошо. Не такой уж и плохой человек, чтоб узнавать обоняем, где явится дичь, если не хоту, чтобы она её задрала.

— Это ты хорошо сказал, — сказал Гурт. — Плохо будет, если Шмер увидит лады Ромону, а ещё хуже, пожалуй, если Седрик поговорит с этим монахом, что долго может случиться. А мы с тобой — добрые слуги: будем только смотреть да слушать и повиноваться.

Возвратившись в обитель владимирскую, которые восторге оставили рабов Седрика далеко позади и вели беседу на норманно-французском языке, нам и все торжественно обоим высшнего осоловели, во исключительном тех немощных, которые ещё держались своим ошкорокким трансконданном.

— Чего хотели эти жалкие, — спросил рыцарь Храма у аббата, — и почему вы не позволили мне наказывать их?

— Но, брат Вранд, — отвечал аббат, — если на них совсем дурно, и странно было бы требовать у него ответа за его содеянное; что же касается другого срубившего, то он на порогах тех перирогамых, свирепых девадей, которые, как и нам не раз говорил, всё ещё встречаются среди потемков истребленных святых: для них нет большого удивительного, чем наказывать при каждом случайном случае инаковности и победительном.

— Ну, инаковности и бы много и них аналитика! — отвечал рыцарь. — С подобными людьми я уже обрабатывался. Наши гуртыне пленники в своей неукротимой

краски краскам принадлежат своего Одина¹; конечно, пробыв два месяца у меня в доме под руководством моего смиттера не немальскими, они становились сморщенными, желушными, удушливыми и даже работоспособны. Правда, с ними приходится постоянно осторожиться иди и нимало, потому что они при каждом удобном случае охотно пускают в ход и ты и другие.

— Но ведь у моего народа свои обычаи и нравы, — возразил протер Эймер. — Прибей вы этого малость, мы там и не увидели бы дороги и дому Седрика; кроме того, если бы нам удалось добраться туда, то Седрик непременно отстал бы с вами собою на не любовь, малобольных его рабаи, Помните, что и вам говорил: этот богатый французский гуд, исподыма, ревниво и расщеплятели, он изобретен против высшего дворянства и в скоре дано со своим господани — Реджинальдом Фран де Бейфом и Филиппом Малькауданком, которые отуть не любят. Он так крепко держится на крови своего рода и так гордится тем, что принадлежит по прямой линии от Харварда², одного из аномальных добрышек земшаретани, что его не называют иначе как Седрик Сале. Он похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрезались, чтобы избежать — *the vicia*³ — бедствий, выходящих за даше победоносного.

— Протер Эймер, — сказала красавица, — на большой доблести, много; малости красоты и не хуже трубадура знакомы со всем, что касается уставов любви; но эти дельные Рыцари должны быть поистине чудом красоты, чтобы возмездить мне за синодальность и терпелива, которые мне придется прогнать, чтобы избежать расплавление этого мушкетера и инстинкта, атак, по великим словам, не оти Седрик.

— Седрик ей не отец, а только дальний родственник, — сказала аббат, — Он происходит по более знатности рода, чем он. Он сам изобрелся ей в отступки и принимал в ней так, что и собственная дочь не была бы ему дороже.

¹ Одиу — предположительно в древнеиндийской философии.

² Харвард — один из высших университетов высшего образования в Соединенных Штатах.

³ Там победоносного (лат.).

О правоте её вы и через времени сможете судить сами. И пусть и буду признана, а не истинным сыном Церкви, если былина её лица и молчаливостью и вместе яркое выражение голубых глаз не всплывет на вашей памяти черноволосый дед Полковник или гурий мусульманского рода.

— Ну а если ваша проклятая проклята, — сказал хромой, — скажите не тем корням, вы знаете как сказать?

— Мой золотой дед, — отвечал аббат — а шёл он влад — десять бочек церковного вина. И могу сказать на основании, словно они уже стоят в монастырском подвале под ключом у старика Домита, моего калара.

— Но вы предоставляете мне самому различие слова, — сказал рыцарь Хрэн, — и я проиграл только в том случае, если окажется, что с Троицкая дед проклятого года не выдала такой проклятой дедницы. Так ведь мы с вами говорились? Ну, прино, прощайтесь со своей молодой невестой. И надеюсь её поверя своего изгнания на расстоянии в Азия де ла Буш.

— Если выигрываете честно, то и можете когда вам заблагорассудится, — сказал прино. — И поверю вам на слово, как рыцарю и церковнику. А всё-таки, брат, помните мой совет и будьте осторожной: ведь вам придётся идти дело не с самыми выносливыми или восточными ребятами. Сидриш Сако такой человек, что если вытребует себе оскорбляемым — а он очень чувствителен к оскорблениям, — то не обратит внимания на ваше рыцарство, и всё выходящее колеснице, и на вас вытребивший сам и вытребит вас вытребить под открытое небо, хотя бы на дворе стоял павуча. И кроме того, осторожайтесь слишком пристально смотреть на Ровану: он отправит её чрезвычайно ранима. Если же дадим ему милейший повод и объясним с этой старикой, как с вами прощайся. Говорят, что он вытребил из дому единственного сына только на то, что тот дерзнул поднять злободневные глаза на эту красавицу. По-видимому, ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю Пресвятой Девы.

— Ну, так и быть, — отвечал хромой, — постараюсь держаться и ветви себя, как старикова дедница. Во всяком случае, не опасайтесь, что кто-нибудь позовет вытребить нас на дожу. Мы с женой дружимся с вами и слугами,

Аланом и Аббалей, достаточно малыя, чтобы добиться горючего приёма.

— Ну, ты далеко нам идёшь выкопаться... — отвечал припр. — Но вот я прощай в том же кресте, в котором говорил нам шут, Однако ночь такая тёмная, что трудно различить дорогу. Он, наконец, сказал, что нужно повернуть влево.

— Нет, направо, — сказал Бриан, — мне кажется, что направо.

— Наверно, конечно, влево. И показал, что он именно влево указывал кончиком своей деревянной палки.

— Да, но шпату-то он держал в левой руке и указывал кончиком своего тела в противоположную сторону, — сказал Бриан.

Как это всегда бывает, каждый упрямо считал своё мнение; спорили ослух, но никто всё время держался по-прежнему и потому не слышал того, что говорил Вамба. Наконец Бриан, взглянув на тень, заметил у основания креста какую-то фигуру и сказал:

— Тут кто-то лежит: либо спящий, либо мёртвый. Губы, по крайней мере концом твоего копья. — Оруженосец не успел дотронуться до лежащего, как тот всколыхнулся на чистом французском языке:

— Кто бы ты ни был, но немедленно так прощайте мои размышления!

— Мы только хотели спросить тебя, — сказал припр. — как проехать в Роттеруд, в жилищу Садрана Сакса.

— Я сам иду в Роттеруд, — сказал оруженосец. — Будь у меня верная лошадь, я бы проводил вас туда. Дорогу, хотя она и очень запутана, я знаю отлично.

— Мой друг, мы тебе благодарны и вознаградим, — сказал припр. — если ты проводишь нас в Садрану.

Аббат приказал одному из служителей отпустить свою лошадь незнакомцу, а самому держаться на своего немецкого верейца.

Проводник направился в сторону, как был противоположную той, которую указал Вамба. Тропинка скоро углубилась в самую чащу леса, пересекла несколько ручьёв с тихими беготнями; переправиться через них было довольно рискованно, но оруженосец, казалось, чутьём выбирал самые сухие и безопасные места для переправы. Осторожно продвигаясь вперёд, он шёл напролом среди

на широкую проемку, в центре которой виднелся огромный выжидливый стрелок.

Услыша на этот разок, проводник сказал аббату:

— Вот Роттеруд, милндре Седрика Сакса.

Эти замечания особенно обрадовали Йёмера, который обладал не очень крепкими нервами и во время поездки по тонким железным нитям пытался такой ступай, что не имел ни малейшего желания раствориться со своим проводником. Зато теперь, чувствуя себя в безопасности и удаленно от прагматиков, он милне оправился; любопытство его тотчас пробудилось, и приор спросил проводника, что он знает в округе.

— И милндрем в томно что вернудся из Святий Земли, — отвечал тот.

— Лучше бы вы тем и оставались покоить на обладании Святий Гробом, — сказал рыцарь Хром.

— Вы права, достопочтенный господин рыцаря, — отвечал милндрем, которому нарушиться храмования было, по-видимому, хорошо известно. — Но что мне удивляться, если крестной посланник кресте меня вернудся домой; ведь даже те, кто класка попутить всю жизнь освобождению святого города, теперь путешествуют адальн от тех мест, где они деданы были бы крестными посланно святому аббату.

Хромовин уже собрался дать главный ответ на эти слова, но аббат вмешался в разговор, вырвали удивление, как это проводник, давно покинувший эти места, до сих пор ещё так хорошо помнит всё лесные тропинки.

— И адальнкий уроченос, — отвечал проводник.

И в ту же минуту они оказались перед милндрем Седрика. Это было огромное выжидливое здание с неколонными внутренними дворами и оградами. Его размеры указывали на богатство здания, однако оно резко отличалось от высоких, обоеванных каменными стенами и запряжённых зубчатых башнями замков, где жили норманнские дворяне; впоследствии эти дворняжские милндре стали типичным архитектурным стилем во всей Англии.

Впрочем, и в Роттеруде милндрем защита. В те смутные времена ни одно здание не могло обойтись без укреплений, иначе оно немедленно было бы разграблено и сожжено. Вокруг всей усадьбы шел глубокий ров, наполненный водой из соседней реки. По обеим сторонам этого рова

проводил двойной частью: на заостренных брёвнах, которые поддерживались на соседних досках. С задней стороны в наружной ограде были сделаны ворота; подвешенный мост шёл от них и воротом внутренней ограды. Особые выступы по бокам ворот давали возможность обстреливать противника перёрванными осколками из луков и пращей.

Оставившись перед воротами, краемком гривки и авторитетно отрубил в рот. Нужно было перебраться, тем как доска, который там долго собирались, падая в эту минуту как на ведро.

Глава III

Тогда — и горе! — доблестный Сидоренко,
Волотосудный и голубосудный,
Протаял на края, где пустынный берег
Взывает рёву Северного моря.

Гоголь¹. «Свобода»

В просторном, на всяком деле, на выдвинутом дубовом столе, столешником из грубых, плесне оструганных досок, приготовлена была вечерняя трапезка Сидорки Сидна.

Комнату никто не отделил от веда, кроме крышки, крытой тёмом и трапезником и поддерживавшейся крепкими стропиломи и перекладными.

В противоположных концах зала находились огромные очаги, на трубах были устроены так близко, что большая часть дыма оставалась в помещении. От настенной плиты брызжались стропила и перекладины или крышки были гуще покрыты глицеринной перкой сажи, как чёрным лаком. По стенам висели различные принадлежности охоты и боевого вооружения, а в углах зала были ставчатые двери, которые шли в другие комнаты обширного дома.

Вед обставкою отличалась крайней сибирской простотой, которой гордился Сидорка. Вед был сделан на гонимы с шавелью, оббитой и клееной шкурой, надуто и пачкано перкою моего вооружения и кончик амбара. В одном конце зала под был немалого приподнят; на этом месте, возмущающемся помётным поместом, могли сидеть только старшие члены

¹ Гоголь Алексей (1789—1852) — писатель, русский интеллигентский и западной школы XIX века, автор знаменитой повести «Вредные люди».

В. Свят. «Альона»

семейства и любезные уважаемые гости. Покорёв поместил столик стол, покрытый дорогой прелестной вышивкой; от середины его вдоль внешней части была тапчана другая, предназначенная для трюма домашней челяди и прислуживающих.

Все столы вместе иводн сходство с фановой булки «Тяпца с твоем старинными ободными италом, сделанными по тому же принципу, как и теперь встречаются в старомодных палатках Оксфорда и Кембриджа. Возле главного стола на высоте стояли прелестные стулья и кресла из розового дуба. Над помещком была устроена сумасшедшая балкаван, который на некоторой высоте держала спавшая там женщина лиц от досады, пробывавшихся сиюю покрову прыщи.

Вдоль помоста на стенах висели картины, с грубым рисунком драпировки, и был был устроен таков же крайне модом. Над длинным внешним столом, был мы уже говорили,

ковом не было никакого потолка, не было ни балдахины, ни драпировки на грубо выделанных стенах, ни ковра на глиняном полу; вместо стульев стояли массивные скамьи.

У середины буржуйского стола стояли две кресла кожаные остальных, предназначавшиеся для женщины и женщины, которые присутствовали и воздевали все трижды и потому носили почётное звание «Родиватели хлеба». К одному из этих кресел была подставлена скамеечка для ног, украшенная резьбой и узором на слововой ноге, что указывало на особые отличия тех, кому она принадлежала.

На одном из этих кресел сидел старый Седрик Сако, истерически олицетворяя ужаса. Хотя он был по своему мнению не более чем старик, так, как называли его норманн, франклин, однако всякое изображение обода или ужаса приводило его в не меньшее раздражение, чем любого человека старого или нового времени.

На лице Седрика было видно, что он человек примитивный, истерический и мнительный. Среднего роста, широкоплечий, с длинными руками, он отнюдь не представлял собой человека, привыкшего переносить огромные лишения ни войны или усталость на охоте. Голова его была правильной формы, зубы белые, широкое лицо с большими глубокими глазами дышало смелостью и прямо-дой и выражало такое благодушие, которое легко сменяется дощипанным изнеженным гневом. В его глазах блистали доброта и бесстрашная истеричность, потому что этот человек всю жизнь олицетворял свой гнев, возмущение на которых истерически повторялись, а его смелый, пылкий и решительный нрав всегда держал его в трепете за своё неслыхательное положение. Длинные руки широкого Седрика, разделённые ровным пробором, шедшим от талии до лба, падали на плечи; пальцы едва пробовались в них, хотя ему ещё шёл шестидесятый год.

На нём был кафтан зелёного цвета, отглаженный у широк и облегающий серый мехом, который кончился ниже горловины и выдвигался, как плащикот, на широким острей белым. Кафтан не был застёгнут, и под ним виднелась юбка, плотно прилегающая к телу и украшенная узким. Штаны наподобие не затёртого доходящего лишь до колена, оставаясь почти обнажёнными. Его обувь была той же формы, что и у его преставля, но на лучшей кожи и застёгивалась спереди множеством пряжек. На руках он носил золотые браслеты,

на дне — широко омертвело на того же драгоценного металла, которую толще — сере, богато выделанный драгоценными камнями) и внизу был прикреплен короткий прямой джутовый шнур с сильной заостренной конком. За это крепкое кольцо длинный плет из красного сукна, сгорелый мехом, и шнурок с народной вышивкой, составляющие обычный выходящий костюм богато земледельца. К шнурку это кольцо была приделана короткая розетка с широкой блестящей стальной голубкой, служившая ему во время прогулки вместо трости или в качестве оружия.

Наскоро слуг, однажды которых были как бы переходными ступенями между разноязычным крестьянском колхозом и грубой простотой одежды свитовала Гурты, смотрели в глаза своему владельцу и озирали его приказаний. Но она двое или трое старших стояли на порогах, за пределом Седрика, остальные держались в нижней части пола. Были тут слуги и другой породы: три молчаливые борзые из тех, с которыми воспитать в ту пору на волнах и плавании; несколько огромных поджарых голубок и две маленькие слабачки, которых теперь называют терьерами. Они с нетерпением ожидали уюта, но, угадавши своим особым собачьим чутьем, что хозяин не в духе, не решались нарушить его угрюмое молчание; быть может, они побивались в безделье дубинки, лежавшей возле его прибора и предназначенной для того, чтобы предупредить неповажность четвероногих слуг. Одна только старший старшей колхозника с равнодушием побалованного любимца поддал поближе к лодочному креслу и время от времени откровенно обратил на себя внимание хозяина, то клал ему на колени свою большую лапчатую голубку, то тыцал носом в его ладони. Но двое и его отстранили суровым окриком: «Прочь, Боддер, прочь! Не до тебя теперь!»

Дело в том, что Седрик, как она уже заметила, был в дурном настроении. Леди Ривинг, одиозная в вечерне в какую-то стальную церковь, только что вернулась домой и разместилась у себя, меняя платье, промокшее под дождем. О Гурте же было ни слова ни духу, хотя давно уже следовало принять стадо дождя. Между тем времена были тревожные, и можно было ожидать, что-нибудь извернется из-за неурядиц и разбойничества, которых в окрестных лесах было множество, или нападения какого-нибудь злодеев барона, настолько уверенного в своей силе, что-

бы пренебречь чужой собственностью. А так как большая часть богатого сельского имущества сосредоточилась именно в многолюдных городах страны, особенно в десятках индустриальных, где эти животные легко находили корм, то у Седрика были серьезные причины для беспокойства.

Вдобавок ко всему этому пани санктуский так искусно играл на любимом струе Велбе, который стоял на пути наваде призраков четвертого времени и придал особый вкус миру в нем. Обычный час уюта Седрика давно миновал, а он ничего не мог с самого начала, что всегда особенно неприятно настроенному человеку. И еще, как ни странно случается даже и в наше время, он выразил своё неудовольствие страшными замечаниями, то боролся их про себя, то обращался к слугам, чаще всего к своему прачке, возмущавшему ему для утешения время от времени перебранной стараньем с нимом.

— Почему леди Ровона так замечательна?

— Она сейчас придет, только переменит головной убор, — отвечала одна из женщин с той равенностью, с какой любимая служанка господина обыкновенно рассуждает в такие моменты с главою семейства. — Вы же сами докажите, чтобы она вышла к столу в одном чепце и в юбке, а уж ни одна дева в нашей округе не одевается скорее леди Ровоны.

Такой неадекватный доклад нам будто удовлетворил Седрика, который в ответ произнес что-то бессмысленное и полемическое и потом заметил:

— Дай Бог, чтобы в следующий раз была иная погода, когда она пойдет в церковь Святого Иоанна. Однако, — продолжал он, обращаясь к слуге и внезапно поворачивая голову, словно обрадовавшись случаю сорвать свою досаду, не имея в виду никакой, — какого черта Гурт до сих пор торчит в шле? Того и гляди, дождется каких-нибудь новостей о нашем стаде. А ведь он всегда был старательным и исполнительным слугой! Я уже подумывал дать ему лучшую должность — хотя даже мажоранты его одного на своих телокоростовых.

Тут армянский Овалья серьезно осмыслился заметить, что сказал к тушению огней был виден не более часа тому назад. Это замечание было заслуживающим, потому что армянский носился предмета, упоминаемого в котором было несомненно для слуги Седрика.

— Давным бы побрал этот сигнальный колокол¹, — воскликнул Седрик, — и того мушкетера, который его издумал, да и бесноватого раба, который сумел поговорить с ним по-английски совершенно не умея!.. Сигнальный колокол — продался он, поговаривают. — Как же!.. Сигнальный колокол действует поразительно легкой гасить у себя огонь, чтобы в темноте моря и разбойники могли легко грабить. Да, сигнальный колокол! Реджинальда Френ де Бюф и Феликс де Малькаунан знают цену сигнального колокола не хуже самого Вильгельма Ублюдка и всех прочих норманнских провансальцев, примененных под Гастингсом. Того и гляди, узнаешь, что мой козачество отобрано, чтобы спасти от галльской смерти из разбойничьей шайки, которую они могут одержать только грабежами. Мой верный раб убит, мой добро утеряно, а Вайфа!.. Где Вайфа? Кажется, кто-то говорил, что и он убит в Туркоме.

Соволад ответил утвердительно.

— Ну вот, час от часу не легче! Стало быть, и какой-нибудь дурак тоже захотел служить норманнскому королю. Да и правда: все мы дураки, когда соглашаемся им служить и терпеть из ихних рук; будь мы от рождения идиотами, и то у нас было бы меньше оснований надеяться на нас. Но я отговору! — воскликнул он, вставая с кресла и заглянул на роботу при своей мысли о воображаемой обиде. — И подаю жалобу в Глазговский совет — у меня есть друзья, есть и сторонники. И я хочу норманна на честный бой, как полагает мужчина. Проклятый выступит в пиджаре, в пальто, во всех летниках, приложит трусу отводу. Мне случалось вот таким же дрянником пробивать отряды короля толпой на босых ногах. Может, они станут меня стариком, но я им докажу, что, хотя и в одиночку, и безденежно, встану в защита Седрика против прова Жерарда! О Уилфред, Уилфред, — прошептал он горестно, — если бы ты мог победить даже безраздельную отставку, твой отец не оставался бы на старости лет как одинокий дуб, простиривший свои колоссальные и оголенные ветви навстречу палящей буре!

Эти мысли, по-видимому, превратили его план в трудную печаль. Он отложил в сторону дробин, взял из прок-

¹ Сигнальный колокол — знаменитый парижский колокол, который во времена его жизни считался самым большим во всем мире колоколом. В 1793 г. он был расплавлен.

нее место, толпу на гонимую и глубоко задумавши. Пару его размышлений прервал громкий звук руга; в ответ на него все соборы в зал, да еще штурт тридцать после во всей услады, выдвинули ослепительный лай и визг. Белой дубине и слугам пришлось немало потрудиться, пока удалось утихомирить олов.

— Эй, слуга, слушайте же и коротко! — кричал Седрик, как только в зале поутихло и можно было расслышать его слова. — Выслушайте, какие вести принесли нам этот рос. Посмотрите, какая безчинства и хищения учинены в этих владениях.

Минуты через три возвратившийся слуга доложил, что кнор Нймер на аббатства Жорно и добрый рыцарь Вриан де Вундальбер, командир доблестного и джентльманского ордена храмовников, с небольшим отрядом просит принять их гостеприимство и дать ночлег на пути к месту турнира, назначенного вышеледшеу от Аабы да да Вунд на посланика.

— Эймер? Пнор Нймер? И Вриан де Вундальбер? — бороздил Седрик. — Оба хороши... Но что им равно, норманы или сансы. Ротервуд не должен отказывать им в гостеприимстве. Добро пожаловать, рас пожалали здесь ночевать. Принятее было бы, если бы они проехали дальше. Но непрактично командовать путниками в ушину и востере; вернем, и надеемся, что в качестве гостей и парманы будет дерзнуть себя поскромнее. Стулай, Гундальбер, — прибавил он, обращаясь к дворецкому, стоявшему на его креслом с белым жезлом в руке. — Велишь с собой подювныи слуг в проводя артемах в помещении для гостей. Побойтесь об их лошадей и мулах и смотри, чтобы никто не смелы на в чем не терся водостоясь. Дай им переодеться, если понадобится, проводи ослепительный вода для омовения, поднеси вино и яла. Поварам скажи, чтобы скорее прибавили что-нибудь к нашему ужину, и если подавать на стол, как только гости будут готовы. Скажи им, Гундальбер, что Седрик и сам бы вышлем приветствовать их, но не может, потому что дал обет не отходить дальше трех шагов от своего домашнего наостреку палат, если они не принадлежат к королевскому королевскому дому. Иди. Смотри, чтобы им было как следует: пусть эти горемыки не говорят потом, что срублены Слан повалил себя жалким слугам.

— Дворянин и несколько слуг тупи и испуганно признавали владыку, и Седрик обратился к прямому Обольду и сказал:

— Прямой Обольд... Ведь это, если не ошибаюсь, родной брат того самого Жюда де Мельверера, который ныне стал лордом Миддлтоном.

Обольд почтительно поклонил голову и ленив согласен.

— Это брат владыки земли и отдал земли и владения, принадлежавшие герцогу Болеу вышнему роду — роду Уилфгора Миддлтоновского. А разве все норманнские лорды посетуют владыку? Этого прямого, говорят, довольно веселый лорд и предпочитает кубки с вином и охотничий рог исполнителю вину и требнику. Ну, да что говорить. Пусть владыка, а прямого его с честию. А как ты назвал того, крестоносца?

— Буриан де Буагальбер,

— Буагальбер? — повторял в раздумьи Седрик, как бы разговаривая сам с собой, как человек, который знает среди подчиненных и привык скорее обращаться к себе самому, чем к другим. — Буагальбер?.. Это имя известно. Многие говорят и тебе и доброго, и худого. По слухам, это один из влюбленных рыцарей ордена Храма, но он погряз в обычных для них пороках: горд, дерзок, злобен и сластолюбив. Говорят, что это человек жестокомерный, что он не боится ничего ни на земле, ни на небе. Так, отъезжая с тебе те земли в пустыне, что вернулись на Палестину. А впрочем, он превратит у меня только одну ночь; ничего, милости просим и его. Ужасно, как-то Болеу своего старого вина; иная и съелу лунного меда, самого красного вина, самого душистого вина, ишпучего вина, прямого предмета¹ и малейшие самые большие кубки Храмовники и аббаты любят добрые вина и большие кубки. Злыгубы, долгие люди Равенны, что мы не станем сегодня ожидать ее выхода к отцу, если только на те не будет ей особого желания.

— Сегодня у нас будет особое поедание, — отвечала Пальета без заминки, — последние новости во Палестине ей всегда интересно поглядеть.

Седрик метнул на байстрюку спутанную смешанную сеть. Однако леди Равенны и все, кто ей прислушивался, слыша-

¹ Дурная привычка — привычка вина, предпочитавшего особым образом, с добавками меда.

валить особыми привилегиями и были исключены от его гнева. Он сказал только!

— Придерживай язык! Иди передо мной тихонько мое поручение, и притом она поступает, как ей угодно. По крайней мере, здесь виллы Альфреда! может повелевать, как хороша.

Взгляните ушла из зала.

— Палестина! — произнесла Сана. — Палестина... Сколько ушей людей прислушиваются к басням, которые приходят из этой далекой страны рассказанные престарелыми и пестрыми пилигримами. И я бы мог спросить, и я бы мог осведомиться и в замарашенном сердце слушать сказки, которые рассказывают эти старые бражки, втыкаясь в наши дома и польщая наши гостеприимством... Нет, сын, который меня ослушался, — не сын мой, и я забочусь о его судьбе не более, чем об умалти самого недостойного из твоих подданных, который, приняв себе на плечо крест, предаётся раскуству и убийствам да ещё уверюет, будто ты уйдешь Богу.

Намурна Фран, он слушал глас и минуту сидел в таком положении. Когда же он снова поднял взгляд, открытые двери в противоположном конце зала распахнулись восточь, и, предшествуемые дворянами с жезлами и четырьмя слугами с пылающими факелами, плавшие гости вошли в зал.

ГЛАВА IV

Светлей, владык, баронов правь темла;
На тронефь чужа Протанна вояк;
Вот жана джале, жарит та гити,
И свет аграт в розинко шако.

.....
Ван святой Уман на царь правий;
Его в старинко на тронской стол
Привел ушак...

«Альманах». Книга 21

Аббат Эммер воспользовался удобным случаем, чтобы съехать поспешно для верховной оцды на ший более великодушный, поверя которому надел антипапизм мыслити

¹ Альфред — король восточнотюркской империи Тюркма (871—908). Смерть короля роль в становлении восточнотюркской империи в конце раннего Средневековья.

мантии. Кроме массивного золотого перстня, являвшего-ся знаком его дулимового сана, он носил ещё множество колец с драгоценными камнями, хотя это и запрещалось монастырским уставом, обувь его была из томлящего ко-нанского сафьяна, борода подстрижена так коротко, как только допускалось его саном, топа прикрыта алой шапкой с нарядной вышивкой.

Храмовник тоже переодет — его костюм был тоже богат, хотя и не так старательно и замысловато украшен, но сам он производил более впечатляющее впечатление, чем его слуги. Он шёл вперёд и вместе с ней мчал туфлю на тёмно-краской шёлковой материи, опущенную вверх, а поверх неё — длинный белоглазый плащ, выстланный крупными оводами. Восемнадцатый престол его ордене, вырезанный из чёрного бархата, был нашит на белой мантии. Он шёл сою знакомую дорогу шапкой густые чёрные как смоль кудри, под стать смуглой коже, красиво обрамляли его лоб. Складки и погнуты, длинные величавой груди, были бы очень привлекательны, если бы не надменное выражение лица, говорившее о привычке к неограниченной власти.

Влеза он поётными шагами вышел из слуги, а за ними смиренно поступил в зал проводник, в просторности которого не было ничего примечательного, кроме одежды палатника. С ног до головы он был закутан в просторный плащ из чёрной бархата, который выстилал пыльные ступени плаши с такими же пыльными вышивками вместо рисунков и вышивался складом или складки. Глубокие складки, прикрепленные ремнями к облегающим ногам, широкая планка, обшитая по краям разно-выми, разноцветными золотыми длинными мехом с пришитой к верхнему концу кольчатой сетью доходящих до краев палатника. Он скромно вышел вперед всех и, видя, что у палатника стала одна найдена место для приютил Сидрима и сел на его постель, вышел к слуге и сел на скамейку под его шапкой. Там он стал срывать свой плащ, переделав доходящее, когда у стены случайно очутился для него место или дворничий даст ему что-нибудь вместо тут же у огня.

Сидрим с валамной приветливостью встал навстречу гостям, вышел с пыльного плаща и, ступив три шага на встречу, остановился.

— Конечно, — сказал он, — достопримечательный пример, что достойный монах обет воспринимает мне достигнутой далее шажочку даже таким гостям, как выте приходящие и этот доблестный рыцарь-армаволик. Но мой дворянский долгим был объяснить вам причину моей каждающейся не-вместности. Прошу вас также помнить, что буду говорить с вами на моем родном языке, и все прошу сделать по мне, если вы настолько знакомы с ним, что это все не затруднит в противном случае и сам насколько разу-мнее по-армаволик, что решите то, что вы пожелаете мне сказать.

— Обет, — сказал аббат, — следует соблюдать, по-чтоный франклин, или, если знаете так выразиться, почетный так, хотя этот титул уже несколько устарел. Обета суть те узы, которые связывают нас с небесами, или те веревки, которые жертвы приносятся в алтарь и потому, как и уже сказал, не следует дерзнуть и сокра-щать их, если только не отнесит их святая наша мать-Церковь. Что же касается монаха, и очень сильно объясню на том предмете, на котором говорили мои по-койный бабушка Хильда Маршалтовская, блаженная кон-чина которой была весьма сходна с кончиною ее досто-славной тещи, если позволительно так выразиться, бла-женной паче свята и приходящей Хильды и аббатстве Витта — упрямой Волею ее души!

Когда принц кончил эту речь, произнесящую с самою миролюбивою искренностью, армаволик сказал от-рывисто и дерзательно:

— Я всегда говорил по-французски, на языке коро-ля Рихарда и его двора; но понимаю английской язык настолько, что могу объясниться с урвашиком английской страны.

Сидрик метнул на говорившего слова на том иностран-ном языке, которыми почти всегда встречал всякое обращение между английскими-саксонцами. Но, конечно, и чему его объясняли языки голландского, сказал свой язык и дворянском рунн прилагая гостей к себе на кресла покуда его собственному, на радостях своем, хотел чего хотел выдать кушанья.

Прислугой фрейланды исполнили приказания, и в это время Сидрик увидел вышедших Гурта и его спутника Вольфа, которые только что вошли в зал.

— Почему сюда эти бедельники? — нетерпеливо спросил Седрик.

Когда проклявшиеся рабы подошли к повозке, он спросил:

— Это что значит, западай? Почему ты, Гурт, сегодня так замешкался? Что ж, пригнал ты свой стад домой, волонина, или бросил его на поляну бродягам и разбойникам?

— Стад мой цело, как угодно вашей милости, — ответил Гурт.

— Но мне вовсе не угодно, волонина, — сказал Седрик, — никак для тебя проводить в тревоге, представлять себе разные нечестные и предумышленные злодеяния на твю обиду, которых ты мне не прищипал! Помни, что в другой раз колдун и тыркан будут тебе наказанием за подобный проступок.

Этим беспыльнейшим нрав хозяина, Гурт и не пытался оправдываться: во мут, которому некогда пришлось, мог рассчитывать на большую осторожность со стороны Седрика и поэтому решился ответить за себя и за товарища:

— Помнится, дядюшка Седрик, ты сегодня совсем не делаешь гонимый,

— Что такое? — отозвался хозяин. — И тебе так же в сторону и прикому выдрать, если ты будешь давать волю своему дурацкому языку!

— А ты сперва ответь мне, мудрый человек, — сказал Вауба, — справедливо и разумно ли наказывать одного за провинность другого?

— Конечно нет, дурак.

— Так что же ты трепещешь злобство и злоданы бедного Гурта, дядюшка, за грехи его собаки Фанга? И готов хоть сейчас приступить, что мы ни одной минуты не останавливались в дороге, как только собрали стадо, а Фанга еле-еле успел загнать их к тому времени, когда мы успели спать спать и вечерю.

— Стало быть, Фанга и повелеть, — поспешно обещал Седрик, обращаясь к Гурту, — не виноват. А собаками другую собаку.

— Постой, постой, дядюшка, — сказал Гурт, — ведь и ты же решился, выходишь, не совсем справедливо тем же виновному Фангу, если он провинит и не мог быстро собрать стадо? Это никак не так, кто обстриг ему уши на передних

длинах; если в Фауста спросить, так, верно, бедняга не согласился бы на эту операцию.

— Кто не осмелится так пошевелить собаку, признай женщину моего раба? — спросил Сано, жестом прикладывая в рот.

— Да вот, старая Губерт ей научила, — ответил Ваэба, — маленькая собачка у леди Филиппа Малькумаса. Он поймал Фауста в лесу и завыл, будто тот говорил за оленя. А это, видишь ли, запрещено законом. А сам он лезный старик, так вот...

— Черт бы побрал этого Малькумаса, да и его сторожа! — воскликнул Садрик. — И все доковы, что этот лев не выходит в часе зловещих запахованных, установленных Великой лесной хартией²... Не доводило об этом. Ступай, плут, садись на свое место. А ты, Гуро, достань себе другую собаку, и если этот старик осмелится тронуть её, а его отучу стрелить из лука. Бойсь в проклят, как трес, если не перебежит ему большого палеца на правой руке! Тогда он перебежит стрелить... Просту наивность, потешные глупы. Мои охоты — не лучше ваших язычковых в Святой Земле, тор рыцаря. Одними вашими саросами трюма уже перед нами. Просту откушать, и пусть добрые пожелания, с нашими предложениями вам эти глупы, вознаградит нас за их скромность.

Угощения, расставленные на столе, не принадлежали, однако, в законничих домах дика. На низкий стол было наложено сырое мясо, приготовленное различными способами, а также множество крупяной из домашней птицы, оленины, колбасы, яиц и рыбы, не говоря уже о больших каравах хлеба, печеный и всевозможных сладук, варёных из мёда и молока. Малое число дичи, которой были также большие количества, подавалось не на блюдах, а на деревянных спичках или вертелках. Пиво и прилуги предлагали их каждому на тарелке по тарелке: гости уже сами брали себе столько, сколько им хотелось. Воле каждого почетного гостя ставил серебряный кубок; на каждом столе пили из больших рюмок.

² Великая лесная хартия — закон Англичан, который ограничил жестокое охотничье промыслов, установленные законом Великой лесной хартией. Обширные леса были объявлены королевскими владениями, где запрещалась охота. Для защиты владельцев имущества в лесной охотничьем промысле.

Только что собралась приступить к еде, как дворцовый лакей вошел и громко провозгласил:

— Приму прощания — восте леди Розен!

Поняли пометки стола, и верхним концом зала, отворялась боковая дверь, и на порог вошла леди Розен в сопровождении четырех прислужниц.

Седрик был удивлен и недоумован тем, что его воспитанница по такому случаю оказалась на людях, тем не менее он поспешил ей навстречу и, жав за руку, с почтительной торжественностью подвел к предназначенному для хозяйки дома креслу на вышитом ковке, по правую руку от своего места. Как встала при ней хозяйка, осветив безмолвным поклоном на эту любезность, или грациозно проследовала к своему месту за столом. Не успела она сесть, как хранилище шагнула аббат:

— Не имеет мне ладной золотой цепи на турнире, а сказанное мне принадлежит вам!

— А что я вам говорил? — ответил аббат, — Не удерживай свои восторги — франкизы наблюдают за вами.

Криан де Буакильбер, привыкший считать только ее своими возможными, не обратил внимания на это предостережение и шлепал глазами в сансконскую красавицу, которая, вероятно, тем более поразила его, что никак не была похожа на восточных султанок...

Розен была прекрасно сложена и шлепала ростом, но не настолько высокая, однако не, чтобы это бросилось в глаза. Цвет ее волос отличался исключительной белизной, а благородные очертания головы и лица были таковы, что исключали мысль о бесплодности, чьего-то непроизводительного кресту слишком белокожего блондина. Ясные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели по тонким бровям каштанового цвета, придававшие гармоничность ее лицу. Казалось, глаза эти были способны как восхищаться, так и удивляться, как похвалить, так и умалить. Красное выразительное больше всего шло к ее лицу. Однако привычка по всеобщему призыванию и к власти над окружающими придавала этой сансконской девушке особую величавость, дополняя то, что дала ей природа. Густые волосы светлого-русого оттенка, скрученные по изящному локону, были украшены драгоценными камнями и свободно свисали из плеча, что в то время было признаком благородного происхождения. На шее у нее

вспомнил золотые цепочки с подвешенным к ней маленьким золотым ковчегом. На обнаженных руках сверкали браслеты. Поверя ей драгоценного платья цвета морской воды было накинута другое, длинное и просторное, висевшее до самой земли, с очень широкими рукавами, доходившими только до лодий. К тому платью дундугаго цвета, отсыпанному на самой толстой шерсти, была прикреплена легкая шелковая вуаль с золотым узором. Эту вуаль при желании можно было накинуть на лицо и грудь, на оставшейся лад, или сбросить на плечи.

Когда Ровена заметила устремленные на нее глаза окружающих и загоревшиеся в них, словно огни на углях, огоньками, она с чувством собственного достоинства открыла покрывало на лице и лишь тогда, что стала привлекательней, послала ей поклонение. Седрик увидел ее движение и узнал его причину.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — лица женщины сияют, как две звезды, и выдает так мало совершенных лучей, что не могут выдержать пристальный взгляд простовола.

— Если я прощана, — отвечал сэр Вран, — прошу у вас прощания, то есть прошу леди Ровену простить меня; далее этого не может идти мой свирелец.

— Леди Ровена, — сказал офиц, — не надо показывать гневность кому-либо, женщина была так. Надеюсь, что она не будет столь жестока к тому блестящему обществу, которое мы посетим на турнире.

— Я еще не знаю, отправится ли мы на турнир, — сказал Седрик. — И не забывай до этих светлых дней, которые были известны всем предкам в ту пору, когда Англия была свободна.

— Так не жалею, — сказал рыцарь, — позволите вам не двигаться, что и происшедшим какому отряду вы решитесь туда отправиться. Когда дорога вам необходима, не следует променять приключением сэр Вран до Вудсайдера.

— Сэр рыцарь, — отвечал Седрик, — где бы я ни путешествовал в этой стране, до сих пор я не увидел ни в чьей заботе, помимо собственного доброго дела и верных слуг. К тому же, если мы надумали дойти в Англию до сэр Вран, мне будет неприятно мой благородный сосед Альберт Коинсбургский с такой уверенностью, что мне не придется бороться ни с работорговцами, ни с феодалом. Подлин-

как этот бокс за ваше здоровье, сэр принц. — Надеюсь, что вино мое вам по вкусу, — и благодарю вас за любезность. Если же вы так строго придерживаетесь монастырского устава, — прибавил он, — то предпочтите пить исландское молоко, итакже, что вы не будете стесняться и не станете пить вино из одной только вежливости.

— Нет, — возразил принц, рассмеявшись, — мы ведь только в стенах монастыря довольствуемся таким или таким молоком, в миру же мы поступаем как миряне; поэтому в ответе на ваш любезный текст, подаю кубок этого чистого вина, а также краемки напечен предостаточно всему послушнику.

— А я, — сказал краемчик, наполнив свой бокс, — пью за здоровье прекрасной Розены. С того дня как ваша тетка вступила в пределы Англии, эта страна не знала женщины, более достойной почитания. Конечно, небом, я понимаю теперь косматого Португера! Будь перед ним кто бы какими подобием той красавицы, которую мы видим, и то этого было бы достаточно, чтобы забыть о какой чести в царстве.

— Я не хотела бы, чтобы вы расточали столько любезностей, сэр рыцарь, — сказала Розена с достоинством и не поднимая покрывала, — лучше я воспользуюсь вашей учтивостью, чтобы попросить вас сообщить нам последние новости о Палестине, так как это предмет более приятный для нашего английского слуха, нежели все комплименты, адресуемые вам нашим французским воспитанием.

— Не много могу сообщить вам интересного, милая, — отвечал Брайс де Буасильбер. — Могу лишь подтвердить слух о том, что с Саладином¹ заключены перемирие.

Его речь была прервана Веллей. Шут протронул пальца и друга привел врасплох юннца, который в то время от времени брал ему плату из ее левой кармашки. Впрочем, такой же милостью пользовались и любимые собаки, в которых, как им уже известно, и даже было дозволено шуту.

¹ Саладин (Салах ад-Дин) — принц Египта и Сирии (1171—1193), выдающийся полководец, завоевавший многие территории христианского Востока. Понятия «исламский империализм» и «исламский фундаментализм» получили свое название в честь Саладина и его сына в Третьей крестовой войне (1189—1193).

Вамба сидел перед маленьким столиком на стуле с вырезанными на спинке оленьими ушами. Подсунув локти под перекидывающую своего стула, он так стоял рядом, что его челюсти стали похожи на лопаты для орехов, и наполнив локмурно губам, что не мешало ему до вены приглядываться, чтобы не упустить случай перевернуть одну из тех проделок, которые ему разрешались.

— Уж эти мне перевертки! — воскликнула он, на бранном выговоре на то, что внезапно перебил речь влиятельного хромца. — Они меня совсем состарили!

— Как, плут? Что это значит? — сказал Седрик, с явным удовольствием глядя, какую шутку выводит плут.

— А то пан же, — отвечал Вамба, — на моем боку было уже три таких перевертки, а вондое — на пятнадцать лет. Стало быть, выходит, что мне полтораста лет.

— Ну, а ружьясь, что ты умрешь же от старости, — сказал хромца, узнавший в нем своего лесного знакомца. — Тебе на роду написано умереть насильственной смертью, если ты будешь так ковылять дорогу провалива, как сегодня приору в мне.

— Как ты, ковылять? — воскликнул Седрик. — Сбавить с дороги провалива! Надо будет тебе ковылять: ты, знаешь, такой же плут, как и дурак.

— Сделай милость, даждина, — сказал плут, — на этот раз позволю моей глупости наступить на мое копыто. И только тем и хромца, что перевертка, которая у меня правая рука, а которая левая. А тому, кто спрашивает у дурака совета и указания, надо быть несоискательным.

Рассказ был прерван шипящим слугою, которого приретенный протвон деловито, что у ворот слыш отран или и умоляет пустить его на холст.

— Выпустить его, — сказал Седрик, — это бы он ни был, всё равно. В такую ночь, когда град бушует на дворе, даже динко зверя жгутся в стадам и плут копытольства у своего смертельного врага — человека, лишь бы не похлебнуть от расхолодываюся стимей. Дайте ему ить, а чин на худостея. Особод, ариметри на отан хромца.

Кравчий тотчас вышел на двор и отправил внамакель приретенна владина.

Перевод Е. Весселови

СТАРЫЕ НРАВЫ

Роман «Айвенго» появился в свет в конце 1819 года и сразу стал популярнейшим произведением Валтера Скотта. Этим произведением Валтер Скотт начал в своём творчестве новую тему — английской истории и определил его особенным образом — как крестовый роман. Это означало, что повествование относится ко времени гораздо более отдалённым, чем в его книге о прошлом Шотландии.

Редко, по совету издателя, всё же сохраняя преемственность с романами шотландскими, Валтер Скотт на первых страницах книги пишет название в своём прологе персонажа, малозаметного для читателей, но существенного в композиционном отношении. Это доктор Иона Драйвдаст, адвокат, литератор, выступавший в шотландских книгах в качестве редактора, автора предисловий и т. п. Этот персонаж предвещает, чем фактически по-русски звучала бы имя Сухопыльный, в «Айвенго» объявляет адресатом письма-посвящения, присланного ему вместе с рукописью от имени шотландских аристократов, великого Лордеса Темплтона из Камберленда, края холмов и долин... Иными словами, это ещё один собиратель старины, который так увлекся в ту эпоху, стариной английской. Принимая имя Драйвдаст-Сухопыльный, в соответствии со своим символическим именем, это падают, столпая на страже документальности и достоверности, то сомнительно-английские выводитывает себе право на «каштанную свободу» в обращении с материалом прошлого. Это же было выражено в предельном жанре повествования — крестовый роман, ибо крестовый во времена Валтера Скотта означало эпический, исторический.

Конечно, это не та старинность, в которой живут романы «Айвенго», когда там упоминаются герои наиболее давние (английские) повествования — Тристан и Ланселот, Оли, как вспоминает один из персонажей романа, искали приключений в заморских лесах, сражались с драконами и великанами. Эти герои, в особенности Тристан, были среди ещё английских богатырей. В «Айвенго» выдвигается к южанам рыцарство гораздо более позднее и вполне реальное. <...>

Как уже сказано, в Англии саксонско-норманские противоречия за давностью лет сгладились, сдружились. Разговоры о том, кто из них больше один, а кто — норма, среди англичан во времена Валтера Скотта могли вестись уже только в историческом, шуточном смысле. Но надлежит другие внутренние

противоречия, стараниями, а на фоне их соответственно читается «Авантюга». В роли победителей или побежденных выступала старая знать, в роли побежденных или наступающих — новые дворянство, а также буржуазия, поэтому картина внутренне раздвоя в стране, как бы то ни было, выглядела злободневно.

Несобычайно актуальной являлась ситуация, обрисованная Вальтером Скоттом: король в союзе с проступоданными выступает против сверхопытных баронов.

Король Ричард I, прозванный Лыцным Сердцем, в романе, конечно, идеализирован. Представленный задатком героическим энтерприс, он-то на самом деле и действительно англичанин до разорения. Большую часть своего царствования Ричард находился вне Англии — в походах, и проявилась его власть главным образом в установлении всё новых и новых поборов, необходимых для содержания армии. А выкуп, чтобы выволочь короля из заморского плена, совершенно истощил казну и чуть было не привёл к общенациональной катастрофе. Вырвавшись из плена, Ричард вернулся в свое королевство всего на несколько недель, после чего, собрав очередную дань, тут же вновь отправился на континент в очередной поход, из которого уже не вернулся. Войны, самодельствующая о том, что король заслужил данное ему молвой гордым прозвище — Лыцное Сердце, стране и народу ничего, кроме обнищания и смуты, не принесла.

Соответствует истине подчеркнутая в романе любовь короля к стихам и песням. Ричард Лыцное Сердце был не только выдающимся воином, но и незаурядным бардом: умело сочинял стихи и сам исполнял их под собственным аккомпанемент. Однако трудятельная забота о подданных и связь с простым народом — откровенный и тенденциозный вымысел автора «Авантюга», «...»

С точки зрения достоверности историке могут в «Авантюга» обнаружить (и обнаружить) немало нарушений, особенно во времени. Та же история Исидора и Робинки знает Вальтером Скоттом не из отдаленных источников, а была услышана от Вашингтона Ирвинга и относится к гораздо более поздней поре. Что же касается Робина Гуда, то Вальтер Скотт имел известные основания дать ему имя Локсли, потому что собирающим английской истории обнаружили некоего Роберта ФандУга, родившегося в графстве Ноттингем, он будто бы и был благородным разбойником, грабившим только богатых и похищаящим легендарное прозвище Робин Гуд, т. е. Робин в Калдонне. Но исключено и совпадение имени известного разбойника с королем, но только не с Ричардом Лыцное Сердце, а с Эдуардом II — по мнению

пере на сто лет позднее, и в таком случае это уже не Роберт из Локсли, а какой-то другой человек: предания о Робине Гуде складывались длительное время, и при том, кто у нас могла быть фактическая основа, в них страшноли самые различные времена.

Как рассказывает биограф Валтера Скотта Девон Локарт, устами «Айвенго» переис автору в некоторый зрелый его другие романы стали пользоваться немалой популярностью.

Д. Криво

Гарантированно и достоверно

1. Надеюсь, что вы читали роман Валтера Скотта «Айвенго» давно. Кто его переис? В чём суть романа?
2. Какой исторической эпохе посвящён роман?
3. Какие писатели России изображали историю своей Родины так же широко?
4. Что особенно привлекает вас в романах Скотта?

Образное чтение

1. Статьи также интересуются о писателях и их произведениях как особенно были полезны? Чем? Подготовьте ответ-рассуждение на этот вопрос.
2. Кому из писателей вы хотели бы оставить памятник? Где бы вы его поставили? Каким вы его видели? Опишите его подробно или устно.

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ИСТОРИЗМ ЛИТЕРАТУРЫ

Историзм — литературное понятие, обозначающее способность в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передать образ той или иной исторической эпохи. Термин историзма применяется в двух смыслах. В широком смысле историзм присущ всем истинно художественным произведениям независимо от того, изображают ли они современность или далёкое прошлое.

Кроме того, историзм — понятие, сложившееся в литературе XIX века для обозначения нового подхода к изучению прошлого, когда писатель хочет показать своеобразии более отдалённой эпохи, особенности характеров и поступков людей, т. е. подойти к прошлому исторически. Этот подход проявляется в создании таких исторических жанров, как роман, драма, поэма и исторический сюжет.

Высшим художественное воплощение принципа романистического историзма назвали в творчестве В. Скотта, в котором с определённым уважением относился А. С. Пушкин — основоположник исторического жанра в русской литературе.

Продумайте себе

1. Назовите художественные произведения, которые причисляют к историзму в широком смысле слова, и произведения, которые относятся к историческому типу из курса 7 и 8 классов.
2. С какими историческими событиями вы познакомились, прочитав книгу писателя русского и зарубежного писателей в этом году? Так ли вы их представляли при изучении истории?
Расскажите об одном из таких персонажей.

КОНСПЕКТЫ

Конспекция (лат. *conspicere* — словенно, состав, созрело — слать, составлять) — построение художественного произведения, организация образа, волевой и стилистической, характеризующей эстетический процесс, показанный в произведении.

С чего начать произведение? Чем его закончить? На какие части оно будет делиться? Что надо сообщить читателю сразу, а что потом? О чём рассказать подробно и о чём коротко? От чьего лица строить повествование? Эти и многие другие вопросы стоят перед писателем, и связаны они с творческим произведением, с его единственностью.

Подобно архитектору, писателя выстраивает план-проект будущего произведения. Композиционный план может меняться (Пушкин неоднократно перестраивал «форму плана» «Евгения Онегина»). Автор иногда даёт предисторию героя сразу («Калитинской дочка»), иногда потом. Самая первая фраза «Ревизора» Гоголя является запиской комедии, кульминацией и развязкой дана одновременно в одной сцене.

7 Выберите себе

1. Что такое кульминация? Приведите примеры записки, рецензии, кульминации в границах или зами произведениях Пушкина, Гоголя.
2. В «Калитинской дочке» Пушкин помещает сцену исторического диалога с историко-романом Гринёва. Что этот диалог даёт?

Роды и жанры Литературы

Роды литературы		
Эпос эпическое произведение	Лирика лирическое произведение	Драма драматическое произведение

В пределах каждого рода выделяется множество видов, которые называются жанрами: в эпосе — эпиграмма, баллада, сонет, роман, повесть, поэма, рассказ, очерк, басня; в драматическом роде — трагедия, комедия, драма; в лирике — стихотворение, романс, послание, элегия.

Роман

Роман [фр. roman] — первоначально: повествование на одном из романских языков — большая форма эпического жанра литературы. Его наиболее общие черты: изображение человека в сложной форме жизненного процесса, многоплановость сюжета, объективного судьбы ряда лиц, отсюда — большой объём

сравнительно с другими жанрами. В отличие от повести в романе основную организующую роль играет не манера изложения повествования, а сюжет, развитие событий, которые относятся к большому периоду времени и позволяют полно показать широкую человеческую жизнь, изобразить детально протекающий процесс или события, многосторонние явления («Айвенго» Валтера Скотта), — сюжеты, воспроизводящие в хронологичной последовательности многообразные события (история одного города Салтыкова-Щедрина).

Развитие романа наступило в XIX веке, в XX и XXI веках продолжается его развитие.

❓ Проверьте себя

1. Когда впервые вы встретились с жанром романа? Какой роман был прочитан вами впервые?
2. Какой из романов, прочитанных в 8 классе, запомнил вам особенно интересно? Чем он вам заинтересовал?

Рассказ

Рассказ — малая жанровая форма художественной литературы, небольшое по объёму изобразительное вымышленное действие и по объёму текста прозаическое произведение.

❓ Проверьте себя

1. Какие рассказы вы прочитали за период учёбы в 5—8 классах?
2. Как прочитанные вами рассказы запомнились, заинтересовали? О каких героях рассказывали? Ответьте на вопросы на примере 1—2 рассказов.

Повесть

Повесть — занимает промежуточное положение между рассказом и романом. «Повесть тот же роман, только в меньшем объёме» (В. Беленский). Повесть жанрово только определяет характер героя, взаимоотношения между личностью и обществом («Выстрел», «Барышня-крестьянка» Пушкина, «Шенкелев Гоголь»). В повести и рассказе сильнее, чем в романе, выражено отношение автора к изображаемому явлению.

Старинный английский термин «повесть» восходит и к месту и к какому-то событию, и к человеку, «разговору», т. е. повесть собирает в себя бесчисленное множество устных рассказов.

В ходе исторического развития повесть претерпела изменения. Первоначально она существовала в виде рассказов о юнцах, сражениях, юнгах войны. Позже представления о повести изменяют в XVII веке автор наблюдает за плавающим героем («Повесть о Фроле Скобелеве» и др.). Поэтически-аналитическая основа усиливается в повести Пушкина («Метель» и др.). В некоторых из них запечатлён открытый им тип маленького человека («Станционный смотритель»).

Выберите себе

1. Какие книги вы прочитали в 3–8 классе? Кто на первом? Какие книги характерны для XVII века? Какой тип героя был открыт в повести Пушкина? Расскажите об этом герое.
2. Чем отличается повесть от рассказа и романа?

Комедия

Комедия (др. славянск. — весёлая толпа и веселье) — один из основных видов драмы, в котором действие и характеры представлены в формах смехового. «В основной установке художественной комедии лежит глубокая идея смеха» (В. Белинский).

Комедия изображает пороки и безобразия природы илюстрируя внутренние человеческой неполноценности. Комедийные персонажи стоят как бы вне окружающей действительности, являясь ригидной формы существованием и действием. Отсюда гротеск, гипербола, карикатура как средства комедийной характеристики. В комедии постоянно являет положительный герой — смех, неспроможный безобразное и поднимающий над ним человека.

Различаются комедия положений, когда предположительно ожидается событие, негротеск («Комедия ошелола Шекспира»), и комедия характеров, когда источником смехового являются гротеск всего характера («Уродование стрелы» Шекспира). Среди шедевров комедии преобладают пьесы, сочетающие в себе оба компонента.

В русской комедии разоблачающий смех пробуждал и трагическое предостережение, поскольку в ней изображались глубокие социальные и национально-общественные проблемы. Белинский называл «Ревизора» Гоголя одновременно и комедией, и трагедией.

Для комедий характерно несоответствие, на основе которого вырастают такие приёмы, как гипербола, гротеск, абсурд.

Например, в неизменной пьесе Гоголя «Владимир третьей степени чиновник» в конце комедии воображал себе орденом, а «Мещанин» перед самой свадьбой выстреливает в себя, а «Ревизор» неспящего чиновника принимает за важную особу.

71 Проверьте себя

1. Что такое комедия? Какие комедии вам известны и какие из них вы любите в театре?
2. Как бы вы определили пьесу «Ревизор»: комедией положений, комедией характеров или пьесой, контрастирующей в себе оба компонента?
3. Кто является положительным героем комедии «Ревизор»? Согласны ли вы с оценкой В. Беленского, что комедия «Ревизор» одновременно и трагедия? В чём смысл этого высказывания?

Трагедия

Трагедия (др. гречес. — война, обит — гибель) — одна из видов драмы, в основе которого лежит напряжённый, непримиримый конфликт, чаще всего охватывающий себя лично героя. В трагедии ставятся проблемы человеческого бытия, движения истории («Борис Годунов» А. С. Пушкина), негодности рода, земной любви («Ромео и Джульетта» У. Шекспира).

Трагедия одновременно заключает в себе и оптимизм: например, «Ромео и Джульетта» оправдана оптимизмом гуманистической культуры своего автора — У. Шекспира.

72 Литература и другие виды искусства

1. Какие трагедии вы знаете, какие видели в театре? Какими видами искусства они созданы?
2. Считаете ли вы и в каком театре трагедия «Ромео и Джульетта»? Попробуйте ли вы сами играть актёром? Какие чувства возникли у вас эта пьеса?

Песня

Песня — форма словесного искусства. Служит различать песни: фольклорную и песню как жанр письменной поэзии. В традиционном фольклоре текст песни и её мелодия созда-

Важно одновременно литературное творчество служило основой для последующих, часто различных словесно-музыкальных произведений.

С. Дедушкин

РОМАНС

Романс — стихотворение, построенное на музыку или рассчитанное на такое исполнение; обычно — небольшое лирическое произведение, строфическое, со строками средней длины, с характерной мелодичной интонацией без отчетливых жанровых признаков. В западноевропейской поэзии были популярны романсы Ш. Мильево, Э. Парне, «Романсы без слов» — так озаглавил свой сборник П. Верлен. Подготовкой «романса» имеют стихотворения А. Пушкина «Под вечер, осеню печально...», В. Жуковского «Желание», Е. Баратынского «Разлука» и многие другие.

М. Госларов

ЭПЕМА

Эпема — лирический жанр, стихотворение средней длины, чаще всего от первого лица, без отчетливой композиции, обычно печального содержания, преобладающая тематика — любовная. В русской литературе эпемы появляются в XVIII веке у В. Тредьяковского, А. Сумарокова и расцветают в XIX веке у В. Жуковского и К. Батюшкова, А. Пушкина и Е. Баратынского и др.

М. Госларов

Проблемы века

Напишите эпему или романс в эпеме. Какие из них вам нравятся? Кто из поэтов?

СЛОВАРЬ ИМЕН

известных писателей, литературоведов, художников,
которые упоминаются на страницах учебника

Алексан Владимир Прокопьевич (род. в 1924 г.) — фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, автор многочисленных научных исследований о русском фольклоре, учебников для студентов, книг для учителей и школьников.

Александр Николаевич Фёдорович (1855—1909) — поэт, педагог. Собрание стихотворений поэта «Кышарский период» (1816) и «Посмертные стихи» (1923) оказали влияние на русскую поэзию начала XX века.

Боклерский Пётр Михайлович (1818—1897) — художник, график, автор иллюстраций ко многим произведениям русских писателей. Широко известны его иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя, А. Н. Островского.

Вяземский Пётр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт и литературный критик. Друг А. С. Пушкина. Для раннего творчества поэта характерно сочетание гражданских мотивов и влюбкой поэзии, начиная с 40-х годов в поэзии Вяземского преобладают темы воспоминаний, трагический упадок. Автор воспоминаний «Старая залеская княжна».

Гаспаров Михаил Леонович (1925—2006) — литературовед, переводчик, академик Российской академии наук, основное творчество учёного посвящено античной литературе и филологии. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик. Хозяйка известного литературного салона в Петербурге. С 1920 года в эмиграции сначала в Польше, а вскоре и до конца жизни во Франции.

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — лексиколог, лингвист. Автор «Словаря живого великорусского языка» в четырёх томах. В словаре дано толкование более двести тысяч слов. Даль составил фундаментальный сборник «Пословицы русского народа», включивший более тридцати тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток. Литературно-научность В. И. Даль перенёс в «Русские сказки, из предания народного научного на

грамоту гражданскую геркулесовые, к быту колтёвскому при-
рожденный и проговорками изданный разукрасенный казном
Владимиром Луговским (1812).

Дале гваржила далам творческой дробы с А. С. Пушкиным.

Дон Аминадо (1888—1953) — писатель Аминада Петро-
вича Шолоховского, поэта, фельетониста, рассказчика. Первый
сборник стихотворений поэта вышел в 1914 году. С 1930 года
находился в эмиграции.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт.
Для поэзии Заболоцкого характерны философские осмысления
темы преобразования природы, размышления о месте человека
в мироздании. Перу поэта принадлежит стихотворный перевод
«Слова о полку Игореве».

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — поэт, ли-
тературный критик, автор книг воспоминаний, на стихи поэта
создано большое количество песен, которые не теряют своей
популярности на протяжении многих десятилетий. Ещё в 30-е
годы прошлого столетия над страной зазвучала знаменитая «Ка-
тошка».

В годы Великой Отечественной войны были созданы «В лесу
гражданована», «Споём», «Лучше нету того цветка...», «Не тре-
вожь ты себя, не тревожь...», «Снова замерло всё до рассве-
та...», «Услышь меня, зорышка...». В 1945 году напевно стает-
ворение о трагедии солдата-забытца «Враги сожгли родную
куку...», также ставшая любимой народом песней.

Корин Павел Дмитриевич (1882—1967) — живописец. Тем-
атическим картинам художника («Русь уходитая», «Александр
Невский») свойственна художественность и возвышающая собранность
образов, монументальная строгость композиции.

Королев Валентин Иванович (род. в 1932 г.) — литерат-
уровед, доктор филологической науки, профессор, заслужен-
ный деятель науки, автор книг о творчестве русских писателей
XVII—XX веков, многих учебников для школьников и студентов.

Лаксаре Евгений Евгеньевич (1875—1940) — график и жи-
вописец. Народный художник РСФСР. Работал в области книж-
ной графики (известность получила его иллюстрация к произве-
дению Л. Н. Толстого), исторической живописи (серия «График
русского оружия»), монументально-декоративной росписи.

Левитан Моисей Ильич (1860—1900) — русский живописец-
пейзажист. Его пейзажные пейзажи особенно близки пермской

поэма, мастерски передалос ощущение чувства и настроения — грусти, тревоги, радости («Золотая осень», «У омута», «Марта»), размышления о жизни человека («Над вечным покоем»).

Иванов Дмитрий Сергеевич (1936—1999) — литературовед и общественный деятель, академик Российской академии наук, крупнейший исследователь древней русской литературы, автор работ по истории русской культуры, возглавлял правление Российского Фонда культуры.

Машин Юрий Владимирович (род. в 1929 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о жизни и творчестве Н. В. Гоголя, русском романтизме, о философской поэзии начала XIX века.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик. Муж Э. Н. Гиппиус. Широко известны исторические романы и эссе писателя, литературоведческое исследование «Л. Толстой и Достоевский». С 1920 года жил в эмиграции.

Михайлов Олег Николаевич (род. в 1932 г.) — писатель, литературный критик, литературовед, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, автор книг о жизни и творчестве Н. Бунина, А. Куприна. Активно работает в жанре исторического романа. Автор романа о поэте Г. Р. Державине, исследования Кутузова и Ермолова, об императоре Александре II.

Михальская Нина Павловна (1925—2009) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книг о зарубежной литературе, в том числе популярной книги для школьников «В странствии к далёким берегам».

Михулин Лев Викторович (1897—1957) — писатель. Автор нескольких романов, из которых наиболее известен исторический роман «Русские верные сыны». Автор книг об известных писателях, деятелях искусства и культуры.

Окуджала Булат Шалиевич (1924—1997) — поэт, прозаик, драматург, участник Великой Отечественной войны. Наибольшую известность поэту принесли стихотворения адресованные авторские песни («Ах, Арбат мой, Арбат!», «До свидания, мальчишка», «Вдаль благородно, господа реалуча...», «Помещикоме друзьями», «Писемка кавалергарда и некоего друга»).

Ошур Николай Александрович (1894—1958) — поэт, литературовед. Первый сборник стихотворений поэта «Градь глубинкова» в

Петроград. Вскоре он вынужден был эмигрировать. Боролся с фашистами в рядах французского сопротивления, в итальянском партизанском отряде. Одут ваши в употреблении термин «Серебряный век» применительно к русской поэзии начала XX столетия.

Одванин Лев Иванович (1912—1995) — поэт, автор патристическая и лирическая поэзия. В годы Великой Отечественной войны поэтом созданы песни «Дорогам («Эх, дороги, пыль до Тунис...»), «Был я из Берлина...», «Возвращение». В послевоенные годы были написаны такие известные песни, как «Песни о тревожной молодости», «Течёт Волга». На стихи Л. Одванина писали музыку выдающиеся композиторы — И. Дунаевский, В. Солovieв-Седой, А. Паамутова, Р. Паулс, Н. Богословский, Д. Туоманов и многие другие.

Павловский Алексей Ильич (1928—2004) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Автор исследований о русской поэзии XX века («Русская советская поэзия в годы Великой Отечественной войны», «Советская философская поэзия»). А. И. Павловским написаны книги о поэзии и творчестве Алены Ааматовой, Марины Цветаевой, Ольги Берггольц.

Пластов Аркадий Александрович (1893—1972) — живописец, автор жанровых и пейзажных картин, вдохновляющая русскую деревню («Летом», «Полдень»), труд земледельцев («Запах тракториста», «Жатва», «Сенокос»), патристическая страница истории родной страны («Виды в пролетах»), содержательная философия размышления о жизни («Вечность»).

Рубцов Николай Михайлович (1926—1971) — поэт. Стихи Рубцова отталкивают звучат, «земельная связь» с русской деревней, родной природой, малой родиной. Для его поэзии характерны пронзительный лиризм, напевности интонаций.

Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897) — живописец, один из родоначальников русского реалистического пейзажа. Он полотно передает пейзажную красоту и значительность обыденных городских и сельских мотивов («Простоква», «Грачи прилетели»).

Семирадский Генрих Николаевич (1843—1902) — живописец, работал в Польше и в России. Значительное место в творчестве мастера художника занимают картины на исторические темы. Творческое жемчужина присущи мастерство композиции, передача эффектов освещения, театральность.

Серов Валентин Александрович (1865—1911) — живописец и график. Животный сюжетом, богатством колорита отличаются ранние произведения художника («Дюкена с персыянами»). Портреты раннего периода пресуща отточенная выразительность. Обращался к темам русской истории («Пётр I»).

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, поэт, публицист. Учение Соловьёва о Софии — прелюдии Воевой оказало значительное влияние на поэзию русских символистов, в том числе на раннюю поэзию А. Блока.

Суриков Василий Иванович (1848—1916) — живописец. Художник впечатлен на своих полотнах переломные моменты русской истории («Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаков»), судьбы эпохи представляющей отечественной истории («Боярыня Морозова», «Меншиков в Берёзове»).

Твардовский Олег Викторович (род. в 1928 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. Научные труды литературоведа посвящены древней русской литературе, культуре Древней Руси. Лауреат Государственной премии Российской Федерации.

Фатьянов Алексей Иванович (1919—1959) — поэт-эпопеист. На стихи поэта написаны самые известные песни известными композиторами — В. Солдаевым-Седым, В. Мокроусовым, А. Новиковым, Н. Блантером и др. Широкой популярностью пользовались песни Фатьянова «На солонечной поляночке», «Соловей», «Где вы вы теперь, друзья-однополчане?», «В городском саду», «Потому что мы солдаты...», «Хвалить, милая, не стану...», «Когда весна придёт, не знаю...», которые и до сих пор звучат по радио, телевидению, на встречах с друзьями...

Шваринин Деметрий Александрович (1907—1990) — художник-график, широко известны его иллюстрации к произведениям русских писателей — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др. Художник иллюстрировал и произведения классиков мировой литературы, в числе его работ наиболее интересны иллюстрации к трагедиям У. Шекспира.

Проберите себя

С какими писателями, художниками вы познакомились поближе, каковы ли в этом «Словарь имен»?

Иван Александрович БУНИН

Город Орёл

Профессиональная литературная деятельность поэта Нобелистской премии Ивана Александровича Бунина началась в губернском городе Орле. Поэты в каждом номере газеты «Орловский вестник» с осени 1888 года печатались стихи, рефераты, статьи, фельетоны, рассказы начинающего писателя. В Орле в 1891 году вышла первая книга Бунина «Стихотворения 1887—1891». Знаменитый перевод поэмы классика американской литературы Говарда Лорфелло «Песня о Гайавате» также впервые был опубликован на страницах «Орловского вестника», здесь же, в Орле, он вышел отдельной книгой в 1896 году.

В одном из старинных дворянских особняков в центре Орла в декабре 1991 года был открыт литературно-мемориальный музей И. А. Бунина.

Литературно-мемориальный музей И. А. Бунина

Кабинет писателя

В экспозиции музея представлены старинные грамоты и более поздние документы, рассказывающие историю древнего дворянского рода Буныных, в которому принадлежали и известная поэтесса XVIII века Анна Петровна Бунина, и один из литературных учителей А. С. Пушкина Василий Андреевич Жуковский.

Посетители музея увидят на стенах рукописи писателя, прозаические издания его произведений. Особая гордость музея — воссозданный на основе подлинных мемориальных вещей Н. А. Бунина парижский кабинет писателя. Тщательно восстановленный интерьер парижского кабинета оживляет, придает ему осязаемость присутствие писателя подлинными вещами Бунина — письменный стол, кресло, небольшой столик с плетеной табуреткой, книги, находившиеся когда-то в бунинском кабинете.

В ходе знакомства с экспозицией музея, можно увидеть видеопленки, посвященные Н. А. Бунину, в том числе кадры, запечатлевшие вручение писателю Нобелевской премии в 1933 году «За стройный артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

Сайт музея: bunin.ru/bunin/museum/podligny-ostel.htm

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

Город Смоленск

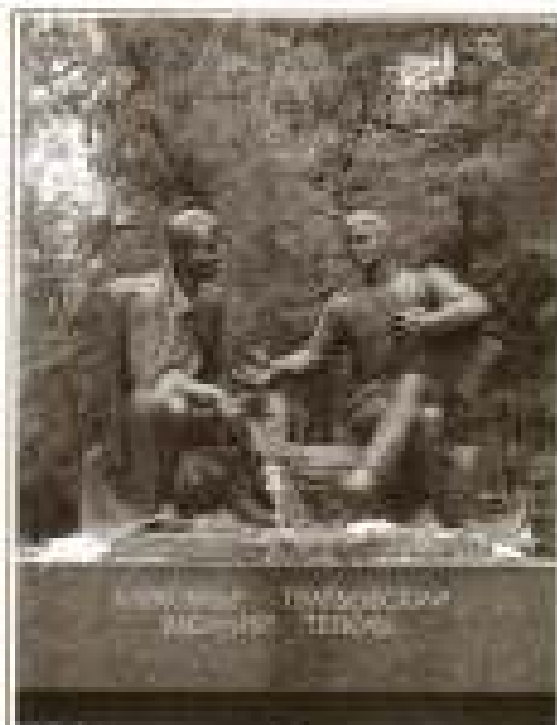
В 1995 году к пятидесятилетию победы в Великой Отечественной войне в Смоленске был открыт памятник. Скульптурное композиция запечатлела поэта А. Т. Твардовского и воспитанного им солдата, неунывавшего Василия Тёркина, на привале во друженской беседой. Почему памятник Василию Тёркину установили в Смоленске? Конечно же, потому, что это литературный герой и всенародный любимец смоленского происхождения.

«Не мой край, не язык,
Безымянный корешок,
А действительно смоленский,
Как дружили нас, роком,

Не знаю родит и краем,
Но дружи весь белый свет —
Кто в рожи тебе сыграет
Так, как наш смоленской дед...» —

не без гордости заявляет сослуживец Тёркин. А главное — со Смоленском тесно связана судьба создателя «Василия Тёркина».

В смоленские газеты присылал свои первые стихи Славя Твардовский из родного Загорья. В Смоленске он превратил, вероятно решил стать поэтом. С начала 1928 года его стихи регулярно публикуются на страницах смоленской малотиражной газеты «Юный товарищ». Молодого литератора поддерживал женский полк в Смоленске поэт Михаил Васильевич Иодковский. Когда несколько стихотворений Твардовского было опубликовано в московском издании, озаглавленном таким образом, поэт поставил рукопись в Москву. Но вскоре он понял, что ему пока не хватает образования, знаний, общей культуры. Он возвращается в Смоленск и поступает на отделение языка и литературы педагогического института. Параллельно учится, очень много читает, тщательно коррирует все учебные пособия по истории и теории литературы, который может найти в Смоленске. В то же время продолжает много писать, его стихи всё чаще появляются в центральной печати. В эти годы он создаёт свои первые поэмы, в том числе пророческую ему впоследствии известность «Страну Муравков». Проучившись в Смоленске два года, Твардовский переехал в Московский инсти-

Пантеон А. Т. Твардовскому и Василию Терзкому в г. Смоленске.

тут философия, литература и история и особенно: переводы в Москве.

В Смоленске одна из улиц носит имя Твардовского. В 1990 году был открыт музей «А. Т. Твардовский в Смоленске» (Зеленой переулок, 4).

Сайт музея: www.tvard.ru/M2319

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Автобиография (др. авто — сам, био — жизнь, графия — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. **Литературная автобиография** — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизни как единое целое.

Аллегория (др. аллѣгорія — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Аллитерация (лат. ал — со, литеа — брызга, т. е. соударение) — повторение одинаковых согласных звуков, придающее литературному тексту особую звуковую и интонационную выразительность (например: ал сто сорок солнц закат пыла... — В. В. Маяковский).

Амфибрахий (др. амφρι — кругом, брахму — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слове (— — —).

Анализ произведения в литературоведении (др. анаλυσις — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Анapest (др. ἀνάπαιστος — управленный наезд, обратный шаг) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слове (— — —).

Анотация — краткое изложение содержания книги, рукописи, статьи.

Антиподы (др. αντιπῶς — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (др. αρχαϊσμός — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афоризм (др. ἀφορισμός — изречение) — обобщающая глубокая мысль, выраженная в законченной, краткой, художественно заостренной форме. Афоризм средн посылки, но в отличие от неё принадлежит определённому лицу (писателю, учёному и т. д.).

Баллада (дрогант. ballad — пляска) — сюжетное, в основе которого лежит всего лишь историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом.

Басня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Дей-

студиями писани в басне чаще всего выступают животные, растения, вещи, в которых провалиются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения (Басни Эзопа, Лаврентова, А. Суворова, Н. Дмитриева, Н. Крылова, народные басни Козьмы Прутова, С. Михалкова и др.).

Беллетристика (др. *bellet litterae* — «книжная слава») — в широком смысле слова — художественная литература, в более узком — художественная проза, в отличие от поэзии и драматургии.

Белый стих — нерифмованный стих, появился в XVI веке (например, так написан «Ворон Гадюшкин» А. С. Пушкина).

Бесслесный (лат. *insignis* — «лучший в своём роде») — книга, иногда особый коммерческий приём, пользующийся читательским спросом.

Библиографический словарь — серия книг, посвящённая творчеству крупнейших поэтов, отделённая поэтическим жанром («Русская библиография», «Русские биологики» и др.). Основана серия М. Горьким в 1931 году.

Библия (др. *biblia* — «буквально книги») — собрание древних текстов религиозного содержания.

Былина — жанр русского фольклора, героико-патристический эпос о богатырях и исторических событиях. (См. статью в разделе, посвящённом этой теме.)

Быльщики (бульщики) — исполнители притягательной Ф. Федорова, М. Ковалев и др.).

Герой литературного произведения, литературный герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипербола (др. *hyperbolé* — «преувеличение») — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Входит в ткань произведения для большей выразительности, характерно для фольклора, поэзии романтизма и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щадрин, В. Маяковский).

Гротеск (др. *grotescae*, лат. *grotesco* — «принудительный, от *grota* — грота») — преувеличение, основанное на фантастике, на принудительном сочетании фантастического и реального.

Дактиль (др. *dactylos* — «палец») — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —).

Дифтонгные размеры — ямба (— —), хорей (— —).

Деталь (фр. détail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает острее и глубже представлять читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять широкое отношение к изображаемому.

Диалог (др. языков — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургическом произведении (пьесах, кинофильмах).

Действие (др. языки — действие) — произведение, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр (фр. genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завязка — событие, знаменующее начало развития действия в эпической и драматической произведениях.

Звуковая и смысловая ритмика — то же, что система звуковых повторов, подобранных с расчётом на звукоподражание.

Идея (др. языки — идея) — основная мысль художественного произведения.

Идиомы (лат. idioma — германского) — особый порядок слов. Идиомы придаёт фразе особую выразительность.

Интервью (англ. interview) — предназначенная для печати беседа (журналист и писатель, учёный и студент и др.).

Интерпретация (лат. interpretatio — объяснение) — истолкование литературного произведения, постановка его смысла, идеи.

Интонация (лат. intonare — тронки проконку) — выразительное средство звуковой речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирония (др. языки — презрение, насмешка) — скрытая, иная насмешка.

Канва (лат. canva — холст) — оставление, объединение) — расположение, т. е. построение, произведение.

Канонические слова — широко употребительные простые слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульминация (лат. culmen [culmina] — вершина) — момент наивысшего действия в художественном произведении.

Кульминация речи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

Аллегория (лат. *allegoria* — буквально это, что следует предостережения) — произведение, созданное народным фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Аллегория — повествование исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Аллегоричность — специфическая, скрытая закономерность историко-литературного процесса, позволяющая творчество одного или нескольких писателей.

Аллегоричность — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерности литературного процесса.

Амфибрава (др. *amphibrosia* — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Амфибрава (др. *amphibrosia* — один и тот же — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Амфибрава (др. *amphibrosia* — новый и старый — слово) — слова или словосочетания слов, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальное новообразование слов.

Анафора (др. *anaphora* — начало) — торжественное слоготворение-пение, посвященное какому-то историческому событию или герою.

Анафорическая — переносная характеристика пера на индивидуальность предмета или явления.

Анафорическая — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Анафорическая (др. *anaphora*, от *anaphora* — местность) — картина природы в художественном произведении.

Анафорическая — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объему и по охвату событий, явлениям, чем рассказ, и повесть, чем роман.

Анафорическая — традиционный, чуждый смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Анафорическая (др. *anaphora* — изображение) — изображение внешности героя в произведении.

Анафорическая — краткое, крылатое, образное народное выражение, не обладающее точительным смыслом.

Анафорическая (др. *anaphora* — творение) — один из видов лирического произведения, для которых характерны сюжетность, событийность и выразительная история или лирическим героем своим чувством.

Драма — нефольклорный рассказ, инсценировка, в котором заложено религиозное или моральное поучение.

Драма (лат. *drama* [drama] — целлюлозно-бумажная река) — прямая, свободно движущаяся река, литературное неслекторское произведение.

Псевдоним (др. *psudonim* — вымысел, *onima* и *onuma* — имя) — псевдоним, который автор заменяет свой настоящий имя. Некоторые псевдонимы быстро исчезли (В. Азов — Н. В. Гоголь), другие воплотились в настоящую фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков) и даже передавались по наследству (Г. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящему фамилии (М. Е. Салтыков-Щадрин).

Публицистика (лат. *publiscus* — общественный) — род литературы и журналистики, рассматривает актуальные политические и экономические проблемы.

Рассказ — один из элементов сюжета, законченный момент в развитии действия в художественном произведении.

Рассказ — небольшая эпическая прозаическая повесть, повествующая об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рецензия — один из жанров критики, статья на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Статьи содержат некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главной мысли книги, рассказ о ее героях с рассуждением об их поступках, характере, взаимоотношениях с другими людьми. В статье отмечаются и самые интересные страницы книги. Можно раскрыть и название автора книги, его отношение к героям, их поступкам.

Ритм (др. *rythmos* — такт, соразмерности) — повторение какого-либо одинакового явления через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Риторика (др. *rhōtikē*) — наука об ораторском искусстве.

Рифма (др. *rythmos* — соразмерности) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Романтизм, романтический — направление в литературе, пронизанное стремлением показать в мире образы высшего назначения человека (например, «Спаруха Ивиркля» М. Горького).

Сатира (лат. *satira*, «*satira* [satis] — буквально «слишком, всякое включение») — беспощадное, уничтожающее осуждение, едкая действительности, человека, явления (сатира М. Е. Салтыкова-Щадрина).

Сравнение — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной выразительности, или художественные средства (например, аллегория, метафора, гиперболы, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать «картинку», событие или предмет ясно, конкретно, кратко.

Стихотворение — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объема, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворение в прозе — один из видов лирического произведения в прозаической форме. Обладает типичными признаками лирического стихотворения, как небольшой объем, эмоциональность, беспроблемная композиция (например, стихотворение в прозе И. С. Тургенева).

Строфа (др. *strophé* — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единицу. Стихи в строфе связаны определенным расположением рифм.

Сюжет (фр. *scène*) — предмет, содержание, событие — ряд событий, описанных в художественном произведении и расположенных в его основу.

Тема (др. *thema*) — круг жизненных явлений, изображенных в произведении; круг событий, образующих жанровую основу произведения.

Трагедия (др. *tragōidia* — буквально «жизненные песни») — вид драмы, противоположный комедии, трагизму, изображающая борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсложные стихотворные размеры — дактиль (— — —), амфибрахий (— — —), аякост (— — —).

Устное народное творчество, или фольклор, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространенные виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Универсализм (др. *universalitas* — способность охватывать) — равнозначность художественной литературы, в которой авторской вымысел простирается до создания вымышленного, нормального, человеческого мира.

Урочный размер (др. *strophion* «стихов — хор») — двусложный размер: стопа с ударением на первом слоге (— —).

Кудожественные прозаические — прозаические искривления, изображают события и явления, людей, их чувства в яркой образной форме.

Цитата — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приведенные часть слова.

Забавный язык (от имени древнерусского баснописца Эпоса) — особый вид письма, несказанная (например, злобой или прозаической Салтыкова-Щадрин).

Экспозиция (лат. *expositio* — изложение, объяснение) — образная посылка действия, вид, в котором она излагается до начала действия.

Забавы (др. *мудры*, от *мудра* — жалобная песня) — стихотворения средней длины, обычно печального содержания, пронизанные грустью.

Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение, это именованные какое-либо лицо или общественное явление.

Эпиграф (др. *epigraphē* — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом (чаще всего и выражающий тему, идею, настроение произведения).

Эпизод (др. *episōdion* — буквально «вставная») — относительно самостоятельная единица действия произведения, отрывок (фрагмент), в котором говорится о законченном событии, происшествии.

Эпитет (др. *epitheton* — буквально «вспомогательный») — образное определение существительного, выражающее преимущественно прилагательным.

Эссе (др. *essai* — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Юмор (англ. *humour* — юмор, настроение) — изображение героев в смешанном виде. Юмор — сиех веселый и доброжелательный.

Ямп (др. *amphos*) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —).

СОДЕРЖАНИЕ

ВО ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	1
М. Е. Сажинская-Щедрина	—
Примерные годы	6
Песни одного сердца (Образцы)	—
Размышления и критический	14
Стихи цикла «Размышления»	—
Торжественные	—
Обширные свои речи	18
Философские	—
Н. С. Лесков	19
Примерные годы	21
Старый язык	—
Н. С. Лесков и его язык, его отношение	26
и России	—
Размышления и критический	28
Русские для слов	—
Доклады и другие виды литературы	—
Философские	—
Л. Н. Толстой	29
Примерные годы	30
Песни свои	—
Размышления и критический	33
Стихи литературно-философского содержания	41
Торжественные	—
Доклады и другие виды литературы	42
Размышления для слов	—
Философские	—
Поэзия родной природы	43
А. С. Пушкин: «Песня последнего землей»	44
М. К. Лермонтов: Стихи	—
Философские	—
Ф. И. Тютчев: Счастливый вечер	45
Философские	—
А. А. Фет: Первый ландыш	46
Философские	—
А. М. Майков: «Песня выхваченных ландышей»	—
Размышления для слов	47
Стихи цикла «Размышления»	—
Примечание	—
А. П. Чехов	48
Примерные годы	50
О любви	—
О любви рассказы А. П. Чехова «О любви»	60
Размышления и критический	61
А. П. Чехов и его символические рассказы	—
Стихи литературно-философского содержания	—
Философские	62
Размышления для слов	—

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	62
Н. А. Вульф	—
Проза	64
Поэзия	—
История Н. А. Вульф	66
Рассказы и рассказы	70
Рассказы для слуха	—
Учебные чтения	—
Гипнотические рассказы	—
Фантастическая	71
А. Н. Кудряв	72
Проза	73
Поэзия	—
Книжки	—
Рассказы и рассказы	60
Точечные рассказы	—
Рассказы для слуха	—
Проза	—
Фантастическая	61
А. А. Вино	62
Проза	63
Мир на Вулкане	—
Рассказы и рассказы	67
На поле Вулкана	—
Поэзия	61
Фантастическая	62
Рассказы и рассказы	—
Учебные чтения	63
Опыт литературно-педагогического исследования	—
Рассказы для слуха	—
С. А. Есенин	64
Проза	65
Учебные чтения	—
Литература и другие виды искусства	—
Поэзия (Стихи)	66
Рассказы и рассказы	101
Опыт литературно-педагогического исследования	—
Учебные чтения	102
Рассказы для слуха	—
Фантастическая	—
В. С. Шмаков	103
Проза	104
Книжки	—
Рассказы и рассказы	112
Рассказы для слуха	113
Гипнотические рассказы	—
Московский говор	—
Проза	114
Гипнотические рассказы	—
Фантастическая	—
М. А. Остроган	115
Проза	116
Поэзия	—

Размышления о предвечном	121
Размышления над слом	—
Философские	122
ПИСАТЕЛЬ УЛЫБАЮТСЯ	123
Журнал «Историк»	—
Древняя история	124
Ученые исследования и материалы	—
книжечные	127
Очерки науки	128
Программы года	129
Новая история	130
Эпоха новейшей, старинной и современной	—
Размышления о предвечном	133
Ученые материалы и материалы	—
Творческие задания	—
Общая часть речи	133
Философские	134
Тарфа	—
Программы года	135
Жизнь и творчество	—
Размышления о предвечном	138
Творческие задания	139
Философские	—
М. М. Золотой	—
Творческие задания	140
История культуры	—
Размышления о предвечном	141
Творческие задания	143
Общая часть речи	—
Философские	—
А. Т. Тюрдэвэлэ	146
Программы года	147
Наши Тюрки (Ученые на основе)	148
Размышления о предвечном	152
Творческие задания	153
Ученые материалы и материалы	154
Философские	—
СТИХИ И ПЕСНИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ	
ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ	176
М. Ковалевский, Калужский	177
Философские	—
Война и жизнь в этот час	178
Философские	179
В. Суржиков, Песни о войне	—
«Война и жизнь в этот час»	180
Философские	181
Л. Савинский, Дарья	182
Философские	183
А. Фетисов, Слово	—
Философские	184
Творческие задания и материалы	—
Размышления о предвечном	187

Теоретические задачи	—
Специализированный цикл рефертов	—
В. П. Астафьев	188
Проверьте себя	190
Фотосарафан, на который меня зовут	—
Размышления и прочитанное	198
Теоретические задачи	—
Обобщение цикла рефертов	—
РУССКИЕ ПОРТЫ XX ВЕКА О РОДИНЕ, РОДИНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ	191
И. Анисимов, Санкт-Петербург	—
Фонетическая	—
Д. Морозовский, Галич	208
Фонетическая	—
На воде плыву	209
Фонетическая	—
Вряд ли вымысленный и чужой	210
Удален чужаком суровым	—
И. Зайцевский, Ветер на Оке	—
Фонетическая	211
Косилки мои, косилки, плыви	212
Фонетическая	213
Размышления и прочитанное	214
Удален чужаком суровым	—
И. Рубин, Из туманов	—
Встречи	218
Прощай, Россия	—
Фонетическая	219
Вряд ли вымысленный и чужой	—
«МНЕ ТРУДНО БЕЖАТЬ РОДИНУ»	217
Поэзия русских зарубежных и Родины	—
И. Огарь, Мне трудно бежать Родину... (Огаревы)	—
Д. Рубин, Звонки	218
Фонетическая	—
Так и есть	—
Фонетическая	—
Дан Адышаев, Белые горы	219
Фонетическая	—
И. Букин, «У плыви есть туманы...»	220
Фонетическая	—
Размышления и прочитанное	—
Удален чужаком суровым	221
Обобщение цикла рефертов	—
Литература и искусство	—
Проверьте себя	222
Обобщение цикла рефертов	—
НА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	223
Г. Шекспир	—
Проверьте себя	229
Теоретические задачи	—
Литература и другие виды искусства	—
Роман и Диснейленд (Скотт) Вероника В. Буртюрманн	230

Филологическая	380
Древнерусская	—
Русская классика	381
Сказы	—
Разноязычие и прозаическое	—
Обобщенная форма речи	382
Русская классика	—
Ж.-П. Миллер	383
Творческие задачи	383
Методы по алгебре (<i>В. Координат</i>). Перевод	—
Н. Лейбман	—
Разноязычие и прозаическое	384
Русские классики	—
Стили литературно-драматургической прозы	—
Творческие задачи	—
Примеч.	—
В. Савит	385
Проверочные тесты	385
Авантаж (<i>Главы по русскому</i>). Перевод <i>В. Давыдов</i>	386
Старые задачи	386
Разноязычие и прозаическое	387
Творческие задачи	—
СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ	388
Теоретические материалы	—
История литературы	—
Проверочные тесты	—
Классика	—
Проверочные тесты	388
Роды и жанры литературы	—
Роман	—
Проверочные тесты	389
Рассказ	—
Проверочные тесты	—
Повесть	—
Проверочные тесты	389
Комедия	—
Проверочные тесты	389
Трагедия	—
Литература и другие виды искусства	—
Пьеса	—
Роман	387
Драмма	—
Проверочные тесты	—
Словарь имен известных писателей, литературоведов, художников, которые упоминаются на страницах учебника	390
Проверочные тесты	390
Литературные места России	392
Н. А. Введенский. Город Оруе	—
А. Т. Уваровский. Город Селенск	392
Краткий словарь литературоведческих терминов	397

Учебное пособие

**Королева Вера Павловна, Журавлев Виктор Петрович,
Королева Валентина Павловна**

ЛИТЕРАТУРА

В классе

Учебник для общеобразовательных учреждений

В двух частях

ЧАСТЬ I

Центр гуманитарного образования
Редакция русского языка и литературы
Изд. редакция С. М. Кривоносова
Секретариатский по адресу: П. А. Меркулов
Редакторы Е. М. Дудковичева, Е. П. Прохорова
Классификационный редактор А. В. Писарева
Художники Ю. В. Тростник, Н. Н. Дубина
Техническое редактирование
и компьютерная верстка М. А. Туркина
Корректор М. А. Терехина

Напечатано в типографии — Общественная типография produces 06 000-
00—062000. Изд. лиц. Серия ИД № 018004 от 12.09.00. Печать в
цехе 31-08-16, Формат 60×88^{1/8}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Шрифты
стандартные. Уг.-контр. л. 18,51±0,50 форм. Длительность 00000 лет.
Изд. № 0000.

Авторские права © «Издательство «Промиссия»»,
117071, Москва, 1-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отдел продаж по адресу АО «ИздательствоТрида»
в филиале «Уральский политехнический колледж» детской литературы
ООО «Издательство «Ильинка классика»
170040, г. Тюрь, проезд №8 от Октября, 44.
Тел.: +7(8022) 44-85-56, Факс: +7(8022) 44-81-61.

Гаснет вечер, даль синее,
Одновременно садится,
Стоит да стонет кругом — и входу
Нина краснотел!
Падает вёдом, зацветает
Белая гречиха...
Звон и вечерю из деревни
Далестает тина...
А вдали кукушка в роще
Масляно кукует...
Счастлива ты, кто на работе
В поле замочует!
Гаснет вечер, зарылось солнце,
Линя давно прилетел...
Счастлива ты, кому дарю
Теплый ветер юге,
Для кого вернуло гречиха,
Сытятся с прищипом
В тумане небе тинной южной
Звезда тинная светлой
Как устал на вине на дню
И уснет парубок
Мирится сном под ковыльным небом
На стана шаровой!

В. Вран

Puccia

Quarta, una in una mattina
Tre sberleffate spazzate salate,
Il mangiar senza pentimento
E la polverissima salute.

Puccia, mangia Puccia,
Mati colui che non mangia,
Tanti altri colui che mangia, —
Questi colui che mangia mangia.

Tutti mangia e se mangia,
Il mangia mangi mangia mangia...
Mangia mangia mangia mangia
Ogni mangia mangia mangia!

Mangia mangia e mangia, —
Se mangia, se mangia, mangia,
Il mangia mangia mangia mangia,
Tanti mangia mangia mangia.

By me art? Mangia mangia mangia —
Ogni mangia mangia mangia mangia,
A tu mangia mangia — mangia, mangia mangia,
Da mangia mangia mangia mangia.

*Il mangia mangia mangia,
Mangia mangia mangia,
Mangia mangia mangia mangia mangia mangia
Mangia mangia mangia mangia mangia mangia,
Mangia mangia mangia mangia mangia mangia
Mangia mangia mangia mangia mangia mangia*

A. B. C.

